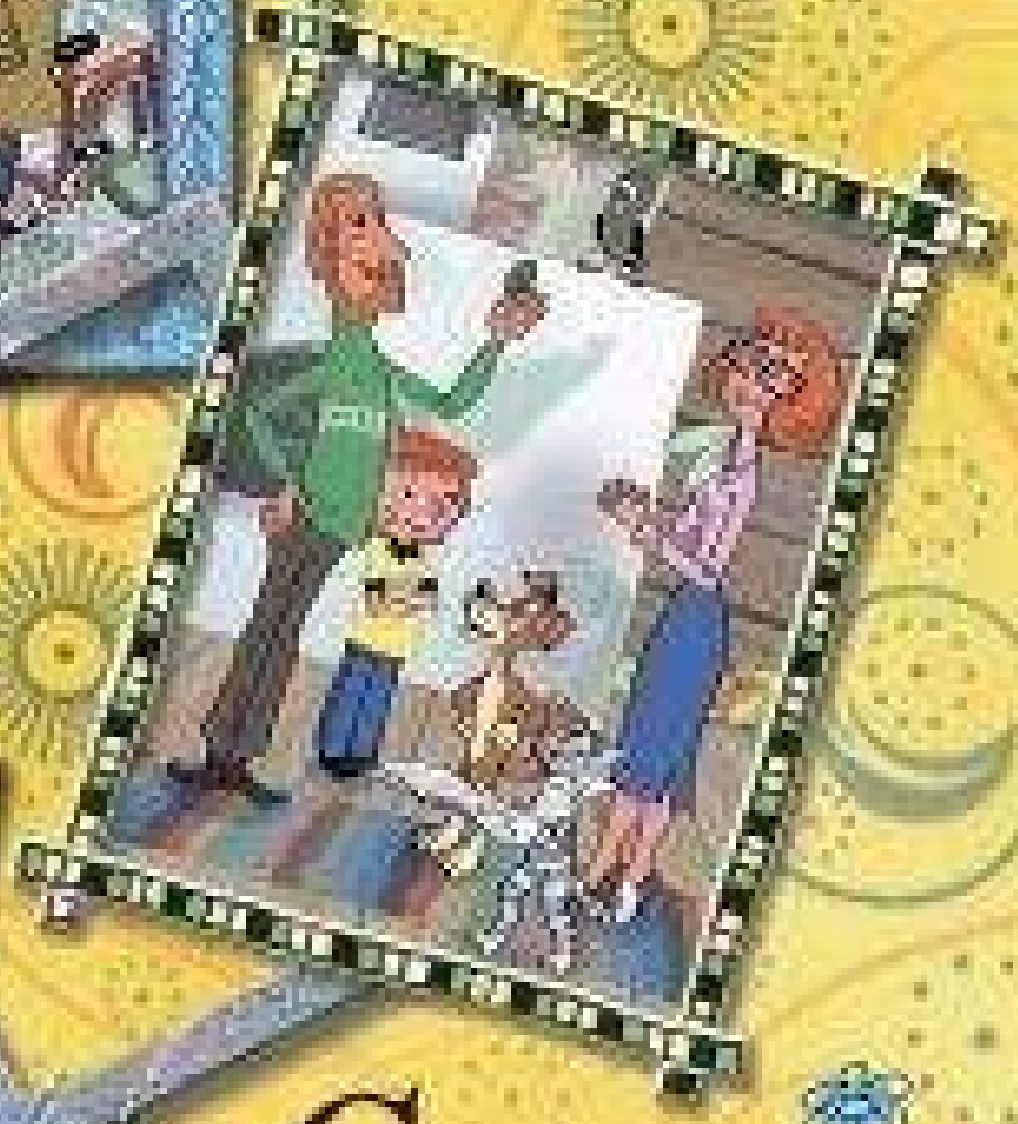
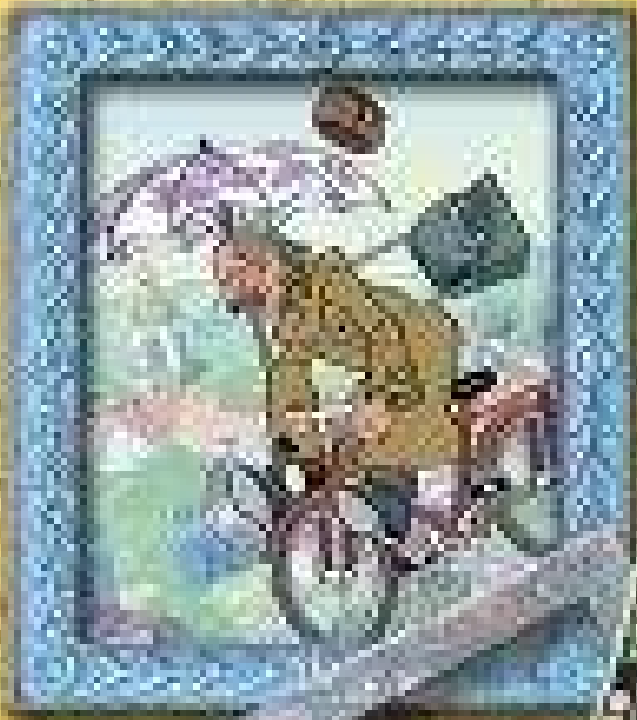


Э. Успенский



Старые
и новые
истории
о Простоквашино

Эдуард Успенский

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ИСТОРИИ О ПРОСТОКВАШИНО

Дядя Фёдор, пёс и кот

Рисунки К. Юдиной

Глава 1

Дядя Фёдор

У одних родителей мальчик был. Звали его дядя Фёдор. Потому что он был очень серьёзный и самостоятельный. Он в четыре года читать научился, а в шесть уже сам себе суп варил. В общем, он был очень хороший мальчик. И родители были хорошие — папа и мама.

И всё было бы хорошо, только мама его зверей не любила. Особенно всяких кошек. А дядя Фёдор зверей любил, и у него с мамой всегда были разные споры.

А однажды было так. Идёт себе дядя Фёдор по лестнице и бутерброд ест. Видит — на окне кот сидит. Большой-пребольшой, полосатый. Кот говорит дяде Фёдору:

— Неправильно ты, дядя Фёдор, бутерброд ешь. Ты его колбасой кверху держишь, а его надо колбасой на язык класть. Тогда вкуснее получится.

Дядя Фёдор попробовал — так и вправду вкуснее. Он кота угостил и спрашивает:

— А откуда ты знаешь, что меня дядей Фёдором звать?

Кот отвечает:

— Я в вашем доме всех знаю. Я на чердаке живу, и мне всё видно. Кто хороший и кто плохой. Только сейчас мой чердак ремонтируют, и мне жить не-где. А потом и вовсе могут дверь запереть.

— А кто тебя разговаривать научил? — спрашивает дядя Фёдор.

— Да так, — говорит кот. — Где слово запомнишь, где два. А потом, я у профессора одного жил, который язык зверей изучал. Вот и выучился. Сейчас без языка нельзя. Пропадёшь сразу, или из тебя шапку сделают, или воротник, или просто коврик для ног.

Дядя Фёдор говорит:

— Пошли ко мне жить.

Кот сомневается:

— Мама твоя меня выгонит.

— Ничего, не выгонит. Может, папа заступится.

И пошли они к дяде Фёдору. Кот поел и весь день под диваном спал, как барин. А вечером папа с мамой пришли. Мама как вошла, сразу и сказала:

— Что-то у нас кошачьим духом пахнет. Не иначе как дядя Фёдор кота притащил.

А папа сказал:

— Ну и что? Подумаешь, кот. Один кот нам не помешает.

Мама говорит:

— Тебе не помешает, а мне помешает.

— Чем он тебе помешает?

— Тем, — отвечает мама. — Ну ты вот сам подумай, какая от этого кота польза?

Папа говорит:

— Почему обязательно польза? Вот какая польза от этой картины на стене?

— От этой картины на стене, — говорит мама, — очень большая польза. Она дырку на обоях загоразивает.

— Ну и что? — не соглашается папа. — И от кота будет польза. Мы его на собаку выучим. Будет у нас сторожевой кот. Будет дом охранять. Не лает, не кусает, а в дом не пускает.

Мама даже рассердилась:

— Вечно ты со своими фантазиями! Ты мне сына испортил... Ну вот что. Если тебе этот кот так нравится, выбирай: или он, или я.

Папа сначала на маму посмотрел, потом на кота. Потом опять на маму и опять на кота.

— Я, — говорит, — тебя выбираю. Я с тобой уже давно знаком, а этого кота в первый раз вижу.

— А ты, дядя Фёдор, кого выбираешь? — спрашивает мама.

— А никого, — отвечает мальчик. — Только если вы кота прогоните, я тоже от вас уйду.

— Это ты как хочешь, — говорит мама, — только чтобы кота завтра не было!

Она, конечно, не верила, что дядя Фёдор из дома уйдёт. И папа не верил. Они думали, что он просто так говорит. А он серьёзно говорил.

Он с вечера сложил в рюкзак всё, что надо. И ножик перочинный, и куртку тёплую, и фонарик. Взял все деньги, которые на аквариум копил. И приготовил сумку для кота. Кот как раз в этой сумке помещался, только усы наружу торчали. И лёг спать.

Утром папа с мамой на работу ушли. Дядя Фёдор проснулся, сварил себе каши, позавтракал с котом и стал письмо писать.

Дорогие мои родители! Папа и мама!

Я вас очень люблю. И зверей я очень люблю. И этого кота тоже. А вы мне не разрешаете его заводить. Велите из дома прогнать. А это неправильно. Я уезжаю в деревню и буду там жить. Вы за меня не беспокойтесь. Я не пропаду. Я всё умею делать и буду вам писать. А в школу мне ещё не скоро. Только на будущий год.

До свиданья. Ваш сын — дядя Фёдор.

Он положил это письмо в свой собственный почтовый ящик, взял рюкзак и кота в сумке и пошёл на автобусную остановку.

Глава 2

Деревня

Дядя Фёдор сел в автобус и поехал. Ехать было хорошо. Автобусы в это время за город совсем пустые идут. И никто им не мешал разговаривать. Дядя Фёдор спрашивал, а кот из сумки отвечал.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Как тебя зовут?

Кот говорит:

— И не знаю как. И Барсиком меня звали, и Пушком, и Оболтусом. И даже Кис Кисычем я был. Только мне всё это не нравится. Я хочу фамилию иметь.

— Какую?

— Какую-нибудь серьёзную. Морскую фамилию. Я же из морских котов. Из корабельных. У меня и бабушка и дедушка на кораблях плавали с матросами. И меня тоже в море тянет. Очень я по океанам тоскую. Только я воды боюсь.

— А давай мы дадим тебе фамилию Матроскин, — говорит дядя Фёдор. — И с котами связано, и что-то морское есть в этой фамилии.

— Да, морское здесь есть, — соглашается кот, — это верно. А чем же это с котами связано?

— Не знаю, — говорит дядя Фёдор. — Может быть, тем, что коты полосатые и матросы тоже. У них тельняшки такие.

И кот согласился:

— Мне нравится такая фамилия — Матроскин. И морская, и серьёзная.

Он так обрадовался, что у него теперь фамилия есть, что даже заулыбался от радости. Он поглубже в сумку залез и стал свою фамилию примерять.

«Позовите, пожалуйста, кота Матроскина к телефону».

«Кот Матроскин подойти к телефону не может. Он очень занят. Он на печи лежит».

И чем больше он примерял, тем больше ему нравилось. Он из сумки высунулся и говорит:

— Очень мне нравится, что фамилия у меня не дразнительная. Не то что, например, Иванов или там Петров.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Чем это они дразнительные?

— А тем, что всегда можно говорить: «Иванов без штанов, Петров без дров». А про Матроскина ничего такого не скажешь.

Тут автобус остановился. Они в деревню приехали.

Деревня красивая. Кругом лес, поля, и речка недалеко. Ветер дует такой тёплый, и комаров нет. И народу в деревне очень мало живёт.

Дядя Фёдор увидел одного старичка и спрашивает:

— Нет ли у вас тут домика лишнего пустого? Чтобы там жить можно было.

Старик говорит:

— Да сколько хочешь! У нас за рекой новый дом построили, пятиэтажный, как в городе. Так полдеревни туда переехало. А свои дома оставили. И огороды. И даже кур кое-где. Выбирай себе любой и живи.

И пошли они выбирать. А тут к ним пёс подбегает. Лохматый такой, взъерошенный. Весь в репьях.

— Возьмите меня к себе жить! — говорит. — Я буду вам дом охранять.

Кот не согласен:

— Нечего у нас охранять. У нас и дома-то нет. Ты к нам через год прибегай, когда мы разбогатеем. Тогда мы тебя возьмём.

Дядя Фёдор говорит:

— Ты, кот, помолчи. Хорошая собака ещё никому не мешала. Давай мы лучше узнаем, где он разговаривать научился.

— Я дачу охранял одного профессора, — отвечает пёс, — который язык зверей изучал. Вот и выучился.

— Это, наверное, мой профессор! — кричит кот. — Семин Иван Трофимович! У него ещё была жена, двое детей и бабушка с веником. И он всё словарь составлял «Русско-кошачий».

— «Русско-кошачий» не знаю, а «Охотничье-собачий» составлял. И «Корово-пастухачий» тоже. А бабушка теперь уже не с веником. Ей пылесос купили.

— Всё равно это мой профессор, — говорит кот.

— А где же он сейчас? — спрашивает мальчик.

— Он в Африку уехал. В командировку. Язык слонов изучать. А я с бабушкой остался. Только мы с ней характерами не сошлись. Я люблю, когда у человека характер весёлый — колбасно-угощательный. А у неё наоборот — тяжёлый характер. Венико-выгонятельный.

— Это точно, — поддерживает кот, — и характер тяжёлый, и веник тоже.

— Ну что? Возьмёте меня к себе жить? — спрашивает пёс. — Или мне потом прибегать? Через год?

— Возьмём, — отвечает дядя Фёдор. — Втроём веселее. Как тебя зовут?

— Шарик, — говорит пёс. — Я из простых собак. Не из породистых.

— А меня дядя Фёдор зовут. А кота — Матроскин, это фамилия такая.

— Очень приятно, — говорит Шарик и кланяется. Сразу видно, что он воспитанный. Из хорошей семьи пёс. Только запущенный.

Но кот всё равно недоволен. Он у Шарика спрашивает:

— Что ты делать умеешь? Просто дом сторожить и замо?к может.

— Я могу картошку окучивать задними лапами. И посуду мыть — языком облизывать. И места мне не надо, я могу на улице спать.

Очень он боялся, что его не возьмут.

А дядя Фёдор сказал:

— Сейчас будем дом выбирать. Пусть каждый по деревне пройдёт и посмотрит. А потом мы решим, чей дом лучше.

И стали они смотреть. Каждый ходил и выбирал, что ему больше нравится. А потом они снова встретились. Кот говорит:

— Я такой дом нашёл! Весь проконопаченный. И печка там тёплая! На полкухни! Пошли туда жить.

Шарик как засмеётся:

— Что твоя печка! Чепуха! Разве это в доме главное? Вот я дом нашёл — это дом! Там такая будка собачья — загляденье! Никакого дома не надо. Все мы в будке поместимся!

Дядя Фёдор говорит:

— Не о том вы оба думаете. Надо, чтобы в доме телевизор был обязательно. И окна большие. Я как раз и нашёл такой дом. Крыша красная. И сад с огородом есть. Пошли его смотреть!

И пошли они смотреть. Как только подошли, Шарик кричит:

— Это же мой дом! Я про эту будку говорил.

— И печка моя! — говорит кот. — Я о такой печке всю жизнь мечтал! Когда холодно было.

— Вот и хорошо! — сказал дядя Фёдор. — Мы, наверное, и в самом деле лучший дом выбрали.

Осмотрели они дом и обрадовались. Всё в доме было. И печка, и кровати, и занавесочки на окнах! И радио, и телевизор в углу. Правда, старенький. И котелки разные на кухне были, чугунные. И в огороде всё было посажено. И картошка, и капуста. Только всё запущено было, не прополото. А в сарае удочка была.

Дядя Фёдор взял удочку и пошёл рыбу ловить. А кот с Шариком печку истопили и воды принесли. Потом они поели, радио послушали и спать легли. Очень им в этом доме понравилось.

Глава 3

Новые заботы

На другое утро дядя Фёдор, пёс и кот дом в порядок приводили. Паутину сметали, мусор выносили, печку чистили. Особенно кот старался: он чистоту любил. Он с тряпкой на все шкафы, под все диваны залезал. Дом и так был не очень грязный, а тут совсем заблестел.

А от Шарика пользы мало было. Он только носился, лаял от радости и чихал во все углы. Дядя Фёдор не выдержал и послал его в огород картошку окучивать. И пёс так заработал, что только земля летела во все стороны.

Весь день они так трудились. И морковь пропололи, и капусту. Ведь они сюда жить приехали, а не в игрушки играть.

А потом они мыться на речку отправились и, главное, Шарика купать.

— Уж больно ты у нас запущенный, — говорит дядя Фёдор. — Придётся тебе отмыться как следует.

— Я бы рад, — отвечает пёс, — только мне помощь нужна. Я один не могу. У меня мыло из зубов выскакивает. А без мыла что за мытьё! Так, намокание!

Он в воду залез, а дядя Фёдор его намыливал и шерсть расчёсывал. А кот по берегу ходил и всё грустил о разных океанах. Он же был морской кот, просто он воды боялся.

Потом они домой пошли по тропинке под солнышком. А навстречу им какой-то дядя бежит. Румяный такой, в шапке. Лет пятидесяти с хвостиком. (Это не дядя с хвостиком, а возраст у него с хвостиком. Значит, ему пятьдесят лет и ещё чуть-чуть.) Остановился дядя и спрашивает:

— А ты, мальчик, чей? Ты откуда к нам в деревню попал?

Дядя Фёдор отвечает:

— Я ничей. Я сам по себе мальчик. Свой собственный. Я из города приехал.

Гражданин в шапке удивился ужасно и говорит:

— Так не бывает, чтобы дети сами по себе были. Свои собственные. Дети обязательно чьи-нибудь.

— Это почему не бывает?! — рассердился Матроскин. — Я, например, кот — сам по себе кот! Свой собственный!

— И я свой собственный! — говорит Шарик.

Дядя совсем растерялся. Видит: тут и собаки разговаривают, и коты. Что-то необычное здесь. Значит, непорядок. Да к тому ж ещё дядя Фёдор сам наступать начал:

— А вы почему спрашиваете? Вы, случайно, не из милиции?

— Нет, я не из милиции, — отвечает дядя. — Я из почты. Я почтальон тутошний — Печкин. Поэтому я всё должен знать. Чтобы письма разносить и газеты. Вы, например, что выписываете?

— Я буду «Мурзилку» выписывать, — говорит дядя Фёдор.

— А я что-нибудь про охоту, — говорит Шарик.

— А вы? — спрашивает дядя у кота.

— А я ничего не буду, — отвечает кот. — Я экономить буду.

Глава 4

Клад

Однажды кот говорит:

— Что это мы всё без молока и без молока? Так и умереть можно. Надо бы корову купить.

— Надо бы, — соглашается дядя Фёдор. — Да где денег взять?

— Может, занять? — предлагает пёс. — У соседей.

— А чем отдавать будем? — спрашивает кот. — Отдавать-то надо.

— А отдавать будем молоком.

Но кот не согласен:

— Если молоко отдавать, зачем же тогда корова?

— Значит, надо что-нибудь продать, — говорит Шарик.

— А что?

— Что-нибудь ненужное.

— Чтобы продать что-нибудь ненужное, — сердится кот, — надо сначала купить что-нибудь ненужное. А у нас денег нет. — Тут он на пса посмотрел и говорит: — А давай, Шарик, мы тебя продадим.

Шарик даже на месте подпрыгнул:

— Это как так — меня?

— А так. Ты у нас ухоженный стал, красивый. За тебя любой охотник сто рублей даст. И ещё больше. А потом ты от него убежишь — и снова к нам. А мы уже с коровой.

— Да? — кричит Шарик. — А если меня на цепь посадят?! Давай, кот, мы тебя продадим. Ты у нас тоже ухоженный. Вон какой толстый сделался. А котов на цепь не сажают.

Тут дядя Фёдор вмешался:

— Никого мы продавать не будем. Мы пойдём клад искать.

— Ура! — кричит Шарик. — Давно пора! — А сам потихоньку у кота спрашивает: — А что такое склад?

— Не склад, а клад, — отвечает кот. — Это деньги такие и сокровища, которые люди в землю спрятали. Разбойники всякие.

— А зачем?

— А зачем ты косточки в саду закапываешь и под печку суёшь?

— Я? Про запас.

— Вот и они про запас.

Пёс сразу всё понял и решил кости перепрятать, чтобы кот про них ничего не знал.

И пошли они клад искать. Кот говорит:

— И как это я сам не додумался про клад? Ведь мы теперь и корову купим, и в огороде можем не работать. Мы всё можем на рынке покупать.

— И в магазине, — говорит Шарик. — Мясо лучше в магазине покупать.

— Почему?

— Там костей больше.

И тут они на одно место пришли в лесу. Там была большая гора земляная, а в горе пещера была. В ней когда-то разбойники жили. И дядя Фёдор стал копать. А пёс и кот уселись рядом на камушке. Пёс спрашивает:

— А почему ты, дядя Фёдор, в городе клад не искал?

Дядя Фёдор говорит:

— Чудак ты! Кто же в городе клады ищет! Там и копать нельзя — асфальт везде. А здесь вон какая земля мягкая — один песок. Здесь мы в два счёта клад найдём. И корову купим.

Пёс говорит:

— А давайте, когда мы клад найдём, мы его на три части поделим.

— Почему? — спрашивает кот.

— Потому что мне корова не нужна. Я молоко что-то не люблю. Я себе буду колбасу в магазине покупать.

— Да и я молоко что-то не очень люблю, — говорит дядя Фёдор. — Вот если бы корова квас давала или лимонад...

— А мне одному денег на корову не хватит! — спорит кот. — В хозяйстве корова нужна. Что это за хозяйство без коровы?

— Ну и что? — говорит Шарик. — Не обязательно большую корову покупать. Ты купи маленькую. Есть такие специальные коровы для котов. Козы называются.

И тут у дяди Фёдора лопата как звякнет обо что-то — а это сундук окованный. А в нём всякие сокровища и монеты старинные. И камни драгоценные. Взяли они этот сундук и домой пошли. А навстречу им почтальон Печкин спешит.

— Что это ты, мальчик, в сундуке несёшь?

Кот Матроскин хитрый, он и говорит:

— Это мы за грибами ходили.

Но Печкин тоже не прост:

— А сундук для чего?

— Для грибов. Мы в нём грибы засаливаем. Прямо в лесу. Ясно вам?

— Конечно, ясно. Чего ж тут неясного? — говорит Печкин.

А самому ничего не ясно. Ведь за грибами с корзинами ходят. А тут на? тебе — с сундуком! Они бы ещё с чемоданом пошли. Но всё-таки Печкин отстал.

А они уже домой пришли. Посмотрели — очень много денег в сундуке. Не только корову — целое стадо можно купить вместе с быком. И они решили, что каждый себе подарок сделает. Чего хочет, то и купит.

Глава 5

Первая покупка

Папа с мамой очень горевали, что дядя Фёдор пропал.

— Это ты виноват, — говорила мама. — Всё ему разрешаешь, он и избаловался.

— Просто он зверей любит, — объяснял папа. — Вот и ушёл с котом.

— А ты бы его к технике приучал. Купил бы ему конструктор или пылесос, чтобы он делом занимался.

Но папа не согласен:

— Кот — он живой. С ним и играть можно, и на улице гулять. А конструктор будет тебе за бумажкой прыгать? Или можно, например, пылесос на верёвочке водить? Ему не игрушка — ему товарищ нужен.

— Не знаю, что ему там нужно! — говорит мама. — Только все дети как дети — сидят себе в углу и из желудей человечков делают. Посмотришь, и сердце радуется.

— У тебя радуется, а у меня не радуется. Надо, чтобы в доме и собаки были, и кошки, и приятелей целый мешок. И всякие там жмурки-пряталки. Вот тогда дети и не станут пропадать.

— Тогда родители пропадать начнут, — говорит мама. — Потому что я и без того на работе устаю. У меня еле-еле сил хватает телевизор смотреть. И вообще ты мне свои глупости не говори. Ты лучше скажи, как нам мальчика разыскать.

Папа думал, думал, а потом сказал:

— Надо заметку в газете напечатать, что пропал мальчик. Зовут дядя Фёдор. И все его приметы описать. Если кто увидит, пусть нам сообщит.

Так они и сделали. Написали заметку. Рассказали, как дядя Фёдор выглядит. Сколько ему лет. И что у него спереди волосы торчком, как будто корова его лизнула. И обещали премию тому, кто его найдёт. И отнесли заметку в самую интересную газету. У которой больше всего читателей.

А дядя Фёдор ничего этого не знал. Он в деревне жил. Он на другое утро спрашивает у кота:

— Слушай, кот, как ты раньше жил?

Кот говорит:

— Плохо жил. Хуже некуда. Я больше так не хочу.

— А ты, Шарик, как жил?

— Нормально жил. Серединка на половинку. Когда покормят, хорошо жил, когда не покормят — плохо.

— И я тоже нормально жил. Серединка на половинку, — говорит дядя Фёдор. — Только теперь мы будем по-другому жить. Мы будем жить счастливо. Вот тебе, Матроскин, что нужно для счастья?

— Корова нужна.

— Ну и хорошо, покупай себе корову. А ещё лучше — напрокат возьми. Чтобы сначала попробовать.

Кот подумал и сказал:

— Это мысль правильная — корову напрокат взять. А потом, если нам жить с коровой понравится, мы её навсегда купим.

А дядя Фёдор у Шарика спрашивает:

— А тебе что для счастья нужно?

— Ружьё нужно, — говорит Шарик. — Буду я сам с собой на охоту ходить.

— Ладно, — говорит дядя Фёдор. — Будет тебе ружьё.

— А мне ещё ошейник нужен с медалями! — кричит пёс. — И сумка охотничья!

— Во даёт! — говорит Матроскин. — Да ты нас так разоришь совсем! Никаких от тебя доходов нет, расходы одни. А ты, дядя Фёдор, что себе сам покупать хочешь?

— А мне самому, — говорит дядя Фёдор, — велосипед нужен. Мне его в городе не разрешали заводить: там машин много. А здесь я могу кататься сколько хочешь. По деревне и по полям. Туда-сюда. Сюда-туда.

Но кот не согласен:

— Ты, дядя Фёдор, только о себе и думаешь. Ты, значит, будешь по деревне кататься, а мы сзади будем пешком бегать. Туда-сюда. Сюда-туда. Нет, не об этом я всю жизнь мечтал! Не нужен нам твой велосипед!

— А ты мотоцикл купи, — предлагает пёс. — Как мы ТРАХ-ТАРА-РАХ по деревне! Все собаки умрут от зависти.

Дядя Фёдор как представил себе это ТРАХ-ТАРА-РАХ, так ему сразу весело стало. А кот кричит:

— Ни о чём-то вы не думаете! Вам лишь бы деньги истратить. А если дождь или мороз, к примеру, мы же попростужаемся все. Позаболеваем. А я, может, только жить начал — корову купить собираюсь! Нет, мотоцикл — это не машина. Не нужно мне вашего ТРАХ-ТАРА-РАХА, и не уговаривайте!

Шарик подумал, подумал и согласился с ним:

— Да, мотоцикл — это не машина. Это он прав. Не будем мы его покупать. Ни за что. Мы лучше машину купим.

— Какую ещё машину?

— Обыкновенную, легковую, — говорит пёс. — Ведь машина-то — это машина.

— Ну и что? — кричит кот. — Может, где-нибудь машина — это машина. Только не в нашей области. У нас дороги такие... А если она застрянет в лесу? Придётся её трактором вытаскивать. Вы уж и трактор заодно покупайте!

— А что? — кричит пёс. — Правильно он говорит. Покупай, дядя Фёдор, трактор.

Дядя Фёдор на кота посмотрел. А кот молчит. А что ему говорить? Он лапой махнул: покупайте хоть комбайн, мне всё равно, раз вы меня не слушаете.

Взял кот деньги и пошёл за коровой. А дядя Фёдор на почту пошёл письмо писать на завод,

чтобы ему трактор выслали.

Он написал такое письмо:

Здравствуйте, уважаемые, те, кто делает тракторы! Пришлите мне, пожалуйста, трактор. Только не совсем настоящий и не совсем игрушечный. И чтоб бензина ему надо было поменьше, а ездил он побыстрее. И чтоб он был весёлый и от дождя закрытый. А деньги я вам высылаю — сто рублей. Если у вас останутся лишние, пришлите обратно. С уважением... дядя Фёдор (мальчик).

А через некоторое время домой Матроскин является и корову на верёвочке ведёт. Он её напрокат взял в сельском бюро обслуживания. Ну просто профессор с рогами! Только очков не хватает. И кот тоже заважничал.

— Это, — говорит, — моя корова. Я её Муркой назову в честь бабушки. Вон она какая красивая! Последняя была. Никто её брать не хотел. А я взял: очень она мне понравилась. А если ещё больше понравится, я её насовсем куплю. Так можно делать.

Достал он косу и пошёл сено на зиму запасать. А корова к окну подошла. На окне занавесочки были. Она взяла и все занавесочки съела. И все цветы, которые в горшках стояли. Пёс увидел и говорит:

— Ты что это делаешь? Ты что это цветы ешь и занавески? Может, ты больная или как? Может, тебе температуру смерить? Градусник поставить?

Корова смотрит на него так, будто всё поняла, а потом как всунется в окно, как вытащит из дома новую скатерть — и давай жевать! Шарик даже в обморок упал от удивления. Потом вскочил из обморока и за другой конец скатерти ухватился. Не даёт корове жевать. Он к себе тянет, а корова — к себе. И никто из них рта раскрыть не может, чтобы скатерть не потерять.

А тут дядя Фёдор идёт из магазина с покупками. Коту он матроску купил, а Шарику — ошейник с медалями.

— Что это вы за игру затеяли с новой скатертью? — кричит. — Тоже мне Клуб весёлых и находчивых!

А они молчат. Только на него глаза таращат. Тут он увидел, что все цветы на окне поедены и занавесок нет, и всё понял. Вынул он ремень из брюк да как хлестнёт глупую корову! А корова, видно, балованная была. Она на дядю Фёдора с рогами. Он — бежать. Но брюки у него без ремня были, он в них и запутался. Вот-вот корова бодать начнёт.

Пёс корову за хвост схватил — не даёт бодать дядю Фёдора. А тут кот идёт.

— Что это вы с моей коровой делаете? Я её не для того брал, чтобы вы её за хвост тянули. Нашли развлечение!

Но дядя Фёдор всё коту объяснил. И занавесочки показал объеденные. А пёс корову за хвост держит — мало ли что!

— Ты свою корову на цепь посади, — говорит дядя Фёдор.

Кот упирается:

— Это же не собака, чтобы на цепи сидеть. Коровы, они просто так гуляют.

— Так это нормальные коровы! — кричит Шарик. — А твоя корова психическая! — И хвост коровий выпустил.

Корова как побежит, да прямо на кота! Бедный кот еле увернулся. Влез он на крышу и говорит:

— Согласен! Согласен! Пусть она на цепи сидит, раз она такая дурочка!

Глава 6

Галчонок Хватайка

Так и стал дядя Фёдор жить в деревне. И люди в деревне его полюбили. Потому что не бездельничал, всё время делом занимался или играл. А потом у него забот поприбавилось. Узнали люди, что он зверей любит, и стали ему разных зверюшек приносить. Птенец ли от стаи отобьётся, зайчонок ли потеряется, сейчас же его берут — и к дяде Фёдору. А он с ними возится, лечит их и на волю отпускает.

Однажды у них галчонок появился. Глаза как пуговицы, нос толстый. Сердитый-пресердитый.

Дядя Фёдор его накормил и на шкаф посадил. И назвали галчонка Хватайкой: он что ни увидит, всё на шкаф тащит. Увидит спички — на шкаф. Увидит ложку — на шкаф. Даже будильник на шкаф перетащил. А взять у него ничего нельзя. Сразу Хватайка крылья в стороны, шипит и клюётся. У него на шкафу целый склад получился. Потом он немного подрос, поправился и стал в окно вылетать. Но к вечеру обязательно возвращался. И не с пустыми руками. То ключ от шкафа утащит, то зажигалку, то детскую формочку. Однажды даже соску принёс. Наверное, какой-нибудь малыш спал в коляске на улице, а Хватайка подлетел и соску вытащил.

Очень дядя Фёдор боялся за галчонка: плохие люди могли его из ружья застрелить или палкой стукнуть.

А кот решил галчонка к делу приучать:

— Что это мы его зря кормим! Пусть пользу приносит.

И стал он галчонка учить разговаривать. Целыми днями сидел около него и говорил:

— Кто там? Кто там? Кто там?

Шарик спрашивает:

— Что, тебе делать нечего? Ты бы его лучше песне какой выучил или стихотворению.

Кот отвечает:

— Песни я и сам петь могу. Только от них пользы нету.

— А от твоего «ктотама» какая польза?

— А такая. Уйдём мы в лес за дровами, и дома никого не останется. Любой человек может в дом войти и унести что-нибудь. А так придёт человек, начнёт в дверь стучать, галчонок спросит: «Кто там?» Человек подумает, что дома кто-то есть, и ничего воровать не станет. Ясно тебе?

— Но ты же сам говорил, что у нас красть нечего, — спорит Шарик. — Ты даже меня брать не хотел.

— Это раньше было нечего, — объясняет кот, — а теперь мы клад нашли.

Шарик с котом согласился и тоже стал учить галчонок «ктотаму». Целую неделю учили его, и наконец галчонок выучился. Только кто-нибудь в дверь постучит или на крыльце затопаёт, Хватайка сразу спрашивает:

— Кто там? Кто там? Это кто там?

И вот что из этого получилось. Однажды дядя Фёдор, кот и Шарик пошли в лес грибы собирать. И дома никого не было, кроме галчонок. Тут почтальон Печкин приходит. Он в дверь постучал и слышит:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка», — отвечает он.

Галчонок опять спрашивает:

— Кто там?

Почтальон снова говорит:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Только дверь никто не открывает. Почтальон опять постучал и опять слышит:

— Кто там? Это кто там?

— Да никто. Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

И так у них целый день продолжалось.

Тук-тук.

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Тук-тук.

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Под конец Печкину плохо стало. Совсем его замучили. Он на крылечко сел и сам стал спрашивать:

— Кто там?

А галчонок в ответ:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Печкин опять спрашивает:

— Кто там?

А галчонок опять отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Когда дядя Фёдор и Матроскин с Шариком домой пришли, они очень удивились. Сидит почтальон на крыльце и одно и то же говорит: «Кто там?» да «Кто там?».

А из дома одно и то же слышится:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка»... Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Еле-еле они почтальона в себя привели и чаем отпоили. А когда он узнал, в чём дело, он не стал обижаться. Он только рукой махнул и две лишние конфеты в карман положил.

Глава 7

Тр-тр Митя

В журнал, который Печкин принёс, была вложена открытка. А в открытке написано:

Просим Вас завтра быть дома. На Ваше имя получен трактор. Начальник железнодорожной станции Несидоров.

Внизу ещё было напечатано красивыми буквами: В НАШЕЙ СТРАНЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ОЧЕНЬ МНОГО!

Это обрадовало всех. Особенно Шарика. И стали они трактора дожидаться.

Наконец его привезли на большой машине и поставили около дома. Шофёр попросил дядю Фёдора расписаться и дал ему конверт. В конверте было письмо и специальная книжечка, как с трактором обращаться. В письме было написано:

Уважаемый дядя Фёдор (мальчик)!

Ты просил прислать тебе трактор не совсем настоящий и не совсем игрушечный и чтоб он весёлый был. Посылаем тебе такой. Самый весёлый на заводе. Это опытная модель. Бензин ему не нужен. Работает он на продуктах.

Отзывы о тракторе просим присылать к нам на завод. С большим уважением — инженер Тяпкин (изобретатель трактора).

Потом дядя Фёдор взял книжечку и стал читать: ЗАВОД ЖЕЛЕЗНОТРАКТОРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ТР-ТР МИТЯ ПРОДУКТОВЫЙ. 20 л. с.

Прочитал он и говорит:

— Ничего не понятно. Что такое «тр-тр»? Что такое «лы сы»?

— Что ж тут непонятного? — говорит кот. — Просто всё, как арбуз. «Тр-тр» — это сокращённо «трактор». А «Митя» — это значит «Модель инженера Тяпкина». Который тебе письмо написал.

— А что значит двадцать «лы сы»? — спрашивает дядя Фёдор.

— «Лы сы» — это лошадиные силы. Значит, он перетянет двадцать лошадей, если они будут тянуть в одну сторону, а он — в другую.

— Так сколько же ему сена надо? — ахнул Шарик.

— А сена ему не нужно. Тут же написано: он работает на продуктах.

Дядя Фёдор удивился даже:

— И откуда ты, Матроскин, всё знаешь? И про фамилии, и про тракторы, и про «лы сы»?

— А вы поживите с моё, — отвечает кот, — и не то узнаете. И где я только не жил! И у одних хозяев, и у других, и в библиотеке, и даже в сберегательной кассе. Я, может, столько в жизни видел, что на целую кошачью энциклопедию хватит. А вообще-то вы здесь бездельничаете, а у меня корова не доена, Мурка моя.

Он ушёл. А мальчик с Шариком стали тр-тр заводить. Стали в трактор суп заливать и котлеты запихивать. Прямо в бак. Трактор как затарахтит!

Сели они в него и по деревне поехали. Ехал, ехал Митя по деревне, потом у одного дома как остановится!

— Чего это он? — спрашивает дядя Фёдор. — Может, горючее кончилось?

— Ничего не кончилось. Просто он учуял, что пирогами пахнет.

— Какими ещё пирогами?

— Обыкновенными. Вон в том доме пироги пекут.

— И что же нам делать теперь?

— Не знаю, — говорит Шарик. — Только так пахнет вкусно, что мне тоже ехать не хочется.

— Ничего себе я трактор купил! — говорит дядя Фёдор. — Так мы и будем около всех домов останавливаться? И у столовых. Это не трактор, а бегемот какой-то. Тр-тр — восемь дыр! Чтоб ему пусто было, инженеру Тяпкину!

Так и пришлось им в дом заходить, пирогов просить. Матроскин, когда про это узнал, рассердился на дядю Фёдора:

— Говорил я вам ничего не покупать, а вы всё не слушаете! Да нам этот тр-тр не прокормить теперь!

Но потом кот успокоился:

— Ну ничего, дядя Фёдор, не унывай. Хорошо, что я у тебя есть. Мы с твоим трактором справимся. Будем перед ним сосиску держать на удочке. Он за сосиской поедет и нас повезёт.

Так они и сделали.

И скоро трактор исправляться начал. А вообще-то он был весёлый. Кабина пластмассовая, голубая, а колёса железные. И смазывать его надо было не машинным маслом, а подсолнечным.

Но тут им корова Мурка забот прибавила.

Глава 8

Хмель цветёт

Корова Мурка, которую кот купил, глупая была и балованная. Но молока много давала. Так много, что с каждым днём всё больше и больше. Все вёдра с молоком стояли. Все банки. И даже в аквариуме молоко было. Рыбки в нём плавали.

Однажды дядя Фёдор проснулся, смотрит, а в умывальнике не вода, а простокваша налита. Дядя Фёдор кота позвал и говорит:

— Что это ты делаешь? Как же умываться теперь?

Кот хмуро так отвечает:

— Умываться и в речке можно.

— Да? А зимой как? Тоже в речке?

— А зимой можно и совсем не умываться. Кругом снег лежит, не запачкаешься. И вообще некоторые языком умываются.

— Некоторые и мышей едят, — говорит дядя Фёдор. — А чтобы простокваши в умывальнике не было!

Кот подумал и сказал:

— Ладно. Я телёночка заведу. Пусть он простоквашу ест.

А в обед опять новости. И тоже с Муркой. Приходит она с пастбища почему-то на задних ногах. А во рту цветок. Идёт она себе, подбоченилась и поёт:

Помню, я ещё молодухой была,

Наша армия в поход куда-то шла...

Только слов она говорить не умеет, и у неё получается:

Му-му-му му-му му-му-му-му му-му,

Му-му му-му-му му-му му-му-му-му...

И тучка у неё над головой, как шапочка. Шарик спрашивает:

— Чего это она так обрадовалась? Может, у неё праздник какой или что?

— Какой праздник? — говорит дядя Фёдор.

— Может, день рождения у неё. Или день кефира. А может, коровий Новый год.

— При чём тут Новый год? — говорит Матроскин. — Просто она белены объелась или хмеля.

А корова как разбежится — и в стенку головой трах! Еле-еле её в сарай загнать удалось. Пошёл Матроскин её доить. Через пять минут выходит, а с ним что-то странное сделалось. Матроска у него спереди как фартук надета, а подоюник на голове как каска. И поёт он что-то несуразное:

Я — моряк,

Гуляю на просторе,

День за днём,

С волны и на волну!

Очевидно, он молока попробовал весёлого. Шарик говорит дяде Фёдору:

— Сначала у нас корова помешалась, а теперь и кот с ума сошёл. Надо бы «скорую помощь» вызвать.

— Подождём ещё, — говорит дядя Фёдор. — Может, они в себя придут.

Какое там в себя! Мурка в коровнике полонез Огинского мычать стала:

Му-му-му-му-му му-му-му!

Му-му му-му му-му!

А кот вообще что-то странное затынул:

Жили у бабуся

Два весёлых гуся:

Один серый,

Другой белый —

Петя и Маруся! —

и тоже головой в стенку — бух!

Тут уж и дядя Фёдор заволновался:

— На тебе, Шарик, две копейки. Беги вызови «скорую помощь» по автомату.

Шарик убежал, а кот и корова в себя приходить начали. Петь и мычать перестали. Кот за голову схватился и говорит:

— Ничего себе наша корова молоко даёт! Из него только сгущёнку делать и врагам на войне подбрасывать. Чтобы они с ума посходили и из окопов повылазили.

А тут к ним почтальон Печкин идёт. Румяный такой и радостный.

— Смотрите, какую я заметку в газете прочитал. Про одного мальчика. Глаза у него коричневые и волосы спереди торчком, как будто корова его лизнула. И рост один метр двадцать.

— Ну и что? — говорит кот. — Мало ли таких мальчиков!

— Может, и немало, — отвечает почтальон, — только этот мальчик из дома ушёл. А родители беспокоятся, что с ним. И даже премию обещали тому, кто его найдёт. Может, велосипед дадут. А мне велосипед во? как нужен, почту развозить. Я даже метр принёс: буду вашего хозяина измерять.

Шарик как услышал, так за сердце схватился. Вот измерит Печкин дядю Фёдора, вот отвезёт домой — что они с котом делать будут? Пропадут же!

А кот не растерялся и говорит:

— Измерить — это всегда можно. А вы сначала молочка попейте. Я только что корову подоил. Мурку мою.

Почтальон соглашается:

— Молочка я с удовольствием выпью. Молоко, оно очень полезное. Об этом даже в газетах пишут. Дайте мне самую большую кружку.

Кот в дом побежал и скорее принёс ему кружку самую огромную. Налил в неё молока и

Печкину даёт. Печкин как выпьет, как вытаращит глаза! Как запоёт:

Когда я на почте служил ямщиком,

Был молод, имел я силёнку! —

и тоже головой в стенку — стук!

А галчонок из дома спрашивает:

— Кто там? Это кто там?

Почтальон отвечает:

— Это я, почтальон Печкин! Принёс для вас метр. Буду ваше молоко измерять. Давайте мне самую большую кружку!

А тут «скорая помощь» приехала. Выходят два санитар и спрашивают:

— Это кто у вас тут с ума сошёл?

Печкин отвечает:

— Это дом с ума сошёл! На меня бросается.

Взяли его санитары под руки и к машине повели. И говорят:

— Сейчас хмель цветёт. Очень многие с ума сходят. Особенно коровы.

Когда они уехали, дядя Фёдор сказал коту:

— Ты это молоко куда-нибудь вылей. Чтобы беды опять не было.

А коту жалко выливать. Он и решил молоко трактору отдать. Мите. С машиной, мол, ничего не случится. Тракторы с ума не сходят. И всё молоко в бак вылил. Прямо из ведра.

Митя стоял, стоял, потом как затарахтит — и на кота! Кот ведро бросил и скорее на дерево! А Митя стал ведром в футбол играть. Играл, играл, пока в лепёшку не превратил. Ай да модель инженера Тяпкина!

А потом пошёл по деревне хулиганить. Сорняки окучивать и за курами гоняться. И песни гудеть всякие. Под конец он даже купаться полез. Чуть-чуть не заглох. Вылез он кое-как на берег, стыдно ему стало. Подъехал он к дому, на место встал, ни на кого не глядит. Сам себя ругает.

Дядя Фёдор очень рассердился на Матроскина и в угол его поставил:

— В следующий раз делай, что тебе говорят.

Шарик всё над котом смеялся.

Но дядя Фёдор Шарику сказал:

— Ладно, ладно. Нечего над человеком смеяться, когда он в углу стоит.

Конечно, Матроскин был кот, а не человек. Но для дяди Фёдора он был всё равно как человек.

А с этой коровой ещё были приключения. И не мало.

Глава 9

Ваш сын — дядя Фарик

На другой день дядя Фёдор решил письмо домой написать. Чтобы папа и мама за него не беспокоились. Потому что он их очень любил. А они не знали, где он и что с ним. И конечно, переживали.

Сидит дядя Фёдор и пишет:

Мои мама и папа!

Я живу хорошо. Просто замечательно. У меня есть свой дом. Он тёплый. В нём одна комната и кухня. А недавно мы клад нашли и корову купили. И трактор — тр-тр Митю. Трактор хороший, только он бензин не любит, а любит суп.

Мама и папа, я без вас очень скучаю. Особенно по вечерам. Но я вам не скажу, где я живу. А то вы меня заберёте, а Матроскин и Шарик пропадут.

Но тут дядя Фёдор увидел, что деревенские ребята змея в поле запускают. И дядя Фёдор к ним побежал. А коту велел письмо дописывать за него. Кот взял карандаш и начал писать:

А ещё у нас печка есть тёплая. Я так люблю на ней отдыхать! Здоровье-то у меня не очень: то лапы ломит, то хвост отваливается. Потому что, дорогие мои папа и мама, жизнь у меня была сложная, полная лишений и выгоняний. Но сейчас всё по-другому. И колбаса у меня есть, и молоко парное стоит в мисочке на полу. Пей — не хочу. Мне мышей даже видеть не хочется. Я их просто так ловлю, для развлечения. Или на удочку, или пылесосом из норок вытаскиваю и в поле уношу. А днём я люблю на крышу вскарабкаться. И там глаза вытаращу, усы расправлю и загораю как ненормальный. На солнышке облизываюсь и сохну.

Тут кот услышал, что мыши в подполе заскреблись. Крикнул он Шарика и в подпол побежал с пылесосом. Шарик карандаш в зубы взял и стал дальше калякать:

А на днях я линять начал. Старая шерсть с меня сыплется — хоть в дом не заходи. Зато новая растёт — чистая, шелковистая! Просто каракуль. Да ещё охрип я немножечко. Прохожих много, на всех лаять приходится. Час полаешь, два полаешь, а потом у меня не лай, а свист какой-то получается и бульканье.

Дорогие папа и мама, вы меня теперь просто не узнаете. Хвост у меня крючком, уши торчком, нос холодный и лохматость повысилась. Мне теперь можно зимой даже на снегу спать. Я теперь сам в магазин хожу. И все продавцы меня знают. Кости мне бесплатно дают... Так что вы за меня не переживайте. Я такой здоровый стал, прямо — ух! Если я на выставку попаду, мне все медали обеспечены. За красоту и сообразительность.

До свиданья. Ваш сын — дядя Шарик.

Потом он слово «Шарик» хотел исправить на «Фёдор». И получилось вообще что-то непонятное:

До свиданья. Ваш сын — дядя Фарик.

Они с Матроскиным письмо запечатали, адрес написали, и Шарик его в зубах в почтовый ящик отнёс.

Но письмо из ящика ещё не скоро по адресу поехало. Потому что почтальон Печкин в изоляторе был. Сначала он не хотел там оставаться. Он говорил, что это не он с ума сошёл, а дом дяди Фёдора, который бодаться начал.

А потом ему в изоляторе понравилось. Письма разносить не надо было, и кормили хорошо. И ещё он там с одним бухгалтером познакомился. Этого бухгалтера дети до больницы довели. И он всё время Печкина воспитывал. Он говорил:

— Печкин, не прыгай на кровати!

— Печкин, не высовывайся в окно!

— Печкин, не бросайся котлетами в товарищей!

Хоть Печкин ниоткуда не высовывался, нигде не прыгал и никакими котлетами в товарищей не бросался.

Но на дядю Фёдора Печкин обиделся. Он говорил так:

— Некоторые люди собак дома держат и кошек, а у меня даже велосипеда нет.

Но это потом было. А пока ещё он в изоляторе был и письмо в почтовом ящике лежало.

Глава 10

Шарик идёт в лес

Дядя Фёдор и кот в доме жили.

А Шарик всё по участку бегал или в будке сидел. И ночевал там. Он в дом только пообедать приходил или так, в гости. И вот однажды сидит он в своей будке и думает: «Кот себе корову купил. Дядя Фёдор — трактор. А я что, хуже всех, что ли? Пора и мне ружьё покупать для счастья. Пока деньги есть».

Дядя Фёдор всё его отговаривал ружьё покупать — жалко зверюшек. И кот отговаривал — деньги жалел. А пёс и слушать не хочет.

— Отойдите, — говорит, — в сторону! Во мне инстинкт просыпается! Звери — они для того и созданы, чтобы на них охотились. Это я раньше не понимал, потому что жил плохо! А теперь я поправился, и меня в лес потянуло со страшной силой!

Пошёл он в магазин и купил ружьё. И патроны купил, и сумку купил охотничью, чтобы всяких

зверей туда складывать.

— Ждите меня, — говорит, — к вечеру. Я вам чего-нибудь вкусенького подстрелю.

Вышел он из деревни и в лес пошёл. Видит — колхозник на телеге едет. Колхозник говорит:

— Садись, охотник, подвезу.

Шарик на телегу сел, лапы свесил. А колхозник спрашивает:

— А как ты, друг, стреляешь? Хорошо?

— А как же! — говорит Шарик.

— А если я шапку брошу, попадёшь в неё?

Шарик на задние лапы встал, ружьё приготовил.

— Бросайте, — говорит, — вашу шапку. Сейчас от неё ничего не останется. Одни дырочки.

Возница шапку снял и в воздух подбросил.

Высоко-высоко, под облака.

Шарик ка-ак баба-а-хнет!

Лошадь ка-ак перепугается!

И — бежать!

Телега, конечно, за ней.

Шарик на ногах не удержался от неожиданности и с телеги полетел вверх тормашками. Как на дорогу — плюх! Ничего себе охота начинается!

Дальше он уже пешком пошёл.

Пришёл в лес, видит: на поляне заяц сидит. Пёс ружьё зарядил, сумку приготовил и стал подкрадываться.

— Сейчас я по нему как вдарю!

Заяц увидел его — и бежать. Шарик — за ним. Но споткнулся обо что-то и в сумке запутался. В которой надо добычу носить. Сидит он в сумке и думает: «Ничего себе охота начинается! Что же это, я теперь сам себя домой понесу?! Выходит, я же и охотник, я же и трофей? То-то смеху будет...»

Вылез из сумки — и по следу. Ружьё за спиной, нос в землю. Добежал до узенькой речки, видит: заяц уже на том берегу скачет. Пёс ружьё в зубы и поплыл — не бросать же зайца! А ружьё тяжёлое — вот-вот утопит Шарика. Смотрит Шарик, а он уже на дне.

«Что же это выходит? — размышляет пёс. — Это же не охота, это уже рыбалка получается!»

Решил он ружьё бросить и всплывать поскорей.

«Ну ничего, разнесчастный заяц, я тебе ещё покажу! Я тебя и без ружья достану! Уши-то тебе надеру! Узнаешь, как над охотниками издеваться!»

Всплывает он, всплывает, а у него никак не всплывается. Он в ремне от ружья запутался и в

сумке.

Всё, конец Шарику!

Но тут он почувствовал, что кто-то его за шиворот вверх потянул, к солнышку. А это был бобр старый, он неподалёку плотину строил.

Вытащил он Шарика и говорит:

— Делать мне нечего, только разных собак из воды вытаскивать!

Шарик отвечает:

— А я и не просил меня вытаскивать! Я, может, и не тонул вовсе. Может, я подводным плаванием занимался! Я ещё не решил, что я там делал, на дне.

А самому так плохо — хоть караул кричи. И вода из него фонтаном лупашит, и глаза на бобра поднять совестно. Ещё бы! Он на зверей охотиться шёл, а вместо этого они его от смерти спасли.

Идёт он домой по берегу. Понурый такой, как мокрая курица. Ружьё на ремешке тащит и размышляет себе: «Что-то у меня с охотой не так получается. Сначала я с телеги упал. Потом в сумке своей охотничьей запутался. А под конец чуть не утонул вовсе. Не нравится мне такая охота. Лучше я буду рыбу ловить. Куплю себе удочки, сачок. Возьму бутерброд с колбасой и буду на берегу сидеть. Буду я рыболовной собакой, а не охотничьей. А зверей я стрелять не хочу. Буду их только спасать».

Только сказать это легко, а сделать трудно. Ведь родился-то он охотничьей собакой, а не какой-нибудь другой.

Глава 11

Бобрёнок

А дядя Фёдор и Матроскин дома сидят. Шарика с охоты ждут. Дядя Фёдор кормушку для птиц мастерит, а кот хозяйством занимается: пуговицы пришивает и носки штопает.

За окошком уже стемнело, когда Шарик пришёл. Поднял он свою сумку и зверька на стол вытряхнул. Зверь маленький, пушистый, глаза грустные и хвост лопатой.

— Вот кого я принёс.

— А где ты его взял? — спрашивает дядя Фёдор.

— Из речки вытащил. Сидел он на берегу, увидел меня и в речку — прыг! С перепугу. Еле-еле я его выловил. А то бы он утонул. Ведь он ещё маленький.

Кот слушал, слушал и говорит:

— Эх ты, балда! Ведь это бобрёнок! Он же в воде живёт. Это его дом. Ты его, можно сказать,

из дома вытащил!

Пёс отвечает:

— Кто ж его знал, что он в воде живёт? Я думал, он тонуть хочет! Смотрите, какой я мокрый!

— И смотреть не хочу! — говорит кот. — Тоже мне охотник, ничего про зверей не знает! — И на печку полез.

А бобрёнок сидит, глаза на всех таращит. Не понимает ничего. Дядя Фёдор ему молока дал кипячёного. Бобрёнок молока попил, и глаза у него закрываться стали.

— Где ж его спать положить? — спрашивает мальчик.

— Как где? — говорит пёс. — Если он в воде живёт, его надо в таз положить.

— Тебя самого надо в таз положить! — кричит Матроскин с печки. — Чтобы ты поумнел немножечко!

Пёс совсем расстроился:

— Ты же сам говорил, что он в воде живёт.

— Он в воде только плавает, а живёт он в домике на берегу, — объясняет кот.

Тогда дядя Фёдор взял бобрёнка и в шкаф положил, в ящик для ботинок. И бобрёнок сразу заснул. И Шарик тоже спать пошёл к себе в будку. Он не привык на кроватях разлёживаться. Он был деревенский пёс, не балованный.

Утром дядя Фёдор проснулся и слышит: что-то странное в доме. Будто кто-то дрова распиливает: др-др... др-др...

И опять: др-др... др-др...

Он с кровати встал и видит ужас что. Не дом у них, а столярная мастерская. Кругом стружки, щепки да опилки лежат. А стола обеденного как не бывало. В куче стружек бобрёнок сидит и ножку столовую обтачивает.

Кот лапы с печки свесил и говорит:

— Посмотри, что твой Шарик нам устраивает. Придётся теперь новый стол покупать. Хорошо ещё, что я со стола всю посуду убрал. Остались бы мы без тарелок! С одними вилками.

Позвали они Шарика.

— Вот смотри, что ты нам делаешь!

— А если бы он мою кровать перепилил, — говорит дядя Фёдор, — я бы среди ночи прямо на пол грохнулся. Спасибо тебе!

Дал он Шарикку сумку охотничью и говорит:

— Беги-ка ты на речку, прямо без завтрака, и отнеси бобрёнка на место, где ты его взял. Да смотри больше из речки никого не вылавливай! Мы не миллионеры какие-нибудь!

Шарик сунул бобрёнка в сумку и побежал без разговоров. Он уже и сам был не рад, что бобрёнка выловил. А родители бобрёнка очень обрадовались и не стали Шарика ругать. Они поняли, что не со зла он их сынишку утащил — по недоразумению. Так что всё очень хорошо кончилось. Только пришлось новый стол покупать.

Но с той поры Шарик затосковал. Хочется ему в лес на охоту — и всё тут! А как выйдет он с ружьём, увидит зверюшку — выстрелить не может, хоть ты плачь! Придёт он из леса — не ест, не пьёт: тоска его гложет. Дохлый он стал, замученный — хуже некуда!

Глава 12

Мама и папа читают письмо

Наконец письмо дяди Фёдора в город приехало. В городе уже другой почтальон его в сумку положил и папе с мамой домой понёс. А на улице дождик был сильный-пресильный. Почтальон весь промок до ниточки. Папа даже его пожалел:

— Что же это вы в такую погоду мокрую письма-то носите? Вы бы их лучше по почте отправили.

Почтальон согласился:

— Верно, верно. Чего это я ношу их в сырость? Это вы хорошо придумали. Я сегодня же доложу начальнику.

И папа с мамой стали письмо читать. Сначала им всё нравилось. И то, что у дяди Фёдора дом есть и корова. И что дом у него тёплый, и что он трактор купил. А потом они пугаться начали.

Папа читает:

«А ещё у нас печка есть тёплая. Я так люблю на ней отдыхать! Здоровье-то у меня не очень: то лапы ломит, то хвост отваливается. Потому что, дорогие мои папа и мама, жизнь у меня была сложная, полная лишений и выгоняний. Но сейчас всё по-другому. И колбаса у меня есть, и молоко парное стоит в мисочке на полу... Мне мышей даже видеть не хочется. Я их просто так ловлю, для развлечения... на удочку... или пылесосом... А днём я люблю на крышу вскарабкаться... глаза вытаращу, усы расправлю и загораю как ненормальный. На солнышке облизываюсь...»

Мама слушала, слушала — и раз, в обморок упала! Папа воды принёс и маму в чувство привёл. Дальше мама сама читать стала:

«А на днях я линять начал. Старая шерсть с меня сыплется — хоть в дом не заходи. Зато новая растёт — чистая, шелковистая! Просто каракуль. Да ещё охрип я немножечко. Прохожих много, на всех лаять приходится. Час полаешь, два полаешь, а потом у меня не лай, а свист какой-то получается и бульканье...»

Тут грохот в комнате раздался. Это папа в обморок упал. Теперь мама за водой побежала, папу в чувство приводить.

Папа в себя пришёл и говорит:

— Что это с нашим ребёнком сделалось? Лапы у него ломит, и хвост отваливается, и на прохожих он лаять начал.

— И мышей он ловит на удочку, — говорит мама. — И шерсть у него — чистый каракуль. Может, он там на природе в ягнёночка превратился? От свежего воздуха?

— Да? — говорит папа. — А я и не слышал, чтобы ягнята на прохожих булькали. Может, он просто с ума сошёл от свежего воздуха?

Решили они письмо до конца дочитать. Читают и глазам своим не верят:

«Дорогие папа и мама, вы меня теперь просто не узнаете. Хвост у меня крючком, уши торчком, нос холодный и лохматость повысилась...»

— Что у него повысилось? — спрашивает мама.

— Лохматость у него повысилась. Он теперь может зимой на снегу спать.

Мама просит:

— Ладно, читай до конца. Я хочу всю правду знать, что там с моим сыном сделалось.

И папа до конца дочитал:

«Я теперь сам в магазин хожу. И все продавцы меня знают. Кости мне бесплатно дают... Так что вы за меня не переживайте. Я такой здоровый стал, прямо — ух! Если я на выставку попаду, мне все медали обеспечены. За красоту и сообразительность.

До свиданья. Ваш сын — дядя Фарик».

После этого письма мама с папой полчаса в себя приходили, все лекарства в доме выпили.

Потом мама говорит:

— А может, это не он? Может, это мы с ума сошли? Может, это у нас лохматость повысилась? И мы можем зимой на снегу спать?

Папа стал её успокаивать, а мама всё равно кричит:

— Это меня все продавцы давно знают и кости мне бесплатно дают! Это мне мышей видеть не хочется! Вот сейчас у меня тоже лапы ломит и хвост отваливается! Потому что жизнь у меня была сложная, полная лишений и выгоняний! Где моя мисочка на полу?!

Еле-еле её папа в себя привёл.

— Если бы мы с ума сошли, то не оба сразу. С ума по отдельности сходят. Это только гриппом все вместе болеют. И никакая лохматость у нас не повышалась, а наоборот. Потому что мы вчера в парикмахерской были.

Но на всякий случай они себе температуру смили. И температура была нормальной — 36,6. Тогда папа взял конверт и внимательно осмотрел. На конверте стоял штамп, и на нём было название деревни, откуда это письмо отправлено. Там было написано: «...деревня Простоквашино».

Мама с папой достали карту и стали смотреть, где такая деревня находится. Насчитали таких деревень двадцать две. Они взяли и написали в каждую деревню письмо. Каждому деревенскому почтальону. Уважаемый почтальон!

Нет ли в вашей деревне городского мальчика, которого зовут дядя Фёдор? Он ушёл из дома, и мы очень за него беспокоимся.

Если он живёт у вас, напишите, и мы за ним приедем. А вам привезём подарки. Только мальчику ничего не говорите, чтобы он ничего не знал. А то он может переехать в другую деревню, и мы его уже не найдём. А нам без него плохо. С большим уважением — мама Римма и папа Дима.

Они написали двадцать два таких письма и разослали их во все деревни с названием Простоквашино.

Глава 13

Шарик меняет профессию

Дядя Фёдор говорит коту:

— Надо что-то с Шариком делать. Пропадёт он у нас. Совсем от тоски высох.

Кот предлагает:

— Может, нам из него ездовую собаку сделать? Необязательно ему охотничьей быть. Купим тележку, будем на нём всякие вещи возить. Например, молоко на базар.

— Нет, — возражает дядя Фёдор. — Ездовые собаки только на Севере бывают. И потом, у нас тр-тр Митя есть. Надо что-то другое выдумать.

А потом говорит:

— Придумал! Мы из него цирковую собаку сделаем — пуделя. Научим его танцевать, через кольцо прыгать, воздушным шариком жонглировать. Пусть детишек веселит маленьких.

Кот согласился с дядей Фёдором:

— Ну что же. Пусть будет пуделем. Комнатные собаки тоже нужны, хоть они и бесполезные. Будет он в доме жить, на диване лежать и тапочки подавать хозяину.

Позвали они Шарика и спрашивают:

— Ну что, хочешь, чтобы из тебя пуделя сделали?

— Делайте хоть чучело! — говорит Шарик. — Всё равно мне жизнь не мила. Нет мне счастья на этой земле. Похороню я своё призвание.

И стали они за реку собираться: в новый дом пятиэтажный, в парикмахерскую. Дядя Фёдор пошёл тр-тр Митю заводить, а Матроскин Мурке сена подбрасывать. Он ей открыл дверь из

коровника и сказал:

— Мы дом на тебя оставляем. Если какой жулик появится, ты с ним не чикайся. Рогами его. А вечером я тебя чем-нибудь угощу.

Дядя Фёдор тр-тр Митю выкатил, супа в него налил и сел на шофёрское кресло. Шарик рядом устроился, а Матроскин — наверху. И поехали они стричься.

Митя тархтел радостно и всю работал колёсами. Увидит лужу — и по ней! Так что вода во все стороны веером. Молодой ещё трактор! Новенький. А если он кур встречал на пути, он тихонечко подкрадывался и гудел во всё горло: «Уу-уу-уу!» Бедные куры по всей дороге разлетались. Замечательная была поездка. Дядя Фёдор песню запел, а трактор ему подпевал. Очень хорошо у них выходило:

— Во поле берёзонька...

— Тыр-тыр-тыр.

— Во поле кудрявая...

— Тыр-тыр-тыр.

— Люли-люли...

— Тыр-тыр-тыр.

— Люли-люли...

— Тыр-тыр-тыр.

Наконец они к парикмахерской подъехали. Кот в тракторе остался — сторожить, а дядя Фёдор с Шариком стричься пошли. В парикмахерской чисто, уютно и светло, и женщины сидят под колпаками, сохнут. Парикмахер спрашивает у дяди Фёдора:

— Что вам угодно, молодой человек?

— Мне надо Шарика постричь.

Парикмахер говорит:

— Дожили! Шарики, кубики! И как же постричь? Под польку или под полубокс? Или, может быть, под мальчика? А может, его и побрить заодно?

Дядя Фёдор отвечает:

— Не надо его брить. И под мальчика не надо. Его надо под пуделя постричь.

— Это как — под пуделя?

— Очень просто. Его надо сверху завить. Внизу всё наголо. И на хвосте кисточка.

— Понятно, — говорит парикмахер. — На хвосте кисточка, в руках тросточка, в зубах косточка. Это уже не Шарик, это жених получается!

И все женщины под колпаком засмеялись.

— Ничего не выйдет, молодой человек. У нас есть женский зал и мужской зал, а собачьего пока что нет.

Так ни с чем они к Матроскину пришли. Кот говорит:

— Эх вы! Вы бы сказали, что это не простая собака, а какого-нибудь артиста или директора стадиона. Вас бы вмиг и постригли, и завили, и одеколоном побрызгали. Ну-ка, идите назад!

Когда они снова пришли, парикмахер очень удивился:

— Вы что-то забыли, молодой человек? Что именно?

Дядя Фёдор говорит:

— Мы забыли вам сказать, что это собака не просто собака, а учёная. Мы её к выступлениям готовим.

Парикмахер как засмеётся:

— Ой, учёная-кипячёная! А что же она у вас умеет делать? Может, она у вас писать-сочинять умеет? Может, она у вас на дудочке дудит?

Дядя Фёдор говорит:

— Про дудочку я не знаю, а считает она запросто.

— Да? Ну а сколько будет пятью пять?

— Пятью пять будет двадцать пять, — говорит Шарик. — А шестью шесть — тридцать шесть.

Парикмахер как услышал, так и сел в кресло парикмахерское! И вправду собака учёная: не только считать, но и говорить умеет. Достал он салфетку чистую и говорит:

— Если клиенты не возражают, я — пожалуйста. И постригу, и завью вашего Шарика. И ещё детям расскажу, чтобы учились. Уж если собаки грамотными стали, то детям спешить надо. Иначе все места в школе звери займут.

Женщины, которые под колпаками сохли, не стали возражать:

— Что вы! Что вы! Такую собаку надо обязательно в порядок привести. У такой собаки всё должно быть прекрасно: и душа, и причёска, и кисточка!

И парикмахер за работу принялся. А пока он Шарика стриг, он с ним разговаривал. Он ему вопросы задавал из разных областей науки. А Шарик ему отвечал.

Парикмахер просто поражён был. Он такой учёности никогда в жизни не видел. Он постриг Шарика, и завил, и голову ему помыл, и денег за работу не взял от удивления. И так его проодеколонила, что от Шарика «Полётом» за километр пахло. Пудель из Шарика получился — хоть сейчас на выставку! Он даже сам себя в зеркале не узнал.

— Что это за штучка такая кудрявенькая? Не собака, а барышня. Так бы и укусил! — говорит Шарик.

Сверху-то он пуделем стал, а внутри так Шариком и остался.

А дядя Фёдор отвечает:

— Это ты сам. Комнатная собака — пудель. Привыкай теперь.

Только Шарик что-то не очень повеселел после парикмахерской. А ещё больше загрустил. Его грусть дяде Фёдору передалась, от него Матроскину. И даже Митя помалкивал — кур не пугал.

Одно их только под конец развеселило. Подъехали они к своему домику, смотрят, а у них почтальон Печкин на яблоне сидит. Дядя Фёдор говорит:

— Смотрите, какой фрукт у нас на яблоне созрел в конце августа месяца! Чего вы там делаете?

— Ничего не делаю, — отвечает Печкин. — От вашей коровы спасаюсь. Я пришёл к вам в окошко посмотреть, все ли у вас электроплитки выключены. А она на меня как набросится! Вон у меня сколько дырок на штанах.

И верно, дырок у него на штанах с десяток. А внизу под деревом Мурка лежит, жвачку пережёвывает.

Пришлось им Печкина снова чаем отпаивать. А пока они чай готовили, он тихонечко в коридор вышел и незаметно от курточки дяди Фёдора пуговичку отрезал. Зачем он это сделал, мы с вами потом узнаем. Только пуговичка эта очень нужна была Печкину.

Глава 14

Приезд профессора Сёмина

Жить бы и жить дяде Фёдору счастливо, да что-то никак не получается. Только с Шариком кое-как разобрались — тут новая беда. Приходит дядя Фёдор однажды в дом и видит: стоит Матроскин перед зеркалом и усы красит. Дядя Фёдор спрашивает:

— Что это с тобой, кот? Влюбился ты, что ли?

Кот как засмеётся:

— Вот ещё! Стану я глупостями заниматься! Просто мой хозяин приехал — профессор Сёмин.

— А усы тут при чём?

— А при том, — говорит кот, — что я теперь внешность меняю. На нелегальное положение перехожу. Буду в подполе жить.

— Зачем? — спрашивает Фёдор.

— А затем, чтобы меня хозяева не забрали.

— Да кто же тебя заберёт? Какие хозяева?

— Профессор заберёт. Ведь я же его кот. И Шарика могут забрать. Шарик ведь тоже его.

Дядя Фёдор даже пригорюнился: а ведь верно, могут забрать.

— Послушай, Матроскин, — говорит он, — но как же они тебя заберут, если они тебя из дома

выставили?

— В том-то и дело, что не выставили, — говорит кот. — Они, когда уезжали, меня знакомым оставили. А те — другим знакомым. А от других знакомых я сам убежал. Они меня в ванную запирали, чтобы я не линял по всем комнатам. И Шарик, наверно, так же бездомным стал.

Дядя Фёдор задумался, а Матроскин продолжал:

— Нет, он профессор хороший. Ничего профессор. Только я сейчас и к самому замечательному не пойду. Я хочу, дядя Фёдор, только с тобой жить и корову иметь.

Дядя Фёдор говорит:

— Я уж и не знаю, что делать. Может, нам в другую деревню перебраться?

— Больно хлопотно, — возражает кот. — И Мурку перевозить, и вещи... А потом, к нам здесь уже все привыкли. Ничего, дядя Фёдор, не отчаивайся. Я и в подполе поживу. Ты лучше делом займись.

— Каким ещё делом?

— А таким. Дрова надо заготовливать — зима на носу. Бери-ка ты верёвку и в лес поезжай. И Шарика с собой возьми.

Но Шарик, как узнал про профессора, тоже из дома выходить не захотел.

— Поезжай, поезжай, — говорит кот. — Тебе бояться нечего, тебя даже мать родная не узнает теперь. Ты же у нас пуделем стал.

И они согласились. Шарик верёвку взял для дров, пилу и топор, а дядя Фёдор пошёл тр-тр Митю заводить.

Кот им говорит:

— Запомните: надо только берёзы пилить. Берёзовые дрова — самые лучшие.

Дядя Фёдор не согласен:

— А мне берёзы жалко. Вон они какие красивые.

Кот говорит:

— Ты, дядя Фёдор, не о красоте думай, а о морозах. Как ударит сорок градусов, что ты будешь делать?

— Не знаю, — отвечает дядя Фёдор. — Только если все берёзы на дрова пилить, у нас вместо леса одни пеньки останутся.

— Верно, — говорит Шарик. — Это только для старушек хорошо, когда в лесу одни пеньки. На них сидеть можно. А что будут птицы делать и зайцы? Ты о них подумал?

— Буду я ещё о зайцах думать! — кричит кот. — А обо мне кто подумает? Валентин Берестов?

— А кто такой Валентин Берестов?

— Не знаю кто. Только так пароход назывался, на котором мой дедушка плавал.

— Наверное, он был хороший человек, если на нём твой дедушка плавал, — говорит мальчик. — И он не стал бы берёзы пилить.

— А что бы он стал делать? — спрашивает кот.

— Наверное, он бы стал хворост заготовливать, — предположил Шарик.

— Вот мы так и сделаем! — сказал дядя Фёдор.

И поехали они с Шариком хворост заготовливать. Весь трактор загрузили хворостом и сзади ещё целую кучу верёвками привязали. Потом они картошки напекли на костре, грибов нажарили на палочке и стали есть.

А тр-тр Митя смотрел, смотрел на них и как загудит! Дядя Фёдор чуть картошкой не подавился, а Шарик даже на два метра подскочил.

— Совсем я про эту тархтелку забыл, — говорит. — Я думал, на меня самосвал едет.

— А я думал, что бомба взорвалась, — говорит дядя Фёдор. — Надо дать ему что-нибудь поесть. А то он нас на тот свет отправит. Гудит, как пароход.

Покормили они трактор и решили домой ехать. А тут заяц мимо бежит. Шарик как закричит:

— Смотрите — добыча!

Дядя Фёдор его успокаивает:

— Ты что, забыл? Ты же теперь пудель. Ты скажи: «Тьфу ты! Какой-то заяц. Зайцы меня сейчас не интересуют. Меня интересует тапочки хозяину приносить».

Но Шарик своё говорит:

— Тьфу ты! Какие-то тапочки! Тапочки меня не интересуют! Меня интересует зайцев хозяину приносить! Вот я ему задам!

И как дунет за зайцем — только деревья в обратную сторону побежали. А дядя Фёдор домой поехал. Он очень много хвороста привёз. Но Матроскин всё равно недоволен:

— От этого хвороста не тепло будет, а треск один. Это не дрова, а мусор. Я по-другому сделаю.

Глава 15

Письмо в институт Солнца

Кот попросил у дяди Фёдора карандаш и стал что-то писать.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Ты что придумал?

Кот отвечает:

— Я письмо пишу в один институт, где солнце изучают. У меня там связи имеются.

— А что такое «связи»? — спрашивает дядя Фёдор.

— Это знакомства деловые, — объясняет кот. — Это когда люди друг другу хорошее делают ни с того ни с сего. Просто по старой памяти.

— Понятно, — говорит дядя Фёдор. — Если, например, мальчик в автобусе ни с того ни с сего старушке место уступил, значит, он это по знакомству сделал. По старой памяти.

— Нет, это не то, — толкует кот. — Это просто вежливый мальчик был. Или учительница в том же автобусе ехала. А вот если мальчик когда-то старушке картошку чистил, а она за него в это время задачки решала, значит, у них было деловое знакомство. И они всегда будут друг другу помогать.

— А тебе какая помощь нужна?

— Я хочу, чтобы мне солнце маленькое прислали. Домашнее.

— Бывают такие солнца? — удивился мальчик.

— Вот увидишь, — говорит кот и вдруг как закричит: — Это кто мой карандаш утащил?!

Галчонок Хватайка отвечает со шкафа:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

— Давай сюда! — велит Матроскин.

Только отнять у Хватайки что-нибудь не так-то просто было. Полчаса за ним кот по дому гонялся. Наконец отнял карандаш. Хватайка за это обиделся. И только Матроскин отвернётся, он подскочит сзади — и хватить его за хвост! Кот от неожиданности каждый раз до потолка подпрыгивал. А дядя Фёдор смеялся до слёз.

Наконец кот письмо дописал. Оно было такое: Дорогие учёные!

У вас, наверное, тепло. А у нас скоро зима. А мой хозяин дядя Фёдор не велит природу на дрова пилить. Не понимает он, что замёрзнем мы с этим хворостом! Пришлите нам, пожалуйста, солнце домашнее. А то скоро будет поздно.

Уважающий вас кот Матроскин.

Потом он адрес написал:

Москва, институт Физики Солнца, отдел Восходов и Заходов, учёному у окна, в халате без пуговиц. У которого разные носки.

А тут Шарик является и зайца в зубах приносит. И у зайца язык свешивается, и у Шарика. Устали оба. Но зато Шарик счастлив, а заяц не очень рад.

— Вот, — говорит радостный Шарик, — добыл.

— А зачем? — спрашивает кот.

— Как зачем?

— А так. Что ты с ним делать собираешься?

— Не знаю, — отвечает пёс. — Моё дело охотничье — добыть. А что делать, это уже хозяин решает. Может, он его в детский сад отдаст. А может, пуха надёргает и варезки свяжет.

— Хозяин решает, что его отпустить надо, — говорит дядя Фёдор. — Звери в лесу должны жить. Нечего у нас зоопарк устраивать!

Шарик погрузнел, будто в нём лампочка погасла, но спорить не стал. Дядя Фёдор дал зайцу морковку и на крыльцо вынес.

— Ну, — говорит, — беги!

А заяц не бежит никуда. Сидит тихонечко и всё рассматривает.

Тут Матроскин забеспокоился: ничего себе — ещё один жилец у них намечается! Своих девать некуда!

Вынес он потихоньку Шарикино ружьё, подкрался к зайцу — и как над ухом у него пальнёт! Заяц аж подпрыгнул! Лапками он в воздухе заработал и с места пулей — раз! Сам Матроскин не меньше перепугался — и пулей в другую сторону. Только ружьё в серединке лежит и дым сверху пошёл синенький.

А Шарик на крыльце стоит, и слёзы у него из глаз катятся. Дядя Фёдор говорит:

— Ладно, не плачь. Я придумал, что с тобой делать. Мы тебе фотоаппарат купим. Будешь ты фотоохотой заниматься. Будешь зверей фотографировать и фотографии в разные журналы посылать.

Наверное, это и в самом деле лучший выход был. С одной стороны, это всё-таки охота. А с другой — никаких зверей стрелять не приходится.

И стал Шарик фотоаппарата ждать, как дети ждут праздника Первое мая.

Глава 16

Телёнок

С тех пор как Матроскин в подполе стал жить, жизнь дяди Фёдора усложнилась. Мурку в поле выгонять — дяде Фёдору. В магазин идти — дяде Фёдору. К колодцу за водой тоже дядя Фёдор идёт. А раньше всё это кот делал. От Шарика тоже толку мало было. Потому что ему фоторужьё купили. Он с утра в лес и полдня за зайцем носится, чтобы сфотографировать. А потом снова полдня за ним гоняется, чтобы фотографию отдать.

А тут опять событие. Утром, когда они ещё спали, кто-то в дверь постучал. Матроскин перепугался страшно — не профессор ли это пришёл его забирать? И прямо с печки в подпол

— прыг! (Он теперь подпол всегда открытым держал. А там окошко было маленькое, чтобы огородами, огородами — и прямо в лес.) Дядя Фёдор с кровати спрашивает:

— Кто там?

А это Шарик:

— Здрасьте пожалуйста! У нашей коровы телёнок родился!

Дядя Фёдор с котом в сарай побежали. И верно: около коровы телёночек стоит. А вчера не было.

Матроскин сразу заважничал: вот, мол, и от его коровы польза есть! Не только скатерти она жевать умеет. А телёнок смотрит на них и губами шлёпает.

— Надо его в дом забрать, — говорит кот. — Здесь ему холодно.

— И маму в дом? — спрашивает Шарик.

— Нам только мамы не хватало, — говорит дядя Фёдор. — Да она у нас все скатерти поест и пододеяльники. Пусть здесь сидит.

Они повели телёнка в дом. Дома они его рассмотрели. Он был шерстяной и мокренький. И вообще он был бычок. Стали думать, как его назвать. Шарик говорит:

— А чего думать? Пусть будет Бобиком.

Кот как захохочет:

— Ты его ещё Рексом назови. Или Тузиком. Тузик, Тузик, съешь арбузик! Это же бык, а не спаниель какой-нибудь. Ему нужно серьёзное название. Например, Аристофан. И красивое имя, и обязывает.

— А кто такой Аристофан? — спрашивает Шарик.

— Не знаю кто, — говорит кот. — Только так пароход назывался, на котором моя бабушка плавала.

— Одно дело пароход, а другое — телёнок! — говорит дядя Фёдор. — Не каждому понравится, когда в честь тебя телят называют. Давайте мы вот как сделаем. Пусть каждый имя придумает и на бумажке напишет. Какую бумажку мы из шапки вытащим, так телёнка и назовём.

Это всем понравилось. И все стали думать. Кот придумал имя Стремительный. Морское и красивое. Дядя Фёдор придумал имя Гаврюша. Оно очень подходило к телёнку. А если большой бык вырастет, его никто бояться не будет. Потому что бык Гаврюша не может быть злым, а только добрым.

А Шарик думал, думал и ничего придумать не мог. И он решил: «Напишу-ка я первое слово, которое в голову придёт».

И ему в голову пришло слово «чайник». Он так и написал и был очень доволен. Ему нравилось такое имя — Чайник. Что-то в нём было благородное, испанское. И когда стали имена из шапки тащить, этого Чайника и вытащили. Кот даже ахнул:

— Ничего себе имечко! Всё равно что бык Сковородка или Котелок. Ты бы его ещё Половником назвал.

— А ты что придумал, дядя Фёдор? — спрашивает Шарик.

— Я Гаврюшу придумал.

— А я — Стремительного, — сказал кот.

— А мне Гаврюша нравится! — вдруг говорит Шарик. — Пусть он будет Гаврюшей. Это я сгоряча его Чайником назвал.

Кот согласился:

— Пусть Гаврюшей будет. Очень хорошее имя. Редкое.

Так и стал телёнок Гаврюшей. И тут у них разговор интересный получился. Про то, чей телёнок. Ведь корову-то они напрокат взяли. Дядя Фёдор говорит:

— Корова государственная. Значит, и телёнок государственный.

А кот не согласен:

— Корова действительно государственная. Но всё, что она даёт — молоко там или телят, — это наше. Ты, дядя Фёдор, сам посуди. Вот если мы холодильник напрокат берём, он чей?

— Государственный.

— Правильно. А мороз, который он вырабатывает, чей?

— Мороз наш. Мы его для мороза и берём.

— Вот и здесь так же. Всё, что корова даёт, нам принадлежит. Для этого мы и брали её.

— Но брали-то мы одну корову. А теперь у нас две получилось! Раз корова не наша, значит, и телёнок не наш.

Матроскин рассердился даже:

— Брали. Но брали-то мы её по квитанции! — И квитанцию принёс: — Вот смотрите, что здесь написано: «Корова. Рыжая. Одна». Про телёнка ничего не написано. А раз мы корову взяли по квитанции, по квитанции и сдавать будем — одну.

И тут Шарик вмешался:

— Я не пойму, чего вы спорите. Ты же, Матроскин, собирался корову насовсем купить. Если она тебе понравится. Вот и покупай насовсем. И телёнок у нас останется.

— Я с моей Муркой ни за что не расстанусь, — говорит кот. — Я её обязательно насовсем куплю. Это я просто так спорил. Потому что дядя Фёдор не прав.

А пока у них весь этот спор шёл, телёнок времени не терял. Он два носовых платка съел у дяди Фёдора. Он был чёрненький, а мама — рыжая. Но по характеру он в маму пошёл: ел что ни попадя.

Глава 17

Разговор с профессором Сёминым

Когда появился телёнок Гаврюша, работы в хозяйстве ещё больше стало.

И тогда дядя Фёдор понял, что он совсем пропадёт без помощи Матроскина. Хоть совсем уезжай из деревни к родителям. И он решил поговорить с профессором Сёминым.

Он надел самую лучшую свою рубашку, самые лучшие штаны, причесался как следует и пошёл.

Вот он подошёл к даче, где жил профессор, и позвонил. И сразу к нему вышла бабушка с пылесосом:

— Тебе чего, мальчик?

— Я хочу с профессором поговорить.

— Хорошо, проходи, — сказала она. — Только ноги вытирай.

Дядя Фёдор вошёл и поразился, как чисто было вокруг.

Всё блестело, как в городской квартире. Кругом стояли шкафы с книгами, кресла и стулья. И кухня была вся белая.

Бабушка взяла дядю Фёдора за руку и повела в комнату профессора.

— Вот, — сказала она, — к тебе, Ваня, молодой человек.

Профессор поднял голову от стола и говорит:

— Здравствуй, мальчик. Ты зачем пришёл?

— Я хочу у вас про кота спросить.

— А что про кота?

— Допустим, у вас был кот, — говорит дядя Фёдор. — А теперь он живёт в другом месте и не хочет к вам идти. Можете вы его забрать или нет?

— Нет, — отвечает профессор. — Если он не хочет ко мне идти, как же я его заберу! Это будет неправильно. А про какого кота вы говорите?

— Про кота Матроскина. Он раньше у вас жил. А теперь у меня живёт.

— А откуда вы знаете, что он не хочет ко мне идти?

— Он мне сам сказал.

Профессор так и подпрыгнул:

— Кто сказал?

— Кот Матроскин.

— Послушайте, молодой человек, — удивился профессор, — где это вы видели говорящих котов?

— У себя дома.

— Не может быть, — говорит профессор Сёмкин. — Я всю жизнь язык зверей изучаю и сам кошачьим владею чуть-чуть, но говорящих котов никогда не встречал. Не можете вы меня с ним познакомить?

— А вы его не заберёте? Ведь это же ваш кот.

— Да нет же, не заберу. Знаете что, приходите-ка вы ко мне в гости с этим котом! Обедать. У меня сегодня очень вкусный суп.

Дядя Фёдор согласился и пошёл кота звать. Он и Шарика хотел пригласить, только Шарик наотрез отказался:

— Я и за столом сидеть не умею, и вообще боюсь и стесняюсь.

— Чего боишься?

— Что меня заберут.

— Чудак. Он же сказал, что забирать нельзя, если зверь не хочет.

— Это он про котов говорил. А про собак ещё неизвестно. Уж лучше я дома останусь фотографии проявлять.

И они пошли вдвоём с Матроскиным. Когда они пришли, стол для них был уже накрыт. Очень хорошо накрыт. И вилки лежали, и ложки, и хлеб порезанный. И суп был действительно очень вкусный — борщ со сметаной. А профессор всё с котом разговаривал. Он спрашивал:

— Вот я уточнить хочу. Как будет на кошачьем языке: «Не подходите ко мне, я вас оцарапаю?»

Матроскин отвечает:

— Это не на языке, это на когтях будет. Надо спину выгнуть, правую лапу поднять и когти вперёд выпустить.

— А если «ш-ш-ш-ш-ш-ш» добавить? — спрашивает профессор.

— Тогда, — говорит кот, — это уже ругательство получается кошачье. Что-то вроде: «Не подходите ко мне, я вас оцарапаю. А идите лучше к собачьей бабушке».

И профессор всё за ним записывал. А потом он им очень много конфет подарил и банку сметаны для кота.

— Да, — говорит, — не кот был у меня, а золото. А я этого не понимал. А то бы я давно академиком был.

Ещё он дяде Фёдору свою книжку дал про язык зверей и всё время в гости приглашал. И сам обещал приходить. Вообще он оказался очень хорошим.

И кот Матроскин с тех пор перестал в подполе сидеть и, чуть что, с печки в подпол прыгать.

Глава 18

Письмо почтальона Печкина

А папа с мамой совсем уж соскучились без дяди Фёдора. И жизнь им не мила стала. Раньше у них всё не было времени дядей Фёдором заниматься: хозяйство их заедало, телевизор и газеты вечерние. А теперь у них столько времени объявилось, что на двух дядей Фёдоров хватило бы. Не знали, куда это время девать. Они всё время про дядю Фёдора говорили и в почтовый ящик заглядывали — нет ли писем из деревень Простоквашино.

Мама говорит:

— Я теперь многое поняла. Если дядя Фёдор найдётся, я для него няню заведу. Чтобы ни на шаг от него не отходила. Он тогда никуда не убежит.

— И ни капельки ты не права, — говорит папа. — Он же мальчик. Ему нужны приятели, чердаки, шалаши разные. А ты из него барышню кисельную делаешь.

— Не кисельную, а кисейную, — поправляет мама.

— Да хоть клюквенную! — кричит папа. — Он же мальчик! Сейчас даже девочки пошли шурум-бурумные! Я вот мимо детского сада проходил, когда там ребят спать укладывали. Так они на кроватях чуть не до потолка прыгали. Как кузнечики! Из штанишек выскакивали. Мне и самому так прыгать захотелось!

— Давай, давай! — говорит мама. — Прыгай до потолка! Выскакивай из штанишек! Только сына я тебе портить не позволю! И никаких собак у нас дома не будет! И никаких кошек! Уж в крайнем случае я на черепаху соглашусь в коробочке.

И так они каждый день разговаривали. И мама всё строже и строже становилась. Она решила ни папе, ни дяде Фёдору воли не давать. А тут письма стали приходить от почтальонов. Сначала одно. Потом ещё одно. Потом сразу десять. Но хороших новостей не было. Письма были такие: Здравствуйте, папа и мама!

Пишет вам почтальон из деревни Простоквашино. Зовут меня Вилкин Василий Петрович. Работаю я хорошо.

Вы спрашиваете, нет ли в нашей деревне мальчика дяди Фёдора. Отвечаем: такого мальчика у нас нет.

Есть один человек, которого зовут Фёдор Фёдорович. Но это дедушка, а не мальчик. И он вам, наверное, не нужен.

Края у нас хорошие и много разных просторов. Приезжайте к нам жить и работать. Поклон вам от всех простоквашинцев.

С большим приветом — почтальон Вилкин.

Или такие: Уважаемые папа и мама!

Вы пишете, что от вас ушёл дядя. Ну и пусть. Но при чём здесь мальчик? Или он ушёл мальчиком, а вырос в дядю? Тогда непонятно, кому подарки.

Напишите нам со старухой, чтобы мы знали. Только побыстрее, а то мы собираемся в дом отдыха во вторую смену. Мы очень хотим знать ответ на эту загадочную тайну. Почтальон Ложкин со старухой.

Много было разных писем, а нужного письма не было.

Мама говорит:

— Не найдём мы дядю Фёдора. Уже двадцать одно письмо пришло, а про него ни слова.

Папа её успокаивает:

— Ничего, ничего. Подождём двадцать второго.

И вот оно пришло. Мама раскрыла и глазам своим не поверила:

«Здравствуйте, папа и мама!

Пишет вам почтальон Печкин из деревни Простоквашино. Вы спрашиваете про мальчика дядю Фёдора. Вы про него ещё заметку в газете писали. Этот мальчик живёт у нас. Я недавно заходил к нему посмотреть, все ли у них плитки выключены, а его корова меня на дерево загнала.

А потом я у них чай пил и незаметно пуговицу отрезал от курточки. Посмотрите, ваша ли это пуговица. Если пуговица ваша — и мальчик ваш».

Мама вынула пуговицу из конверта и как закричит:

— Это моя пуговица! Я её сама дяде Фёдору пришивала!

Папа тоже как закричит:

— Ура!

И маму к потолку подбросил от радости. А очки у него как слетят! И не видит он, где маму ловить. Хорошо, что она на диван прилетела, а то бы папе досталось.

И она стала дальше читать:

«Всё у вашего мальчика хорошо. И трактор есть, и корова. Он всяких зверей кормит. И кот у него есть хитрый-прехитрый. Я из-за этого кота в изолятор попал: он меня молоком угостил, от которого с ума сходят».

Вы можете приехать за вашим мальчиком, потому что он ничего не знает. И я ему ничего не скажу. А мне привезите велосипед. Я на нём буду почту развозить. И от новых штанов я бы тоже не отказался.

До свиданья. Почтальон деревни Простоквашино Можайского района Печкин».

И папа с мамой после этого письма стали в дорогу готовиться, а дядя Фёдор ничего не знал.

По утрам на улице уже лёд был — зима приближалась. И каждый своим делом занимался. Шарик по лесам с фотоаппаратом бегал. Дядя Фёдор кормушки для птиц и лесных зверей мастерил. А Матроскин Гаврюшу обучал. Учил его всему. Палку в воду бросит, а телёнок принесёт. Скажет ему: «Лежать!» — и Гаврюша лежит. Прикажет ему Матроскин: «Взять! Куси!» — тот сразу бежит и бодаться начинает.

Прекрасный сторожевой бык из него получался. И вот однажды, когда каждый из них своё дело делал, к ним почтальон Печкин пришёл.

— Здесь кот Матроскин живёт?

— Я Матроскин, — говорит кот.

— Вам посылка пришла. Вот она. Только я вам её не отдам, потому что у вас документов нету.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Зачем же вы её принесли?

— Потому что так положено. Раз посылка пришла, я должен её принести. А раз документов нету, я не должен её отдавать.

Кот кричит:

— Отдавайте посылку!

— Какие у вас документы? — говорит почтальон.

— Лапы, хвост и усы! Вот мои документы.

Но Печкина не переспоришь.

— На документах всегда печать бывает и номер. Есть у вас номер на хвосте? А усы и подделать можно. Придётся мне посылку обратно относить.

— А как же быть? — спрашивает дядя Фёдор.

— Не знаю как. Только я к вам теперь каждый день приходить буду. Принесу посылку, спрошу документы и обратно унесу. Так две недели. А потом посылка в город уедет. Раз её не получил никто.

— И это правильно? — спрашивает мальчик.

— Это по правилам, — отвечает Печкин. — Я, может, вас очень люблю. Я, может, плакать буду. А только правила нарушать нельзя.

— Не будет он плакать, — говорит Шарик.

— Это уже моё дело, — отвечает Печкин. — Хочу — плачу, хочу — нет. Я человек свободный. — И он ушёл.

Матроскин от сердитости хотел на него Гаврюшу натравить, но дядя Фёдор не позволил. Он сказал:

— Я вот что придумал. Мы найдём ящик, такой, как у Печкина, и всё на нём напишем. И наш адрес, и обратный. И печати сделаем, и верёвками перевяжем. Печкин придёт, мы его за чай посадим, а ящик возьмём и переменим. Посылка у нас останется, а пустой ящик к учёным отправится.

— Зачем же пустой? — говорит Матроскин. — Мы в него грибов положим или орехов. Пусть учёные подарок получают.

— Ура! — кричит Шарик. И Гаврюшу позвал от радости: — Гаврюша, ко мне! Дай лапу.

Гаврюша ногу протянул и хвостиком виляет, совсем как собака.

Так они и сделали. Достали ящик посылочный, положили в него грибы и орехи. И письмо положили: Дорогие учёные!

Спасибо за посылку. Желаем вам здоровья и изобретений. А особенно всяких открытий.

И подписались: Дядя Фёдор — мальчик. Шарик — охотничий пёс. Матроскин — кот по хозяйственной части.

Потом они адрес написали, всё как надо сделали и стали Печкина ждать. Они даже ночью заснуть не могли. Всё думали: получится у них или не получится?

Утром кот пирогов напёк. Дядя Фёдор чаю заварил. А Шарик с Гаврюшей всё на дорогу бегали смотреть, идёт Печкин или не идёт. И вот Шарик примчался:

— Идёт!

Печкин подошёл и в дверь постучал.

Хватайка со шкафа спрашивает:

— Кто там?

Печкин отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс посылку. Только я вам её не отдам. Потому что у вас документов нету.

Матроскин на крыльцо вышел и спокойно так говорит:

— А нам и не надо. Мы бы эту посылку и сами не взяли. Зачем нам гуталин?

— Какой такой гуталин? — удивился Печкин.

— Обыкновенный. Которым ботинки чистят, — объясняет кот. — В этой посылке наверняка гуталин.

Печкин даже глаза вытаращил:

— Это кто же вам столько гуталина прислал?

— Это мой дядя, — объясняет кот. — Он у сторожа живёт на гуталинном заводе. У него гуталина завались! Не знает, куда его девать. Вот и шлёт кому попало!

Печкин даже рассердился. А тут Шарик посылку понюхал и говорит:

— Нет, там совсем не гуталин.

Печкин обрадовался:

— Вот видите! Не гуталин.

— Там мыло! — говорит Шарик.

— Какое ещё мыло?! — кричит Печкин. — Совсем вы мне голову заморочили! Зачем вам столько мыла прислали? Что у вас, баня открывается?

— Если там мыло, — говорит дядя Фёдор, — значит, его моя тётя прислала, Зоя Васильевна. Она на мыльной фабрике испытателем работает. Мыло испытывает. Ей ещё в автобус садиться нельзя. Особенно в дождик.

— Это ещё почему? — спрашивает Печкин.

— В дождик она вся мыльной пеной покрывается. Людей в автобусе много; как они надавят, так она и выскальзывает каждый раз. А однажды она по лестнице ехала с шестого этажа до первого.

Тут уже Шарик спросил:

— Почему?

— Потому что пол мыли. Лестница мокрая была. А она-то ведь скользкая, намыленная.

Печкин послушал и говорит:

— Мыло там или не мыло, а я вам посылку не дам! Потому что у вас документов нету. И вообще напрасно вы мне голову морочите. Я вам не дурачок! — И сам себе по голове постучал.

А галчонок услышал стук и спрашивает:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс для вас посылку. То есть не принёс, а уношу. А ты, говорилка, помалкивай себе на шкафу!

Кот ему говорит:

— Ладно вам сердиться. Идите лучше чай пить. У меня пироги на столе.

Печкин сразу согласился:

— Я очень люблю пироги. И вообще мне у вас нравится.

Они его к столу повели. Только Печкин хитрый. Он с посылкой не расстаётся. Даже сел на неё вместо стула.

Тогда дядя Фёдор стал конфеты на другой конец стола ставить. Чтобы Печкин за ними потянулся и с посылки привстал. Но Печкина не проведёшь. Он с посылки не встаёт, а просит:

— Подайте мне вон те конфеты. Очень они замечательные!

Того и гляди, конфеты съест. Но тут всех Хватайка выручил. Печкин две конфеты себе в нагрудный карман положил, чтобы домой взять. А галчонок сел к нему на плечо и конфеты вытащил. Почтальон кричит:

— Отдавай! Это мои конфеты!

И за галчонок побежал. Хватайка — на кухню. Печкин — за ним. Тут Матроскин посылку и подменил. Прибежал Печкин с конфетами и снова на посылку сел. А посылка уже не та.

Наконец они весь чай выпили и пироги съели. А Печкин всё равно сидит. Он думает, что ему ещё что-нибудь дадут. Шарик ему намекает:

— Не пора ли вам на почту идти? А то скоро она закроется.

— И пускай закрывается. У меня свой ключ есть.

Матроскин тоже говорит:

— Мне кажется, у вас дома плитка не выключена. Очень может быть, что пожар будет.

— А у меня плитки нет, — отвечает Печкин.

Шарик тогда тихонько спрашивает у дяди Фёдора:

— Можно, я его просто укушу? Чего он не уходит?

А у Печкина слух хороший был. Он и услышал.

— Ах вот как! — говорит. — Я к вам со всей душой, а вы меня кусать собираетесь?! Ну и пожалуйста! Больше я посылку носить не буду. Я её завтра же назад pošлю.

А им только этого и надо было. И как только он ушёл, они дверь заперли и стали посылку распечатывать.

Глава 20

Солнышко

Вверху посылки письмо лежало. Дорогой кот!

Мы все тебя помним. Жалко, что ты от нас потерялся.

— Ничего себе потерялся! — говорит Матроскин. — Меня завхоз прогнал.

Мы за тебя рады, что ты хорошо живёшь. А природу на дрова рубить не надо. Твой хозяин

прав.

Посылаем тебе солнце — маленькое, домашнее. Как с ним обращаться, ты знаешь. Видел у нас. Посылаем и регулятор — делать жарче и холоднее. Если ты что-то забыл, напиши нам, мы всё тебе объясним.

Всего хорошего. Институт Физики Солнца. Учёный у окна, в халате без пуговиц, у которого теперь одинаковые носки, — Курляндский.

Кот говорит:

— Теперь вы меня слушайте и не мешайте.

Он достал из ящика бумагу, свёрнутую в трубку. Это была большая переводная картинка, на которой солнце было нарисовано. Только не красками, а тонкими медными проволочками. Картинку надо было на потолок перевести и в розетку включить.

Они дружно стали шкаф отодвигать, чтобы удобнее с него солнце на потолок наклеить. А Хватайке это не понравилось. Он стал на них разные вещи сбрасывать, шипеть и кусаться. Но всё-таки они шкаф отодвинули. Кот взял солнце, намочил его и перевёл на потолок. А провода в электричество включил. Не просто так, а через чёрный ящик. На этом ящике ручка была. Кот ручку немного повернул, и тут чудо получилось: солнце светиться начало. Сначала краешек, потом ещё немного. В комнате сразу тепло и светло стало. И все обрадовались и запрыгали. И галчонок на шкафу тоже запрыгал. Только не от радости, а оттого, что ему жарко стало. Они скорее шкаф на место передвинули.

Дядя Фёдор говорит:

— Вы как хотите, а я буду загорать.

Он постелил одеяло на полу, лёг на него в трусиках и спину солнышку подставил. И кот на одеяло лёг, греться стал. И всё в доме ожило. И цветы к солнцу потянулись, и бабочки откуда-то выбрались. И телёнок Гаврюша стал скакать, как на лужайке.

А на дворе сырость, холод и слякоть. Скоро зима подойдёт. Их домик с улицы так и светится, как игрушечный. Даже какая-то синица в окно стучать начала. Но её не пустили. Нечего баловать. Вот будут морозы сильные, тогда, пожалуйста, милости просим.

С этих пор у них очень хорошая жизнь началась. Утром они солнышко включают и весь день греются. На дворе холод, а у них лето жаркое.

А почтальон Печкин любопытный был. Он смотрит — по всей деревне люди печи топят, дым из труб идёт, а у дяди Фёдора дыма из трубы нет. Опять непорядок. Он решил узнать, в чём дело. Приходит он к дяде Фёдору:

— Здравствуйте. Я вам газету «Современный почтальон» принёс.

А сам глазами в печку уставился. Видит: в печке дрова не горят, а в доме тепло. Он ничего не понимает, а солнца домашнего не видит. Потому что оно как раз над ним на потолке было. Ему голову печёт.

Дядя Фёдор говорит:

— А мы газету «Современный почтальон» не выписываем. Это взрослая газета.

— Ах, какая жалость! — сокрушается Печкин. — Значит, я что-то перепутал. — А сам глазами по сторонам водит: нет ли где электроплитки какой или камина?

Солнце его греет. Стоит он, по?том обливается, но не уходит. Хочет секрет выведать.

— Значит, вы «Современный почтальон» не выписываете? Очень жалко. Это газета нужная. Там про всё на свете пишут.

— А сказки там печатают? Или рассказы про зверей? — спрашивает дядя Фёдор.

А Матроскин ручку у солнечного ящика повернул. Сделал солнце ещё теплее. Печкин даже шапку снял от жары. Только ему ещё хуже стало: солнце его в самую лысину печёт.

— Сказки про зверей? — спрашивает. — Нет, там больше про то пишут, как надо почту разносить и как автоматы марки наклеивают.

Тут у него от жары всё путаться стало. Он говорит:

— Нет, наоборот, автоматы почту разносят и марки наклеивают, как звери.

— Какие звери марки наклеивают? — спрашивает Шарик. — Лошади, что ли?

— При чём тут лошади? — говорит почтальон. — Я про лошадей ничего не говорил. Я говорил, что звери на автоматах работают и пишут сказки про то, как надо лошадям почту разносить.

Он замолчал и стал мысли собирать.

— Дайте мне градусник. Что-то жар у меня. Хочу измерить, сколько градусов.

Кот ему градусник принёс и стул подставил под солнцем. Печкин по градуснику постучал, чтобы температуру сбросить. А Хватайка спрашивает:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

— При чём тут «Мурзилка»? — спрашивает кот.

— Ах да! Это я вам «Современного почтальона» принёс, которого вы не выписываете. Потому что у вас документов нету.

Совсем он уже сварился. Даже пар от него пошёл, как от самовара. Вынимает он градусник и говорит:

— Тридцать шесть и шесть у меня. Кажется, всё в порядке.

— Какое там в порядке! — кричит кот. — У вас же температура сорок два!

— Почему? — испугался Печкин.

— А потому что тридцать шесть у вас и ещё шесть. Сколько это вместе будет?

Почтальон посчитал на бумажке. Сорок два вышло.

— Ой, мама! Значит, я уже умер. Скорее в больницу побегу! Сколько раз я к вам приходил, столько в больницу попадал... Не любите вы почтальонов!

А они почтальонов любили. Просто они Печкина не любили. Он с виду был добренький, а сам вредный был и любопытный.

Но только с этим солнцем не всё хорошо было. Из-за этого солнца у них самая большая неприятность началась. Заболел дядя Фёдор.

Глава 21

Болезнь дяди Фёдора

Дядя Фёдор дома всё время в трусах ходил — загорал. Он совсем коричневый сделался, будто с юга приехал. А если он на улицу выходил, ему одеваться надо было. Сначала майку, потом рубашку, потом штаны, потом свитер, потом шапку, шарф, пальто, варежки и валенки. Вот сколько всего. Это коту хорошо и Шарик — у них шуба всегда при себе. Даже купаются они вместе с шубой.

Однажды дяде Фёдору надо было на улицу выйти, синиц накормить. Он одеваться не стал, а так в трусиках и выскочил ненадолго. А на дворе мороз, снег выпал. Дядя Фёдор и простудился. Пришёл домой — его знобит. Температура поднялась. Он под одеяло залез, ни есть, ни пить не хочет. Плохо ему. Он говорит:

— Матроскин, Матроскин, кажется, я заболел.

Кот забеспокоился, стал его чаем с вареньем поить. Пёс в магазин побежал, мёд купил. Только дяде Фёдору всё хуже. Лежит он под одеялом, перед ним игрушки и книжки, а он на них и не смотрит. Шарик ушёл на кухню, сел в углу и заплакал. Хочет дяде Фёдору помочь, а не умеет.

— Уж лучше бы я сам заболел!

И кот совсем растерялся:

— Это я виноват: не уследил за дядей Фёдором... И зачем я только это солнце выписал?

Гаврюша подошёл к мальчику, руку лижет: вставай, мол, дядя Фёдор, чего лежишь! А дядя Фёдор не встаёт. Гаврюша глупенький был, ещё маленький. Он не понимал, что такое болезнь, а Шарик с котом хорошо понимали.

Кот говорит:

— Я за врачом побегу в город. Надо дядю Фёдора спасти.

— Куда же ты побежишь? — спрашивает Шарик. — Буран на дворе. Ты сам пропадёшь.

— Пусть лучше я пропаду, чем смотреть, как дядя Фёдор мучается.

— Тогда давай я побегу, — предлагает Шарик. — Я лучше бегаю.

— Дело не в беготне, — отвечает кот. — Я одного врача хорошего знаю, детского. Я его приведу.

Он нагрел молока в бутылочке, завернул в тряпку и уже хотел идти, а тут в дверь постучали. Хватайка спрашивает:

— Кто там?

Из-за двери отвечают:

— Свои.

Кот говорит:

— В такую погоду свои дома сидят. Телевизор смотрят. Только чужие шастают. Не будем дверь открывать!

Дядя Фёдор с кровати просит:

— Откройте дверь... Это мои папа и мама приехали.

И правильно. Это папа с мамой были. С ними Печкин пришёл.

— Видите, до чего они вашего ребёнка довели. Их надо немедленно в поликлинику сдать для опытов!

Шарик рассвирепел и давай почтальона кусать за валенки. Еле-еле Печкин за дверь выскочил.

А мама уже командует:

— Немедленно грелку мне!

Шарик с котом бросились, перевернули всё — нет грелки! Кот говорит:

— Давайте я буду грелкой. Я очень тёплый.

Мама взяла Матроскина, завернула в полотенце и к дяде Фёдору в кровать положила. Кот дядю Фёдора обнял лапками и греет.

— Теперь давайте мне все ваши лекарства.

Шарик коробку с лекарствами в зубах принёс, и мама дала дяде Фёдору таблетку с горячим молоком. И дядя Фёдор заснул.

— Только это не всё, — говорит мама. — Ему надо укол пенициллина сделать. Есть у вас пенициллин?

— Нет, — отвечает кот.

— А аптека в деревне есть?

— Нет аптеки.

— Я в город поеду за пенициллином, — говорит папа.

— Как же ты поедешь? — спрашивает мама. — Автобусы уже не ходят.

— Значит, «скорую помощь» из города вызовем. Не может быть так, чтобы ребёнок болел, а помочь нельзя.

Мама в окно поглядела и головой покачала.

— Не видишь, что на улице делается? Никакая «скорая помощь» не проедет. Придётся её трактором вытаскивать. Бедный мой дядя Фёдор!

Матроскин как подпрыгнет! Как закричит:

— Какие мы все дураки! А тр-тр Митя на что? У нас же трактор есть!

Папа обрадовался:

— Как вы здорово живёте! У вас даже трактор есть. Давайте скорее его заводить! Бензин наливать!

Шарик говорит:

— У нас трактор особенный. Продуктовый. На супе работает. На сосисках.

Папа не стал удивляться. Некогда было.

— У нас целая сумка продуктов есть. И апельсины, и шоколад. Годится?

— Нет, — говорит кот. — Не годится. Нечего Митю баловать. У нас картошки варёной целый котелок.

И пошёл папа с Шариком Митю заводить. Митя очень обрадовался.

Песню какую-то запел тракторную, и поехали они в город на полной картофельной скорости.

А Матроскин с мамой дядю Фёдора выхаживали. Мама скажет:

— Дайте полотенце мокрое!

Матроскин принесёт.

Мама скажет:

— А теперь градусник.

Кот ей:

— Пожалуйста!

Мама даже не думала, что коты такие умные бывают. Она думала, что они только мясо умеют воровать из кастрюль и на крышах кричать. А тут на тебе — не кот, а медсестра!

Матроскин ещё чаю вскипятил и накормил маму пирогами. Очень он маме понравился. И всё делать умеет, и беседовать с ним можно.

Мама говорит:

— Это я во всём виновата. Зря я вас прогнала. Жили бы вы у нас, и дядя Фёдор никуда бы не

ушёл. И в доме бы порядок был. И папа у вас поучиться бы мог.

Кот стесняется:

— Подумаешь, пироги! Я ещё вышивать умею и на машинке шить.

Так они до полночи дядю Фёдора лечили и разговаривали. И вот уже тр-тр Митя вернулся с папой и с лекарствами.

Глава 22

Домой

На другой день утро было прекрасное. На улице солнце светило и снег почти стаял. Выглянула тёплая поздняя осень.

Кот проснулся первым и приготовил чай. Потом корову подоил и дал дяде Фёдору молока. Папа говорит:

— Давайте дяде Фёдору градусник поставим. Может, он уже вылечился.

Поставили дяде Фёдору градусник, а Шарик говорит:

— А у меня нос — градусник. Если он холодный — значит, я здоров. А если он горячий — значит, заболел.

— Очень хороший градусник, — говорит папа. — Только как его стряхивать? И как другим ставить? Если я, например, заболею, мне что, твой нос под мышку совать?

— Не знаю.

— Вот то-то, — говорит папа.

А тут Хватайка слетел со шкафа — и к дяде Фёдору на кровать. Он увидел, что у него что-то блестит под мышкой. Все на папу смотрели, а он градусник украл.

— Ловите его! — кричит папа. — Температура улетела!

Пока Хватайку ловили, такой шум стоял, что даже Мурка пришла из сарая в окошко смотреть. Всунулась она в комнату и говорит:

— Тьфу ты! И совсем не смешно.

Все так и сели. Надо же! Мурка разговаривает!

— Ты что, говорить умеешь? — спрашивает кот.

— Ага!

— А чего же ты раньше молчала?

— А то и молчала. О чём с вами разговаривать-то?.. Ой, салатик растёт!

— Это не салатик! — кричит кот. — Это столетник. — И Мурку в окошко вытолкал.

Поймали они температуру и увидели, что она была нормальной. Дядя Фёдор почти выздоровел. Мама говорит:

— Ты, сынок, как хочешь, но мы тебя в город заберём. За тобой уход нужен.

— А если ты кота хочешь взять, или Шарика, или ещё кого — бери. Мы возражать не будем, — добавляет папа.

Дядя Фёдор спрашивает у кота:

— Поедешь со мной?

— Я бы поехал, кабы один был. А Мурка моя? А хозяйство? А запасы на зиму? И потом, я уже привык к деревне и к людям. И меня уже знают все, здороваются. А в городе надо тысячу лет прожить, чтобы тебя уважать начали.

— А ты, Шарик, поедешь?

Шарик не знал, что и говорить. Только он своё место в жизни нашёл — фотоохотой занялся, а тут уезжать надо.

— Ты, дядя Фёдор, лучше поправляйся и сам приезжай.

Папа говорит:

— Мы все вместе будем к вам приезжать. В гости.

— Правильно, — говорит Матроскин. — Приезжайте к нам по воскресеньям на лыжах кататься. А летом в отпуск. А если дядя Фёдор в школу пойдёт, пусть он у нас каникулы проводит, летние и зимние.

Так они и договорились.

Мама дядю Фёдора укутала во всё тёплое и велела папе трактор накормить как следует. Потом она спросила у Матроскина:

— Что вам прислать из города?

— У нас тут всё есть. Только книжек маловато. И ещё я хочу бескозырку иметь с ленточками. Как у моряков.

— Хорошо, — говорит мама. — Я обязательно пришлю. И ещё я вам тельняшку достану. А тебе, Шарик, ничего не надо?

— Мне бы радио маленькое. Я буду в будке передачи слушать. И ещё киноаппарат. Я буду кино про зверей снимать.

— Хорошо, — говорит папа. — Этим я сам займусь. Лично.

И они стали на трактор грузиться: мама, папа, дядя Фёдор и Шарик. Шарик должен был Митю обратно пригнать. И они поехали. Вдруг Матроскин из калитки выскакивает:

— Стойте! Стойте!

Они остановились. И он им Хватайку подаёт:

— Вот, держите. Вам с ним веселее будет.

Папа из кабины спрашивает:

— Это кто там?

Хватайка отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

И все про Печкина вспомнили. Мама говорит:

— Ох, как неудобно, мы совсем про него забыли...

— И правильно, — говорит Шарик. — Он такой вредный.

— И вредный он или не вредный, не важно. А важно, что мы ему велосипед обещали.

— Есть у вас здесь велосипед? — спрашивает папа.

— Нет, — говорит Шарик.

— А вот как сделайте, — предлагает Матроскин. — Купите ему лотерейных билетов на сто рублей. Пусть он что хочет, то и выигрывает. Хоть мотоцикл, хоть машину. Он же сам эти билеты продаёт. Ему двойная выгода получится. От продажи билетов и от выигрыша.

Так они и сделали. Купили у Печкина билетов и самому Печкину на почту отнесли. Почтальон даже растрогался:

— Спасибо вам! Я почему нехороший был? Потому что у меня велосипеда не было. А теперь я сразу добрень начну. И какую-нибудь зверюшку заведу, чтобы жить веселей: ты домой приходишь, а она тебе радуется!.. Приезжайте в наше Простоквашино...

Наконец они домой приехали. Дядю Фёдора сразу спать уложили с дороги. Потом побежали тельняшку, книжки и киноаппарат покупать. Потом все обедали. Особенно трактор. И мама всё уговаривала Шарика остаться ночевать. Но он не согласился:

— Мне здесь хорошо будет с вами. А Матроскин там один с хозяйством и с телёнком. Я ехать должен.

Тут мама говорит:

— Как же он один поедет на тракторе? Его же любой милиционер остановит. Так не бывает: собака — и за рулём!

Папа соглашается:

— Верно, верно. Боюсь, вся милиция по дороге начнёт за голову хвататься. И шофёры встречные тоже. Сколько же катастроф получится!

Шарик говорит:

— Давайте мы вот как сделаем, чтобы милицию не волновать. Есть у вас очки и шляпа? И

перчатки ненужные.

Папа всё принёс. Шарик нарядился, тельняшку надел и спрашивает:

— Ну как?

Папа говорит:

— Отлично! Отставной учёный адмирал на своём тракторе едет за город навестить родную бабушку.

Мама говорит:

— Что адмирал, это понятно, раз он в тельняшке. Что учёный, тоже ясно, потому что в очках. А при чём здесь бабушка?

— А при том. Грибов сейчас за городом нет. Ягод — тоже. Одни бабушки и остались.

Мама сказала:

— Всю жизнь ты одни глупости говоришь. И дурацкие советы даёшь. Это меня не удивляет. А вот почему твои глупости всегда правильными бывают, этого я понять не могу.

— А потому, — говорит папа, — что самый лучший совет всегда неожиданный. А неожиданность всегда глупостью кажется.

Шарик говорит:

— Это всё интересно, о чём вы говорите. Правда, я ничего не понимаю. Мне ехать пора. Только давайте не будем целоваться. Я нежностей не люблю.

И папа согласился. Он тоже не любил нежностей. И мама согласилась. Она любила нежности. Но она к Шарику не привыкла.

И Шарик уехал. А дядя Фёдор спал. И снилось ему только хорошее. КОНЕЦ

Зима в Простоквашино

Рисунки А. Воробьёва

Глава первая

Письма из Простоквашино

Жарким летом всегда хочется, чтобы пришла зима и побыла с нами хотя бы один день.

И эта желанная зима кажется такой красивой, солнечной. Одним словом: «Мороз и солнце. День чудесный...»

А когда зима приходит, она часто бывает совсем не такая — сплошные метели, заносы да заморозки. И каждый год дядю Фёдора зимой в Простоквашино не пускали:

— Нечего там делать. Зимой в Простоквашине одна простуда живёт.

А Шарик с Матроскиным в Простоквашине круглый год проводили.

И лето, и зиму, и осень.

И всё в одной одежде. И ничего, не простужались, не кашляли даже.

И вот однажды зимой дядя Фёдор из Простоквашино сразу два письма получил.

Первое письмо было от Шарика: Дорогой ты наш отец — дядя Фёдор!

От этого Матроскина житья совсем не стало. Раскомандовался! Только и слышишь: «Поди! Принеси! Подай! Сходи в магазин! Сбегай на почту! Поруби дрова! Вымой за собой посуду!» А у меня посуды — одна миска. И мыть её нечего. Языком облизнул — и всё. И дрова мне не нужны, мне в моей шкуре и так тепло. В общем, если ты не приедешь, я его кусать начну.

А в остальном живём мы хорошо. Можно сказать, дружно. Только спорим часто. Вот мы уже целую неделю спорим, — кто должен дверь закрыть.

Матроскин молоко пролил, и в доме скользко. Мы-то привыкли, а другим трудно. Телёнок Гаврюша в дом вошёл, ноги разъехались, он второй день в сенах лежит. Он тяжёлый, его не поднять. Мы его в доме сеном кормим.

Почтальон Печкин вошёл, поскользнулся и сразу под стол въехал. Очень смешно. Лежит сердится. Говорит: «Правильно вы дверь не закрываете. На улице теплее, чем у вас. Пусть к вам тепло с улицы идёт».

Дядя Фёдор, прикажи Матроскину дверь закрыть. Твой вечный друг Шарик.

Второе письмо было от Матроскина: Дорогой дядя Фёдор!

От этого Шарика житья совсем не стало! Ничего делать не хочет, только с фоторужьём бегаёт. А когда убегает, так спешит, что дверь ему закрыть некогда.

Увидел кабана в огороде и помчался за ним с фоторужьём по сугробам. А кабан-то наш простоквашинский не шибко грамотный, он фоторужьё от простого не отличает. Он думал, его стрелять хотят, и целый день гонял нашего охотника по полям.

Пришёл он весь мокрый и с ногами под кровать залез, а дверь закрыть у него, видите ли, сил не было. А я ему не прислуга.

Почтальон Печкин к нам приходит перестал, потому что однажды поскользнулся и заехал под стол. Он говорит, что на улице теплее, чем у нас в доме.

Дядя Фёдор, я тебя предупреждаю, если Шарик завтра не закроет дверь, я перееду в коровник к корове Мурке, там на три градуса теплее. А Шарик пусть здесь замерзает. У нас в доме, особенно на кухне, настоящий полюс холода получился. Молоко у нас по всем лавкам куличиками стоит. Оно твёрдое, я его из ведра целиком вытряхиваю. Любящий тебя кот Матроскин.

Дядя Фёдор эти два письма прочитал, жутко расстроился. Он письма папе показал. А папа говорит:

— Эх, дядя Фёдор, дядя Фёдор, сын мой. У твоих друзей дела плохи, а у меня ещё хуже. Меня наша мама разлюбила.

Чего-чего, а этого дядя Фёдор не ожидал. Он даже опешил.

— А почему ты, папа, так решил?

— Такие вещи не скроешь, — говорит папа. — Вот скажи мне, сын, когда ты последний раз видел котлеты с макаронами?

— Вчера видел, — говорит дядя Фёдор. — И позавчера видел. Да я вообще каждый день их вижу, потому что мы с тобой, папа, уже неделю как ходим ужинать в столовую.

— Теперь ты всё понял?

— Нет, папа. При чём тут котлеты с макаронами?

— А при том, что наша мама целыми днями где-то пропадает. Как с работы приходит, так сразу куда-то уходит. Я её спрашиваю — в чём дело? А она говорит — это сюрприз.

— Ну и что, может быть, и в самом деле сюрприз, — говорит дядя Фёдор.

— Знаю я этот сюрприз, — говорит папа. — Он у них в магазине секцией готового платья заведует. Здоровый такой мужик. Лысый. В обед всё на гитаре играет.

От такой информации дядя Фёдор даже запечалился. Если мужик готовым платьем заведует и на гитаре играет, он, конечно, перед папой явное преимущество имеет. Он может в себя их маму влюбить.

Дядя Фёдор говорит:

— А давай, папа, мы тоже на гитаре играть выучимся.

— Не смей меня, дядя Фёдор, — говорит папа. — Если любовь ушла, ты хоть на гитаре играй, хоть на балалайке, хоть на трубе, — ничего уже не получится.

Дядя Фёдор спрашивает:

— А есть что-нибудь, папа, что ты умеешь лучше всех делать?

— Есть, — говорит папа. — Я лучше всех умею узбекский плов готовить и петь казачью песню про ракитовый куст.

— Вот что, папа, — сказал дядя Фёдор. — Скоро Новый год. Мы все вместе в Простоквашино уедем. Будем там на лыжах кататься, печку топить, а в Новый год карнавал устроим. Ты нарядишься казаком или узбеком. Будешь вкусный плов готовить и казачью песню петь про ракитовый куст. Мама тебя снова изо всех сил полюбит.

Эта мысль папе сильно понравилась.

— А на чём мы поедем? В Простоквашино ведь электрички не ходят, а с автобусами зимой перебои.

— А наш «Запорожец» на что?

— Ой, — говорит папа, — это же умственно отсталый автомобиль. Его сразу устарелым изобрели. Это авточудо не для езды, а для ремонта предназначено.

— Ремонты всегда сближают, — спорит дядя Фёдор. — А потом, у нас целая неделя впереди есть. Мы его так к понедельнику отладим, что он у нас в «Мерседес» превратится.

И папа согласился. Главное было маму на праздники от этого сюрпризного мужика оторвать.

И стали они с папой по вечерам «Запорожец» в порядок приводить. А так как в гараже холодно, они всё, что можно, домой тащили. И колёса домой, и крылья домой, и карбюраторы-генераторы тоже домой.

В другое бы время мама бы им такое устроила! Но сейчас она ничего не замечала. Она приходила, запиралась в большой комнате и что-то там всё время пела.

Глава вторая

Письма в Простоквашино

В Простоквашино пришло срочное письмо. Почтальон Печкин не очень хотел идти в этот спорный дом, но делать нечего — служба есть служба.

Он вошёл в открытую дверь, положил письмо на стол и вышел. Вернее, выехал, потому что все, кто входил в дом, не ходили, а скользили по полу.

Кот Матроскин взял письмо и стал вслух читать: Дорогие Матроскин и Шарик!

Пишут вам папа и дядя Фёдор. Как же так получается? Мы на вас так надеялись. А вы устроили ссору! Безобразия! Всё! С этого дня ваш дом переводится на военное положение. И всё-всё в доме будет делаться по приказу-расписанию.

В письме находился «Приказ-расписание». Он был такой: Приказ-расписание

1. Подъём в 7.30. (Ответственный Матроскин.)
2. Завтрак в 8.25. (Ответственный Шарик. Поедание совместное.)
3. Топка печки в 9.00. (Ответственный Матроскин.)
4. Доставка дров. (Ответственный Шарик.)
5. Обед в 14.00. (Ответственный Матроскин. Поедание совместное.)
6. Мытьё посуды, но не облизывание, в 14.30. (Ответственный Шарик.)

И так весь день был расписан. А в конце папа и дядя Фёдор писали: Шарик и Матроскин!

Если у вас всё будет в порядке, мы всей семьёй приедем к вам на Новый год и подарки привезём.

Шарику — ошейник с медалями. Матроскину — радиопередатчик для коровы Мурки. (Вместо колокольчика. Чтобы он мог её в любое время найти с помощью радиоуказателя.) Очень

модная штучка на Западе. Все коровы носят.

А почтальону Печкину — японскую собачку Щицу. Очень лизучую, для наклеивания почтовых марок. Во время первой русско-японской войны японцы выпускали этих собак вперёд, и наши офицеры не могли идти в атаку, потому что собачки их облизывали.

Мы помним, что дядя Печкин давно хотел завести зверюшку. Он говорил: «Ты приходишь домой, а она тебе радуется».

Ждём от вас ответа — папа Дима и его сын дядя Фёдор.

Шарик выслушал письмо и сразу сказал:

— Если у меня будет ошейник с медалями, я совсем другой собакой стану. Во мне столько благородства появится и смелости, что на двух английских лордов хватит.

— Благородство и смелость не от медалей появляются, — ворчливо ответил Матроскин, — а наоборот, медали от них идут. Это только у народных артистов смелость от медалей возникает.

Шарик на это сказал:

— Ты это от зависти говоришь! Потому что котам и кошкам медалей не дают!

— Коты и кошки сами медалей не хотят.

— Почему? — удивился Шарик.

— Потому что с медалью мышь никогда не поймает. Гремит она сильно. Это всё равно что с колокольчиком на шее за мышью гоняться.

Позвали они почтальона Печкина и письмо ему прочитали. Печкин сразу сказал:

— Мне очень нравится «Приказ-расписание». Я сам себе такой же напишу и на почте повешу. И хорошо, что папа с мамой приедут. Только я лизучей собаки Щицу боюсь.

— А чего её бояться! — удивился Шарик. — Это очень полезная собака. Утром ты ещё не проснулся, а она тебя уже облизывает. Умываться даже не нужно!

— Не знаю, не знаю, — говорит Печкин. — К кусачим собакам я уже привык. Я знаю, как с ними разговаривать. Тем более что скоро лучшим почтальонам газовые баллончики будут давать против кусания. Ты на собаку прыснул — и она спит пять минут, как дохленькая. Когда мне такой баллончик дадут, я его хочу на вашем Шарике испытать.

— Это очень негуманный метод, — огорчился Шарик. — Я читал, что в Свердловской области лучше придумали. Там почтальонам такие специальные липучие сосиски дают. Собака сосиску хватить зубами, а разжать их уже не может.

— Нет, — говорит Печкин. — Это не для меня. Я за день три деревни обхожу, сто дворов. Это же сто сосисок с собой носить надо. Это же целая тележка получается. Баллончик всё-таки лучше.

Он на Шарика так многозначительно посмотрел и добавил:

— И значительно воспитательнее!

В общем, после этого письма у Матроскина и у Шарика жизнь немного улучшилась.

А к Печкину пришло отдельное письмо: Уважаемый Игорь Иванович!

Пишет Вам папа дяди Фёдора. Вот о чём я Вас попрошу: если у Матроскина и Шарика конфликт выйдет за разумные пределы, Вы мне об этом сообщите. Вы мне длинного письма не пишете. Вы мне просто пустой конверт пришлите и вложите в него одно колечко Ваших седых волос, как будто Вы посидели от горя.

И мне всё станет ясно. А самое лучшее, попробуйте их помирить. Надо, чтобы они наладили контакт. Ваш папа Дима — папа дяди Фёдора.

Папа совсем забыл, что почтальон Печкин давно уже не имел не только колечек, но и вообще волос на голове.

Глава третья

Дядя Фёдор наводит мосты

Дядя Фёдор долго голову ломал: как же так получается — мама любила, любила папу, а теперь вдруг раз и нет? Разлюбила, видите ли! Он решил с мамой поговорить. Он начал так, издали:

— Мама, последнее время ты какая-то не такая стала. Ты, мама, совсем другая сейчас.

Мама Римма в зеркало на себя посмотрела и вяло так спрашивает:

— Ты находишь, дядя Фёдор? Это что, очень заметно?

— Очень заметно. Ты дома почти не бываешь. Почему это так, мама?

— Понимаешь ли, дядя Фёдор, мне кажется, один человек, очень для меня важный, ко мне сейчас не так хорошо относится, как раньше.

— Это папа?

— Не будем уточнять, — говорит мама. — Только ты скажи мне, дядя Фёдор, когда ты последний раз в нашем доме букет роз видел?

Дядя Фёдор задумался и отвечает:

— Я их тогда, мама, видел, когда к нам в гости такой толстый-претолстый дядя приходил из твоего магазина.

Мама продолжила:

— Хорошо. А когда ты в последний раз видел бутылку шампанского?

— Тогда, — отвечает дядя Фёдор, — когда этот толстый дядя второй раз к нам пришёл.

— Вот видишь! — говорит мама. — А мои любимые шоколадные конфеты «Мишка на Севере» когда ты в последний раз наблюдал?

— Два дня назад, — говорит дядя Фёдор.

Мама даже поразилась:

— Это где ты их видел?

— На кухне, на большом столе.

— И что они там делали? — допытывалась мама.

— Они там стояли. Их папа с домоуправляющей тётей Дашей ели вместе с чаем.

— Вот видишь, — говорит мама, — для управляющей тёти Даши у него всё есть! И время, и шоколадные конфеты.

А потом таким как будто спокойным голосом спрашивает:

— А не заметил ли ты, дядя Фёдор, сколько лет этой домоуправляющей даме?

— Заметил, — отвечает дядя Фёдор. — Ей несколько лет. У неё уже годы кончились.

— Как так? — удивилась мама.

— Очень просто, — говорит дядя Фёдор. — Она сама сказала: «С тех пор как я на пенсию пошла, я свои годы считать перестала! У меня нет возраста».

«Эти великовозрастные дамочки так и глядят, как бы чужого мужа отбить», — подумала мама.

Но, судя по всему, у неё от сердца отлегло. Она даже какую-то песню мурлыкать стала.

А дядя Фёдор к папе пошёл. И спрашивает:

— Пап, скажи мне, пожалуйста, когда ты последний раз видел в нашем доме букет с розами?

— Да никогда, — говорит папа.

— А почему? — спрашивает дядя Фёдор.

— Потому что с тех пор, как я женился, у меня все взгляды переменялись. Я считаю, что самый ценный подарок для женщины — это мешок картошки. Знаешь, сколько мешков я для твоей мамы перетаскал?

Дядя Фёдор говорит папе:

— Вот что, папа, хоть сейчас и зима, ты всё-таки про букет роз подумай немного. Это так хорошо — иметь розы на Новый год.

Папа расстроился:

— Эй, дядя Фёдор, дядя Фёдор! Что ты такое говоришь. Да если бы твой кот Матроскин сейчас тебя услышал, он бы тебя уважать перестал. Ведь зимой за один букет роз можно три мешка картошки купить!

И оба они про кота Матроскина и про Шарика вспомнили.

Глава четвёртая

Телеграмма из Москвы

В избушке дяди Фёдора было тепло и уютно. В печке трещали дрова (доставка Шарика) и варился обед (ответственный Матроскин). Они готовились к совместному поеданию.

Почтальон Печкин был тут же рядом. Грелся после разноски писем по заснеженной деревне.

Кот Матроскин крупными шагами ходил по избе, как политический ссыльный, и говорил вслух:

— Безобразие, на дворе капитализм построили, а у нас одна пара валенок на всех, как при развитии социализме!

— А почему так получается? — спрашивает почтальон Печкин. — У вас что, средств не хватает? У вас денег нет?

— Деньги у нас есть, — отвечает Матроскин. — У нас ума не хватает. Говорил я этому Шарик: «Купи себе валенки». Так нет, он кеды купил. Тоже мне охотник-спортсмен для сельской местности. Лучше бы он парашютным спортом занимался. Или альпинизмом.

— Там что, платят больше? — поинтересовался Печкин.

— Там смертных случаев больше, — объяснил Матроскин.

— Что касается одежды, — заметил почтальон Печкин, — то наша простоквашинская национальная одежда простая. Это телогрейка на вате с поясом да валенки с калошами из противогоза. У нас зимой даже студенты в кедах не ходят.

— А что так? Стесняются? — спросил Шарик.

— Нет, — ответил Печкин. — Замерзают.

Потом Печкин говорит:

— А что это вы, уважаемые граждане, со мной разговариваете, а друг к другу не обращаетесь?

— Да как же с ним разговаривать, — говорит Матроскин, — когда это не пёс, а пенёк с хвостом. Он «Приказ-расписание» дяди Фёдора нарушает.

— Не может быть! — говорит Печкин. — Как же он его нарушает?

— А так. Там написано: «В 14.30 мытьё посуды, но не облизывание». Так этот лохматый тип сегодня всю посуду языком облизал и полотенцем незаметно вытер.

— И что дальше было?

— Я ему замечание сделал, что дяде Фёдору скажу, так он меня продажной шкурой назвал.

— Вы не должны жить как кошка с собакой, — говорит Печкин. — Вы должны друг с другом дружить и разговаривать.

— Не могу с ним разговаривать, — ворчит Шарик. — У меня язык не поворачивается.

— А давайте мы ему письмо дружеское напишем, — предлагает Печкин.

— Вам делать нечего, вы и пишете, — согласился Шарик.

Печкин достал из почтовой сумки ручку, бумагу и начал писать Матроскину письмо:

— «Дорогой мой Матроскин...» Так правильно?

— Правильно, — говорит пёс.

— «Я тебя обругал сдуру. Больше не буду...»

— Как это не буду? — возмутился пёс. — Как у меня нервы взвинтятся, я ему и не такое скажу.

— Ладно, — понял Печкин. — Запишем так: «Я тебя обругал сдуру и ещё буду». Так правильно?

— Так правильно, — соглашается Шарик.

— Теперь о чём писать?

— Не знаю, — говорит Шарик. — О чём хотите, о том пишете.

— Когда не знают, о чём писать, о погоде пишут, — говорит Печкин.

— Вот и пишете о погоде.

Печкин стал продолжать:

— «Погода у нас хорошая, мороз и солнце, день чудесный...»

— Какая хорошая, какой чудесный! — кричит кот. — Метель трети сутки носа высунуть не даёт.

— А вы не мешайте, гражданин кот, — остановил его Печкин. — Когда будете ответ писать, про свою погоду напишете.

— Не буду я ему письма писать, — сердится кот. — Он и читать-то не умеет. Ему письма надо вместе с почтальоном доставлять.

И тут мимо окна грузовая машина «Почта» проехала. Печкин как закричит:

— Стой! Стой! Назад!

— Чего это так — назад? — спрашивает Шарик.

— А ничего, — отвечает Печкин. — Застрянет сейчас. Там снега у почты набралось с метр. Никто убирать не хочет. Никому дела нет до нас, почтальонов.

И точно, машина завязла.

Матроскин, Шарик и Печкин на улицу выскочили. На улице красиво. Снежинки падают, каждая

размером с блюдце. Такие красивые, хоть в холодильник складывай. Солнце заходящее снег золотит. И мороз не очень сильный — тридцать градусов всего. И дрова лежат берёзовые под навесом! Благодать!

Но почтового шофёра Олега Харитонов это всё не радовало. Он вообще-то природу любил, даже очень любил, но когда с машиной неисправности были, он обо всём на свете забывал. Он тогда говорил:

— По мне этой природы хоть бы и вовсе не было!

Он толкал машину, толкал. И Шарик с Матроскиным толкали, и сам Печкин толкать пытался — всё без толку.

— Ну всё, — говорит Печкин шофёру. — Теперь вы здесь до весны жить будете.

— Это как так до весны? — поразился шофёр Харитонов. — У меня же семья в городе, работа. Мы трактором машину вытащим.

— А так, — отвечает Печкин. — У нас на селе ни одного трактора не осталось. Все тракторы в город уехали.

— Почему это не осталось? — кричит Матроскин. — А тр-тр Митя на что?

Побежал он в сарай, тр-тр Митю завёл и ещё корову Мурку из сарая вывел и телёнка Гаврюшу.

Так что к двадцати лошадиным силам трактора ещё две коровьих силы прибавилось, одна котовая и одна собачья.

Кое-как вытащили бедный грузовик, чтобы шофёр здесь до весны не мучился.

Шофёр Харитонов говорит:

— Вот, почтальон Печкин, вам телеграмма.

А телеграмма была не почтальону Печкину, а Шарику с Матроскиным:

ГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ НАС И НОВОГО ГОДА. МЫ К ВАМ ЕДЕМ НА «ЗАПОРОЖЦЕ». ПАПА И ДЯДЯ ФЁДОР.

И все обрадовались, про ссору забыли, стали думать, как лучше Новый год встречать.

Глава пятая

Неожиданности от мамы Риммы

Новый год неумолимо приближался, как скорый поезд к станции.

Был спокойный домашний вечер. Папа и дядя Фёдор ремонт «Запорожца» заканчивали. Папа бензиновую печку в тазу перебирал. Дядя Фёдор запасное колесо накачивал, а мама в

десятый раз одну музыку по магнитофону прослушивала.

Папа спрашивает маму:

— Ты где будешь Новый год встречать — в семейном кругу или в магазинном? Мы с дядей Фёдором решили в Простоквашино ехать.

Мама на это отвечает:

— Да вы сами подумайте. Я живу у вас, как крестьянка крепостная. У меня есть четыре платья вечерних с блёстками, а показывать их некому. Я хочу на людях Новый год встречать. Там, где много музыки и света — в подвале Дома журналистов. Я хочу, чтобы люди мои платья видели.

Папа говорит:

— Может быть, мы эти платья без тебя в этот подвал пошлём? Пусть их там людям покажут, а ты с нами в Простоквашино поедешь.

— Ни за что, — сказала мама, — куда платья, туда и я!

И тогда мама открыла свою тайну:

— Вы как хотите, а у меня выступление на Центральном телевидении. В подвале Дома журналистов будут новогодний концерт участников самодеятельности снимать. Я уже полгода как один номер с нашим менеджером по колготкам репетирую.

Дядя Фёдор даже поразился:

— Вот какая у нас мама замечательная!

А папа задумался:

— Интересно, сколько лет этому менеджеру по колготкам? И кто он, блондин или жгучий брюнет?

Как будто это имеет какое-то значение для колготок.

Дядя Фёдор спросил:

— После выступления на последней электричке разве нельзя к нам в деревню приехать? А мы тебя около станции встретим.

— Я, конечно, люблю Простоквашино, — говорит мама, — но не до такой степени, чтобы в вечернем платье в электричках разъезжать.

— Это верно, — заметил папа, — сейчас в Простоквашине зима. Там надо вечернюю телогрейку с блёстками надевать и вечерние валенки на высоком каблук.

Они, конечно, расстроились, что мамы с ними не будет. Но твёрдо решили, что отступить не станут и во что бы то ни стало доедут до Простоквашино.

Глава шестая

Простоквашино готовится

Когда телеграмма из Москвы пришла, Шарик и Печкин очень обрадовались, а Матроскин сразу насторожился:

— А почему это мамы в этой телеграмме нет? Что-то здесь не так!

Но он особо эту мысль обдумывать не стал. Он просто решил взять командование в свои руки.

На следующее утро, ближе к полудню, он грозно так сказал Шарику:

— Вот что, охотник, тридцатое число на дворе, завтра Новый год. Бери ты в лапы пилу и топор и отправляйся в лес новогоднюю ёлку добывать. А мы с почтальоном Печкиным будем сибирские пельмени готовить. Или новогодний деликатес — макароны по-флотски.

Шарик не согласен:

— Мне жалко ёлки рубить. Они такие красивые!

— Ты не о красоте думай, а о том, что они бесплатные! — кричит кот. — Сейчас, между прочим, время настоящей экономии наступило. Значит, всё бесплатное надо брать как можно скорее.

Он опять лапы за спину положил и по избе прошёлся. И всё ворчал:

— Он о красоте думает! А о нас кто подумает? Антон Павлович Чехов? Да? Или Фёдор Иванович Шаляпин?

Почтальон Печкин спрашивает:

— Разрешите поинтересоваться. Кто это такой, Антон Павлович Чехов, будет?

— Не знаю, — отвечает Матроскин. — Только так пароход назывался, на котором мой дедушка плавал.

— А кто такой Фёдор Иванович Шаляпин?

— Тоже не знаю. Так другой пароход звали.

— Наверное, один был шахтёр прославленный, а второй молотобоец! — решил Печкин. — Или они оба были почтальоны знаменитые.

— Я думаю, они были очень хорошие люди, — сказал Шарик, — раз их именем пароходы назвали. И они ни за что бы не стали ёлки рубить.

— А что бы они стали делать?

— Они бы пошли в магазин и искусственную ёлку купили, — говорит Шарик. — Они бы ещё всяких масок купили, хлопушек и косточек, чтобы на ёлку вешать.

И тут в дверь постучали. И как раз входит человек в маске и с искусственной ёлкой в руках:

— Угадайте, кто я?

Простоквашинцы хором и сказали:

— Антон Павлович Чехов!

— И вовсе нет, — говорит гость.

Печкин, Матроскин и Шарик сразу догадались:

— Фёдор Иванович Шаляпин!

А это был папа дяди Фёдора.

— А где дядя Фёдор?

— Он в машине сидит. Мы в снегу застряли.

Простоквашинцы сразу обрадовались и дружно побежали машину вытаскивать. Ветер воет, снегом и дорогу, и простоквашинцев забрасывает, но они смело тянут машину сквозь темноту и колючую пургу. Просто как бурлаки на Волге.

— Ездовые собаки, это я знаю, — говорит Матроскин. — А чтобы были ездовые коты, с этим я в первый раз сталкиваюсь.

— Ничего, ничего, — говорит папа, — у нас дороги такие, что ездовые академики встречаются. Я сам видел.

Папа веселится, шутит, а глаза у него грустные.

Машину они очень быстро дотащили. Даже тр-тр Митя не понадобился.

Вошли они в дом, и папа стал подарки раздавать.

— Это тебе, Шарик, ошейник с медалями. Кожаный, сносу ему нет.

— А медали за что? — спрашивает Печкин.

— За разное. Есть за слух, есть за нюх. Есть «За двадцатипятилетие Трактороэкспорта». Есть «За спасение утопающих!». Мне эти медали один полковник-собаковод подарил.

— Но он же никого не спасал! Никаких утопающих! — возмутился Матроскин.

— Зато меня самого спасали! — отвечает Шарик. — Я сам был утопающим! Мне за это медаль.

Тут Печкин вмешался:

— А где моя лизучая собачка Щицу?

Тут дядя Фёдор сразу про собачку вспомнил и к машине побежал вместе с папой.

Через пять минут они приходят и собачку приносят вместе с бампером от «Запорожца». Оказывается, собачка бампер лизнула и примёрзла к нему.

Долго её вместе с бампером на печке держали, пока она от бампера не отлепилась.

Печкин тут же собачку взял и за пазуху засунул:

— Это моя собачка. Я её никому не отдам.

Матроскин спрашивает:

— А где мой радиоколокольчик для моей коровы?

Дядя Фёдор его в сторону отозвал и говорит:

— Я радиомаячок привёз, а стрелочный указатель я тебе позже передам. Не беспокойся, он до лета сюда ещё десять раз успеет приехать...

Матроскин ужасно расстроился:

— Шарику всё в целости привезли, а мне по частям.

Папа тем временем стал всё кругом осматривать. Он спрашивает:

— У вас рис есть?

— Нет, — говорит Матроскин. — Только гречка.

Папа вздохнул:

— Придётся мне новогодний узбекский плов из гречневой крупы делать. А телевизор у вас есть?

— Есть. Вон он на шкафу стоит.

Папа телевизор со шкафа снял и спрашивает:

— А что это у вас такая странная настроечная таблица, — кругами?

Почтальон Печкин говорит:

— Это у них не таблица. Это у них всё паутиной заросло. У них на каждой кастрюле такая настроечная таблица имеется.

Папа решил во что бы то ни стало телевизор наладить. Ведь в новогоднем «Огоньке» сегодня мама Римма поёт вместе с менеджером по колготкам!

Когда папа об этом менеджере думал, ему самому хотелось колготки на голову натянуть и с опасным оружием — с вилами — в подвал Дома журналистов явиться для выяснения отношений. Но он быстро себя успокоил и говорит:

— А у меня такая мысль есть прогрессивная. А давайте мы к себе на Новый год всех деревенских позовём, всех простоквашинских.

— Да у нас тут простоквашинских только и осталось, что бабка Евсевна с дедом Сергеем с горушки да бабка Сергевна с дедом Александром за церковью, — говорит Печкин. — Да сторож Шуряйка хромой с лесопилки, который гармонист свадебный.

— Вот всех их и позовём.

— Все не придут. Шуряйка хромой ни за что не придёт.

— Почему?

— Он стесняется. Он негром стал.

— Как так негром стал? Разве неграми становятся?

— Становятся, да ещё как. К нам морилку завезли венгерскую для мебели. Он её выпил заместо спирта на одной гулянке. Наутро весь окрасился в коричневый цвет. Вот, не пей что ни попадя.

— Ну и пусть он коричневый. Всё равно позовём, — говорит папа. — В нашей стране все равны, независимо от цвета кожи.

Он взял лист бумаги из своего чемоданчика и стал рисовать пригласительные билеты: Уважаемый дед Сергей с горушки!

Приглашаем вас с супругой (Евсевой) на торжественный банкет — встречу Нового года. Форма одежды нарядная. Лучше всего приходите со своим стулом или с табуреткой.

Встреча состоится в доме дяди Фёдора...

— Почему дяди Фёдора? — спрашивает Печкин. — А моя почта на что? Там помещение побольше будет. Там можно даже танцы устраивать.

— А телевизор там есть? — спрашивает папа. — Ведь мы должны нашу маму видеть. Её будут из подвала передавать.

— Есть там, есть телевизор! Мы всё увидим. И там большая ёлка прямо перед окном растёт.

Папа все пригласительные билеты на почту переписал. А Печкин их быстро по адресам разнёс.

Потом они все, кроме папы, взяли всё нужное и пошли на почту, чтобы почту в зал приёмов переоборудовать. Папа в избе остался, ему надо было к празднику узбекский плов готовить из гречки.

Глава седьмая

Неприятности в подвале Дома Журналистов

В подвале Дома журналистов было очень светло и много музыки. Кругом были участники художественной самодеятельности. Один участник был художественнее другого.

Это были пластичные ребята и девушки из самодеятельного цирка. Они были все в блёстках и купальниках. А некоторые были только в блёстках, потому что купальники у них были незаметные, под цвет загара.

Они принесли огромное количество резиновых гирь. Мама взяла одну резиновую гирю и упала, потому что гиря была настоящая.

Там ещё были певцы во фраках напрокат. Один певец, например, мог в своём фраке, как в дачном туалете, вертеться. Потому что такой большой был у него фрак. Но пел он прекрасно. Он пел известную арию «Не счесть алмазов каменных в пещерах...».

А танцоров всяких танцев — украинских, испанских, молдаванских и цыганских — было столько, что они весь Дом журналистов заполнили от подвала до чердака. И все везде всё репетировали. Одних кадрили репетировалось три: подмосковная, подпсковская и подсанкт-петербургская.

Мамина аккомпаниаторша — менеджер по колготкам тётя Валя — так волновалась, что ноты с песнями вместо приглашительного пропуска на входе милиционеру отдала. А дежурный милиционер сам так волновался, что эти ноты вместо пропуска взял.

И вот режиссёр Грамматиков, ответственный за концерт, закричал:

— Внимание, до начала трансляции осталось два часа! Начинаем прогон.

Прогон — это не тогда, когда прогоняют ненужных людей, а тогда, когда идёт последняя репетиция.

Операторы схватились за камеры, осветители — за фонари, прозвучали фанфары, и концерт пошёл. Вернее, не концерт, а репетиция концерта.

Песни сменялись гирями, гири — кадрилями, кадрили — художественным чтением. Маме дяди Фёдора было интересно и страшно.

И вот очередь дошла до неё. Ведущий программы, такой манекеноподобный гражданин Маслёнков, таким специально объявлятельным голосом говорит:

— Выступает продавец отдела женской галантереи и духов певица Римма Свекольникова.

(Мама из застенчивости свою первую фамилию назвала, ещё допапину.)

— Что вы будете петь? — спрашивает маму манекеноподобный Маслёнков.

— Я буду петь казачью песню про ракитовый куст. Это любимая песня моего мужа.

— Но это же совсем не новогодняя песня, — говорит ведущий. — Она очень грустная.

— Да, — согласилась мама. — Но мой муж её очень любит! И казаки тоже.

— Хорошо, — сказал ведущий. — Раз так, пойте. А кто вам будет аккомпанировать?

Мама ему прошептала на ухо. Он громко объявил:

— Аккомпанирует менеджер по колготкам из того же магазина Валентина Арбузова.

А Валентина Арбузова аккомпанировать не может — она ноты милиционеру отдала.

Пришлось номер мамы — песню про ракитовый куст — снять и временно заменить танцем народов Сибири.

Мама даже в сумочку полезла за платком — слёзы утирать.

Видит, в сумочке какой-то свёрток лежит.

— Валя, — говорит она своему менеджеру по колготкам, — смотри. Мне кто-то в сумочку мину подложил!

Тут к маме режиссёр Арифметиков подходит и говорит:

— Нам в нашей новогодней программе обойтись без казачьей песни никак нельзя. Казаки могут восстать. И тогда такое в стране начнётся!!! Я вам выделю нашего лучшего пианиста Диму Петрова. Идите с ним репетируйте. Он без всяких нот любую музыку может играть. Его ноты только обижают.

И мама немедленно в репетиционный зал пошла.

Глава восьмая

Новый год в Простоквашино

Вся деревня была погружена в метель, в снег, в новогоднюю морозную ночь. Ни огонька. И только почта почтальона Печкина вся светилась с ног до головы.

Перед почтой стояла наряженная живая ёлка. На ней висело всё, что можно было отнести к игрушкам: блестящие банки из-под пива, игрушки, сделанные из серебряной фольги, и конфеты.

Внутри стоял длинный стол, составленный из нескольких столов, покрытый зелёной скатертью.

Время приближалось к двенадцати.

Постепенно стягивались участники банкета: бабушка Евсевна с дедом Сергеем с горушки, дедушка Александр с бабушкой Сергеевной из-за церкви. Все приходили в валенках, замотанные платками, со своими стульями и с горячими чугушками с едой.

Скоро и папа пришёл, котёл узбекского плова принёс из гречневой крупы.

Ждали хромого гармониста Шуряйку с лесопилки. Все волновались: «Придёт или не придёт? Придёт или не придёт?»

Всё-таки очень интересный человек: во-первых, гармонист, а во-вторых, негритянско-русской национальности.

Наконец он прихромал.

— Пришёл! Ура!

Гармонист был очень коричневым и очень нервным. От застенчивости он всё время играл на гармошке и смотрел в потолок.

Папа усадил всех за праздничный стол и сказал:

— Дорогие друзья простоквашинцы! Беритесь за бокалы с шампанским. Сейчас начнётся

самый торжественный момент. По телевизору будет петь наша мама, и наконец-то мы увидим... менеджера по колготкам.

Он хотел сказать: «Наконец-то мы увидим сюрприз, который она нам готовила», а сказал про менеджера.

Гости взялись за бокалы с шампанским. Они никогда не видели менеджеров по колготкам, и им очень было интересно узнать, что это такое.

По телевизору уже показывали подвал Дома журналистов и всех участников будущего концерта.

Как дядя Фёдор, Матроскин и папа ни всматривались, они не видели мамы Риммы.

Папа сразу приуныл: где это их мама?

И тогда он сказал:

— Дорогие гости, у меня грустное настроение. Давайте петь песни.

Все участники банкета как обрадуются! (Они не знали, куда руки, ноги девать, чем надо узбекский плов есть: вилками, ложками или половником, а тут им дело предложили.) Они все как запоют!

Но никто из них ни одной песни до конца не знал. И у них вот что получилось. Сначала Печкин запел:

Степь да степь кругом,

Путь далёк лежит...

Там в степи глухой...

Дальше он не знал, что там было, поэтому замолчал. Тут Евсевна с горушки начала:

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой...

Выходила на берег Катюша,

На высокий берег, на крутой...

Получилось, что в глухой степи расцветали яблони и груши и текла речка. Евсевна стала петь дальше:

— Выходила, песню заводила... —

и, как назло, тоже забыла слова.

Тут уже дядя Фёдор запел:

Пусть бегут неуклюже

Пешеходы по лужам,

А вода по асфальту рекой...

Получилось, что Катюша на берегу крутом поёт песню крокодила Гены. Вышло складно, но неправильно. Потому что когда Катюша выходила на берег крутой, песни крокодила Гены ещё на свете не было.

А дальше получалась вообще какая-то белиберда:

Лучами красит солнышко

Стальное полотно...

Катится, катится голубой вагон...

Навстречу родимая мать...

Кондуктор,

Нажми на тормоза!

Тут почтальон Печкин заплакал и сквозь слёзы запел:

Мать ко мне на могилку

Никогда не придёт...

— Почему? — спросил папа.

— Кондуктор не успел нажать на тормоза!

— Ну вот что, — сказал папа. — Это не пение. Это безобразие. Вы, дорогие гости, ни одной песни до конца не знаете. Вот сейчас я сам спою вам казачью песню про ракитовый куст. Уж я-то все слова помню.

Он повернулся к Матроскину и тихо спросил:

— Матроскин, а как гармониста Шурайку полностью звать?

— Шуряйка, — отвечает кот.

— А по отчеству?

— Николаевич.

— Уважаемый Шуряйка Николаевич, — сказал папа, — подыграйте мне.

Гармонист Шуряйка заиграл, а папа запел:

Ой, шуми ты, куст ракитовый,

Вниз под ветром до земли.

Казаки...

И вдруг все услышали, что кто-то папе подпевает. Все услышали красивый женский голос:

... дружка убитого

На шинели принесли...

— Это ветер завывает! — сказал Матроскин.

— Это крыша звенит, — сказал Печкин.

— Это домовые веселятся, — сказал дед Александр из-за церкви.

— Это мама поёт! — закричал дядя Фёдор. — Смотрите, вот она в телевизоре!

И тут в окошко почты кто-то постучал, и вошла мама в лыжном костюме и с рюкзаком. Рядом с ней была большая тётя — вся в вязаном лыжном костюме, в свитере и шапочке.

Бедный Печкин от удивления так глаза вытаращил, что они чуть на пол не упали. Он говорит:

— Смотрите, до чего техника дошла! Вашу маму тут и там передают!

Папа от удивления даже язык проглотил. А дед Александр из-за церкви сказал:

— Ну вот. А говорил, что все слова помнит!

А мама объяснила:

— Это не техника дошла. Это я сама на лыжах дошла.

— Знакомьтесь, — сказала мама и показала на вязаную тетю: — Это Валя Арбузова. Наш менеджер по колготкам.

Дядя Фёдор бросился к маме на шею. Папа стал целовать тётю Валю Арбузову. А Матроскин спросил:

— Мама Римма, как вы нас в такую погоду нашли? Ведь до станции четыре километра сугробами.

— По запаху, — говорит Шарик. — Я, например, такой плов узбекский и за пять километров отыщу.

— По радиомаяку, — сказала мама. — Смотрите, какой приборчик и какую записку я нашла у себя в сумочке.

Она показала всем радиоуказатель, который коту Матроскину для Мурки приготовили, и записку. Записка была такая:

Мама, это указатель радиомаячка, который мы купили для коровы Мурки. Приезжай к нам в Простоквашино на последней электричке. Указатель покажет тебе дорогу. Я включу маячок.

Мы тебя ждём. Твой сын дядя Фёдор.

А дальше такое веселье началось, какого в Простоквашино никогда ещё не было. Все стали друг с другом целоваться. Только с почтальоном Печкиным никто целоваться не хотел: у него усы кусачие. Он со своей лизучей Щицу целовался.

Папа угостил всех своим знаменитым пловом из гречки. А потом папа и мама запели вместе знаменитую казачью песню про ракитовый куст:

Ой, шуми ты, куст ракитовый,

Вниз под ветром до земли...

Я бы вам её пересказал, дорогие читатели, но я, как и многие из вас, никогда не запоминаю песни до конца.

И тут часы забили двенадцать. Поэтому: КО...

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! БОМ!

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! ...НЕЦ

Тётя дяди Фёдора

Рисунки К. Прытковой и К. Романенко

Глава первая

На Простоквашино надвигалась осень. Не очень быстро, а так — миллиметр за миллиметром. Каждый день становилось холоднее на четверть градуса. Днём ещё было лето, солнце всё заливало золотом. Но зато ночью никаких сомнений не оставалось, что вот-вот зима на природу обрушится. Ночью даже снег выпадал.

Все были заняты делом. Кот Матроскин за последними грибами ходил и капусту засаливал. Дядя Фёдор задачник для третьего класса осваивал. А пёс Шарик телёнка воспитывал. Он полугодовалого Гаврюшу на сторожевого быка дрессировал, полусторожевого-полуохотничьего. Увидит он зайца в поле и кричит Гаврюше:

— Куси!

Бычок после этого до самой речки за зайцем гонится. Заяц через речку в два прыжка «блинчиком» перелетит — и в поля. А Гаврюша так не может. Он в речку трактором врежется и такой веер брызг поднимет, что радуга полчаса над рекой висит. Бросил Шарик палку через забор и кричит Гаврюше:

— Не-си!

Гаврюша прыг через забор, палку в зубы и назад. Шарик прикажет ему:

— Му-му!

Гаврюша замычит так, что люди в деревне шарахаются. Они думают, что на их Простоквашино электричка наехала.

Однажды кот Матроскин не выдержал, он к Шарикун подошёл и говорит:

— Ты на кого его дрессируешь? На циркового клоуна? Что это за «куси-неси» такое? Что это за «му-му — ква-ква»? Для дрессировки собак давно уже специальные культурные команды придуманы: «фас» там или «апорт». Или уж «голос» в крайнем случае.

— Может быть, для сервировки собак есть такие слова, — возражает Шарик, — только для быков они не подходят. Быки — они звери сельские, простые, небалованные.

— Не для сервировки, а для дрессировки, — поправляет Матроскин. — Сервируют только столы в ресторане. Пора бы знать, глухомань сельская.

Шарик обиделся на «глухомань сельскую» — и сделал такое заявление:

— Вот что, Матроскин, ты заведи себе своего телёнка собственного и дрессируй по-своему. А это мой Гаврюша.

Матроскин от удивления аж остолбенел на две минуты. Его можно было горизонтально на два столбика класть. Так в цирке гипнотизёры с тётеньками делают. Потом как закричит:

— Как это твой, когда это мы его вместе с Муркой рожали! Да я из-за него столько ночей не спал. Да я его из соски молоком поил! Да я лично ему клизму двадцать раз делал, когда ты его сосисками кормил!

В общем, большой конфликт надвинулся. Того и гляди, Шарик с Матроскиным подерутся. Они уже друг друга толкать начали.

Дядя Фёдор на крыльцо вышел и говорит:

— Давайте мы телёночью дуэль проведём. Поставим вас в разные концы огорода, а Гаврюша пусть в середине стоит. Вы его к себе зовите. К кому он подойдёт, тот им и будет командовать.

Встали они в разные концы огорода. Каждый к себе Гаврюшу зовёт. Шарик командирским голосом кричит:

— Гаврюша, ко мне бегом! Гаврюша, ко мне кругом!

Матроскин так тихо подзывает:

— Кис! Кис! Иди ко мне, скотинка маленькая! — И большую брюкву из-за спины показывает.

Гаврюша на месте крутится, то туда голову повернёт, то сюда. То к Шарикуну побежит, то к Матроскину. Чем ближе он к Шарикуну приближается, тем сильнее Матроскин кричит, и наоборот. Такой шум подняли, на всю деревню, а толку нет. Не получается телёночья дуэль.

Тогда дядя Фёдор говорит:

— Пусть каждый из вас возьмёт палку и кинет её через забор. Чью палку он принесёт, тот для Гаврюши и главнее.

Выбрали они каждый себе палку по вкусу. У Шарика палка длинная была и тонкая, и вся в мелких сучках. Она чем-то сильно на самого Шарика смахивала. Он тоже был тощий и задиристый. А у Матроскина в лапах такая толстая дубинка оказалась, потому что Матроскин и сам за последнее время округлился.

Кинули они свои палки за забор, и Гаврюша вихрем за забор прыгнул. Все замерли. Ждут.

Вылетает Гаврюша из-за забора, а в зубах у него не палка, а зелёный плащ почтальона Печкина. Почтальон за забором стоял и в дырочку подсматривал. Гаврюша его самого хотел притащить, да Печкин по дороге из плаща вывалился.

Бедный Печкин за плащом прибежал и давай тащить его за другой конец. Гаврюша не отпускает. Шарик и Матроскин тоже пытаются плащ у быка выдернуть, да ничего не выходит. Гаврюша за лето здоровый стал, как танк. Он всех троих спокойно по огороду тащит куда захочет. Весь огород перепахал.

Печкин кричит:

— Эй ты, рогатый дурачок, отдай плащ немедленно! Доиграешься, тебя на колбасу отправят!

Дядя Фёдор решил вмешаться. Он подошёл к Гаврюше и спокойно так скомандовал:

— Голос! Му-му!

Бычок как замычит своим электрическим голосом — и плащ выпустил. Сразу Шарик с Матроскиным и Печкиным втроём на три метра отлетели и в забор врезались. Матроскин посмотрел на выпавшие доски и говорит:

— Да, ремонта здесь рублей на сто наберётся. Придётся сто штук штакетника покупать. От этого Печкина нам только одни расходы идут. Да ещё и подслушивает!

Печкин говорит:

— Мне от вас много доходов! У меня этот плащ, может быть, свадебный. А вы вон как его изжевали и обсопливили! Его и надеть — и то противно. Придётся мне теперь к своему дому огородами пробираться. Я не какой-нибудь Рокфеллер африканский — два плаща иметь. А вас я вовсе не подслушивал, нужны вы мне больно. Я вам письмо принёс.

Он отдал им письмо и скорее ушёл, а то вдруг Матроскин заставит его забор чинить. Дядя Фёдор взял письмо и пошёл в дом. Письмо — это очень важное событие. Все про телёночью дуэль сразу забыли. Письмо было от мамы. Мама писала: Дорогой наш мальчик дядя Фёдор!

Ты живёшь в сельской местности совсем заброшенный. Природа к тебе близко, а культура далеко. Это хорошо, но неправильно. Будем принимать меры.

К нам приехала моя двоюродная сестра Тамара Семёновна. Фамилия у неё Ломовая. Вообще-то у неё двойная фамилия: Ломовая-Бамбино. Папа у неё был генерал Ломовой, а мама солистка балета — Бамбино.

Она такая добрая и очень толстая, как две. Ты её не помнишь. Она ушла из армии. Там она работала полковником по хозяйственной части. Она решила тебе подарок сделать. Она решила всю оставшуюся жизнь посвятить твоему воспитанию.

Про неё была статья в газете, и её очень хвалили. Она такой работник прекрасный — за тридцать лет ни разу в отпуске не была. С её склада ни одна пушка не потерялась, ни один танк не пропал. Когда она из армии увольнялась, все солдаты строем плакали. Тебе она очень много пользы принесёт. Она уже пианино купила и самоучитель, будет тебя на лауреата международного конкурса готовить. Жди её с нетерпением и радостью. Твои родители: папа и мама.

Когда дядя Фёдор письмо прочитал, он не особенно обрадовался. Эта двухразмерная тётя его чем-то насторожила. И к пианино у него особой тяги не было. И Шарик насторожился. Ему пианино нравилось, он часто думал: «Вот бы выбросить оттуда всю требуху, которая гремит, отличная собачья будка получится!» Он просто к любому постороннему человеку заранее с подозрением относился. А Матроскин обрадовался:

— Нам лишний хозяйственный работник никогда не помешает. Мы тут забурели совсем в сельской местности, закисли, темпы теряем. Кругом люди фирмы открывают, лапти плетут для иностранцев. А мы ушами хлопаем. Нам нужны свежие силы.

И стали они к приезду тётки Тамары готовиться. Первым делом решили для тётки кровать купить. Тётя — это не собачка, завёл её и всё. Ей и кровать нужна, и матрас, и одеяло. Её на сеновал не положишь, особенно осенью.

Вывели они из сарая трактор — тр-тр Митю, заправили его борщом вчерашним и поехали в большой сельский магазин за мебелью.

Едут себе они по сельской дороге, запутанной, как верёвка, белые колечки в небо пускают. А по краям вся природа, как мультипликация, ЯРКАЯ! Ели — зелёные, сосны — чёрные, а лиственные деревья — оранжевые. Одно удовольствие смотреть. Сиди себе и любуйся.

Только тр-тр Митя не давал им смотреть. Только они см... см... только они смотреть начинают и люб...люб...любоваться, он их трясёт. Он в последние дни засиделся в своём сарае и летел вперёд как ошпаренный. На каждой кочке два раза подпрыгивал. Один раз от

кочки, другой раз от засиделости. Когда наши покупатели около магазина с трактора сошли, их шатало так, будто они не в магазин приехали, а в вырезатель. Они не только шатались, они ещё и подпрыгивали.

Матроскин говорит продавцу:

— Здравствуйте, нам кровать нужна на колёсиках. Есть у вас такие? К нам тётя в гости приезжает на постоянную жизнь.

Продавец отвечает:

— У нас сейчас любые кровати есть. Хоть на колёсиках, хоть с моторчиком. У нас в деревне капитализм наступил.

— Хорошо, — говорит дядя Фёдор, — давайте посмотрим ваши кровати.

— А чего смотреть? — говорит продавец. — Вы скажите, какая кровать вам нужна. Мы нажмём кнопку, и дядя Вася вам её со склада притащит.

— Какой-то странный у вас капитализм наступил, — говорит Матроскин. — И кроватей у вас завались, и кнопки есть, а дядя Вася всё так же на себе тяжести таскает, как при развитом социализме.

— Так какая кровать вам нужна? — спрашивает продавец.

— Большая кровать, — отвечает дядя Фёдор.

— Это не разговор, — замечает капиталистический продавец. — Дайте точную техническую характеристику. Кровати бывают односпальные, полутораспальные и двухспальные. Сколько к вам тётя приезжает?

— Одна тётя, но сдвоенная! — кричит Шарик. — Давайте нажимайте кнопку. Пусть нам двухспальную кровать принесут.

Нажали кнопку, прибежал дядя Вася в синем халате. Ему объяснили, что нужно. И через пять минут он притащил огромную кроватищу на колёсиках. Там не то что сдвоенную, там строенную тётю уложить можно было.

Шарик про себя подумал: «Если нам тётя не понравится, мы на этой кровати палатку разобьём, вещи погрузим и быстро в другую деревню смотаемся».

Матроскин деньги продавцу заплатил и говорит:

— Там я у вас много пустых картонных ящиков вижу. Они вам, наверное, не нужны, а нам очень для растопки пригодятся.

Продавец согласился и разрешил Матроскину все ящики забрать. Они быстро эти ящики на кровать погрузили, прицепили её к тр-тр Мите тросиком и очень осторожно поехали.

Со стороны было похоже, что трактор не кровать, а воз сена везёт. Только вместо сена были разноцветные ящики. Очень красивая картина получалась. В этот раз Митя себя прекрасно вёл, и они вдоволь на осенние деревья насмотрелись.

Почтальон Печкин их по дороге встретил и спрашивает:

— Это кто же вам столько посылок прислал таких красивых? И почему без меня?

— Это гуманитарная помощь, — говорит Матроскин. — Её сейчас прямо в руки передают без посредников. Это питание для собак и кошек «Вис-кас» и «Соба-кискас».

Печкин подумал: «Вот как о собаках и кошках беспокоиться стали. А о почтальонах не думают. Жалко, что я не собака и не кошка. Пожалуй, и я себе котёнка заведу, пусть ему гуманитарную помощь присылают».

Когда они домой приехали, Матроскин за голову схватился:

— А вдруг кровать в доме не поместится? А вдруг она в дверь не полезет? Как тогда быть? Придётся дырку в стене пропиливать!

Но потом он всё измерил и успокоился. Если подстилку Шарика в сени вынести, то как раз места для кровати хватит. Или пусть Шарик под кроватью спит, тётю охраняет.

Шарик на это не пошёл.

— Фиг тебе, чтоб я под вашей тётей спал! — сказал он коту. — Раз вы меня выселяете, выселяйте совсем на улицу. Я из этих ящичков себе прекрасную будку склею двухкомнатную. Буду на улице жить, как все собаки.

Матроскину было жалко ящички отдавать. Он говорит:

— А чего бы тебе, Шарик, под крыльцом не устроиться? И делать ничего не надо. И тепло, и сторожить удобно.

— Ага. И все ноги у тебя над головой от снега отряхивают и от песка. И всё это тебе на голову сыплется. Нет, ты сам там живи, если ты такой изобретательный.

Тут дядя Фёдор вмешался:

— Матроскин, ты не прав. Пусть Шарик клеет что хочет. Мы так договорились жить, чтобы каждому было хорошо. Мы все должны друг друга любить.

— Верно, — согласился кот. — Если мы друг другу уступать не будем, у нас не дом будет, а коммунальная квартира. Склочная.

И ещё он добавил практические соображения:

— Дядя Фёдор, сколько от него шума, от нашего Шарика! Стоит только какой-нибудь собачке в деревне тьякнуть, он такой гам поднимает, что мы до потолка подпрыгиваем. А в будке ему звукоизоляция не позволит так шуметь.

Шарик сразу взялся за дело. Достал кисть малярную из сарая, сварил из крахмала ведро клея кисельного типа и начал ящички клеем мазать и друг к другу прислонять.

Ящички лёгкие, весёлые, яркие. И работа лёгкая, весёлая, яркая. Если делать её аккуратно. А Шарик всё делал тья-ляп. Сначала сделал картонно-ящичный пол, потом картонно-ящичные стены, потом из реек, которые Матроскин приготовил для ремонта забора, сделал обрешётку для крыши и тоже обклеил ящичками. Дом вышел сикось-накось, но очень яркий и симпатичненький.

Тут уже и вечер наступил, звёзды высыпали на небо, как веснушки. Вымотанный Шарик как стоял на картонном полу, так и спать свалился, а клеевую кисть под голову подложил.

Глава вторая

Телеграмма

Утром чуть свет почтальон Печкин пришёл. И давай калитку дёргать. Раньше он смело во двор проходил, на крыльцо и в дверь стучал, а теперь он стал телёнка Гаврюшу побаиваться.

Он калиткой хлопает, стучит по ней, а его никто не слышит. Все спят ещё. Тогда он стал кричать:

— Стук-стук! Дзинь-дзинь! Ба-бах! Блям-блям! Вам телеграмма пришла!

Никакой реакции. Только Гаврюша к калитке подошёл — стал почтальоном Печкиным интересоваться.

Печкин опять кричит:

— Эй, вы! Дзинь-дзинь! Вам телеграмма пришла!

Ничего.

— Так ведь и голос сорвёшь! — сказал Печкин. — А у меня голос не казённый!

Гаврюша прислушался. Услышал слово «голос» и как замычит:
«Му-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!»

Не зря с ним Шарик работал.

А голос у него был не такой, как у почтальона Печкина, дохленький. У Гаврюши голосище был как у электрички. Он полдеревни зараз на ноги поднимал.

Шарик наконец проснулся... и сразу понял, что на него электричка несётся! Он как подпрыгнет вместе с полом, к которому приклеился! Как бросится бежать!

Свой картонный домик он в секунду разметал и, весь коробками обклеенный, по шпалам бежать бросился. С рогом на голове (это кисть была для клея).

Сначала он спросонок вокруг домика обежал. Потом назад повернул, к почтальону Печкину направился.

Теперь уже Печкин перепугался:

— Инопланетяне! Роботы! До нас добрались!

И побежал. А у Шарика рефлекс: раз кто-то бежит, догнать надо. И вот они, как в мультипликации, по деревне несутся.

Впереди Печкин, за ним почтовая сумка развевается, сзади Шарик, весь разными ящиками обклеенный. Шарик Печкина сразу бы догнал, только ему ящики мешали.

Печкин кричит:

— Отвяжитесь! Живым не сдамся!

Шарик в ответ думает: «Ну и не сдавайся! Зачем ты мне нужен!»

Но остановиться не может. Его рефлекс подгоняет. Наконец они до речки добежали. Печкин, как Чапаев, с сумкой в руке через речку поплыл, а Шарик остыл. Он кричит:

— Печкин, Печкин, это я — Шарик!

Печкин тоже остывать начал. Оглянулся назад и всё понял.

— Нет, — говорит, — ваша команда меня скоро в гроб загонит. Ведите меня к себе домой и переодевайте в сухое.

Он, конечно, был прав: он им телеграмму принёс, а его в речку загнали.

Они с Шариком быстро домой вернулись сушиться. Хорошо, что утреннее солнышко над зелёной травой уже греть начало, а то бы Печкин совсем простудился.

Пока Печкин в одних трусах на печке сох, дядя Фёдор мокрую телеграмму читал:

ВСТРЕЧАЙТЕ НАС, МЫ УЖЕ ВЫЕХАЛИ. ВАШИ РОДИТЕЛИ: ПАПА И МАМА, ВАША ВЕРНАЯ ТЁТЯ ТАМАРА И ВЕРНЫЙ ДЕНЩИК-ОРДИНАРЕЦ ИВАНОВ-ОГЛЫ-ПИСЕМСКИЙ. ГОТОВЬТЕ МЕСТО ДЛЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА.

— Как-то не по-военному написано, — сказал дядя Фёдор. — «Встречайте нас, мы уже выехали». А на чём выехали, где встречать, откуда выехали — непонятно.

Матроскин в это время от Шарика приклеенные ящики ножницами отрезал. Он всё объяснил:

— Выехали из Москвы от твоей мамы. Выехали на поезде. Встречать надо на станции.

— Всё правильно, — говорит Печкин. — У нас на станции московский поезд один раз в день останавливается. Ночью.

Но Шарик спорит:

— А может, они на автобусе выехали или на вертолёте.

— На вертолёте вылетают, а не выезжают, — отвечает Матроскин. — А на автобусе с пианино не ездят. Его в грузовом вагоне везут.

— А что такое денщик-ординарец? — спрашивает Шарик.

Печкин с печки кричит:

— Это что-то вроде шофёра. Есть ещё такие стихи замечательные: «Стой, денщик, жара несносная. Дальше ехать не могу». Мы в школе учили.

— А почему он ординарец?

— Наверное, весь в орденах. Боевой денщик.

Тем временем Матроскин от Шарика последний ящик отрезал и говорит:

— Мне кажется, тебя подстричь надо наголо, а то и вовсе побрить. Потому что ты получился весь дырками выстриженный, как в лишаях.

— Вот это дудки! — говорит Шарик. — Зима на дворе, а ты меня подстричь хочешь. Лучше я в дырках буду ходить, чем, как крыса, стриженный.

Вдруг во дворе сторожевой Гаврюша замычал, а потом машина забибикала. Это наши со станции приехали. Наши московские. А наши простоквашинские все на крыльцо высыпали на московских смотреть.

Смотрят они: около ворот стоит грузовик, полный народа. В кузове папа с мамой, пианино и дядя незнакомый, военизированный. В кабине тётя больших размеров с подносом, полным пирожных, на голове (это такая шляпа) и шофёр.

Тётя из кабины вышла, всех осмотрела и говорит:

— Здравствуйте. Вот вы какие. А кто из вас будет почтальон Свечкин?

Печкин вышел вперёд.

— Это я. Только не Свечкин, а Печкин.

— Очень хорошо, очень хорошо! — говорит тётя. — Не обижайтесь. Свечкин, Печкин, Огуречкин, лишь бы вышел человечкин — вот что главное. А домик у вас захудаленький. Будем расширять.

Кот Матроскин упёрся и говорит, глядя в землю:

— Не будем.

— Будем, — говорит тётя.

— Не будем, — говорит Матроскин.

Видно, что коса на камень наехала. Или бензиновая пила «Дружба» на гвоздь.

— Это почему же не будем? — спрашивает тётя.

— А нам и так хорошо живётся! — кричит нервный Шарик.

— Вам плохо живётся, — объясняет тётя. — Только вы этого не понимаете. Вы по ошибке счастливы. Но я вам глаза раскрою. Я вас нацелю куда надо, на соответствующие показатели.

Матроскин про себя ворчит: «Мы не пушки какие-нибудь, чтобы нас нацеливать. Вы своего Иванова-оглы нацеливайте».

Иванов-оглы вылез из кабины, и стало видно, что он хороший дядя. Очень мирный, трудно его куда-нибудь нацеливать. Он первым делом пошёл с Печкиным за руку здороваться.

Папа с мамой из грузовика выпрыгнули и побежали с дядей Фёдором обниматься. Мама говорит дяде Фёдору:

— Вы тётю Тамару слушайте. Она вам добра желает.

Шофёр из кабины кричит:

— Вы лучше меня слушайте! Вы свой ящик полированный забирайте скорей. У меня ещё пять вызовов.

И все пианино занялись. А как его заберёшь, когда его с места не сдвинешь. Его на станции четыре здоровых грузчика с трудом в грузовик подняли.

Кот Матроскин свою хозяйственную смекалку на всю мощность включил. Принёс цепь огромную, на которой корова Мурка паслась, и говорит:

— Давайте мы это пианино цепью за ножку зацепим, а второй конец к воротам привяжем.

Грузовик отъехал чуть-чуть, и ворота как грохнулись! Даже гриб из пыли над домом поднялся.

Дядя Фёдор говорит:

— Спасибо, Матроскин, что ты нам дом не развалил!

Матроскин не согласен:

— Всё равно моя идея правильная. Давайте мы цепь к яблоне привяжем.

— А что, — соглашается Шарик. — Шофёр как даст газу, как рванёт. Больше мы ни пианино, ни яблони не увидим.

Но в этот раз всё хорошо получилось.

Только все яблоки разом с яблони слетели и вниз рухнули. Внизу корова Мурка лежала и с любопытством на всех поглядывала. Как по ней яблоки застучат, как она вскочит, как бросится бежать! Ещё ползабора снесла. Горячая корова, молодая.

Пианино поймали, и все сразу делом занялись. Папа и мама пошли себе сеновал обустроить.

Тётя Тамара, как военная гражданка, пошла с местностью знакомиться, чтобы знать, куда отступать в случае чего.

А Иванов-оглы и Печкин под руководством Матроскина ремонтом занялись. За этот день столько всего разрушено было, что на две хорошие ремонтные бригады хватило бы.

Глава третья

Ночь

К вечеру всё устроилось. Папа и мама себе на сеновале отличное место оборудовали. Тётю

Тамару на двухспальной кровати положили. А Иванов-оглы к Печкину ушёл ночевать. Он всю ночь почтальону интересные истории рассказывал из военной жизни:

— Помню, как-то раз нам с товарищем полковником на склад два грузовика сапогов привезли. А склад у нас битком забит, некуда сапоги складывать. Дело было ночью. Другой бы товарищ полковник от сапогов бы отказался, но наш товарищ полковник не такой, то есть он не такая.

— А ваш товарищ полковник какая? — спрашивал Печкин.

— А наш товарищ полковник такая. Она быстро выход нашла. Перед складом во дворе танки стояли. Так мы эти сапоги в эти танки и сложили. Правда, здорово?!

— Здорово! — соглашался Печкин.

— Здорово, да не совсем. Потом из этого небольшая неприятность вышла. Почти скандал.

— Какая такая неприятность?

— А такая. Утром учебная тревога была. Танкисты стали в танки запрыгивать, а там сапоги всё место заняли. Пока они сапоги вытаскивали, учебный противник всю нашу часть захватил. А вообще, человека лучше товарища полковника, более экономного я в жизни не встречал. У нас в части пять пожаров было, а мы ни одного огнетушителя не истратили.

Дядя Фёдор в это время на сеновале лежал между папой и мамой. Ему так хорошо было, уютно. Он то к маме, то к папе прижимался. Мама говорила:

— Ты, дядя Фёдор, не переживай. Вы с тётёй Тамарой поладите. Она очень самоотверженная.

— Это верно, — соглашался папа. — Только мне кажется, что она чересчур уж энергичная. При её размахе ей здесь тесновато будет. При ней можно целых пять детских интернатов содержать.

Тётя Тамара Семёновна лежала на своей двухспальной кровати и думала: «Как хорошо, что я сюда приехала. Через эту деревню я начну всё сельское хозяйство страны поднимать. Скоро миллионы тракторов забороздят пространство полей. Важно только людей хорошо зажечь».

Кот Матроскин в это время на печи лежал и думал: «Жаль, что котов в армию не берут. Ничем я не хуже этой тётё. Я бы запросто до генерала дослужился по хозяйственной части. А Шарик был бы у меня Иванов-оглы-Шариковский».

Иванов-оглы-Шариковский в это время голову ломал, как бы ему устроиться. От его вчерашней будки одни картоночки остались, клеём намазанные. Взял Шарик ноги в руки и бегом в тот самый мебельный магазин отправился, где они кровать покупали. Выбрал себе самый большой ящик и говорит:

— Чего там долго думать — это готовая будка.

Взвалил он ящик на плечи и домой побежал. Бежал, бежал, бежал, бежал, устал. «Нет, — думает, — если я ещё полкилометра пробегу, меня удар хватит. Надо передохнуть».

Влез он в этот самый ящик, свернулся квадратиком и заснул. Благо на дворе давно уже ночь была.

Глава четвёртая

Нацеливание

Утром раньше всех Иванов-оглы и Печкин проснулись. Они наскоро выпили по стакану чая и в дом к дяде Фёдору собрались. Идут они, на жёлто-красные осенние перспективы посматривают.

Иванов-оглы-Писемский удивляется:

— Странные у вас пейзажи здесь какие-то: берёзки, солнцем подсвеченные, пеньки чёрные, речка вон, вся перекрученная, блестит, и ни одного танка, никакой колючей проволоки. Непривычно как-то для военного глаза.

— Это вам, военным, непривычно без колючей проволоки, а нам, гражданским, это очень нравится, — отвечал мудрый Печкин. — Ну её, эту проволоку.

— А грибы-то у вас есть? — спрашивает Иванов-оглы.

— А как же, — отвечает Печкин. — Мы можем по дороге в берёзовую рощу забежать, там всегда подосиновики растут.

— Это неправильно, — говорит Иванов-оглы, — непорядок. В берёзовой роще должны подберёзовики расти.

— Очень может быть, — согласился Печкин. — Только в нашем Простоквашине отродясь порядка не было.

Подходят они к роще, видят — ящик с гуманитарной помощью стоит.

— Выронили, — говорит Печкин. — Вчера целый день гуманитарную помощь возили. Один ящик и потеряли. Интересно, что в нём? Надо открыть.

Шарик проснулся и всё слышит. Его ящик с запахом закрывался, он конец запаха зубами прихватил, не даёт ящик открывать. Почтальон Печкин руку с трудом в трещину просунул и говорит:

— Что-то меховое там, наверное, шапки гуманитарные.

Иванов-оглы тоже руку просунул и как раз по зубам Шарикуну прошёлся.

— Нет, — говорит, — там гуманитарные гвозди. Или гуманитарные вилки.

Решили они ящик до дома донести.

«А что, пускай несут», — согласился про себя Шарик.

Они пошли вдоль речки. Печкин с ящиком, а Иванов-оглы просто так. Печкин никак не хотел с ящиком расставаться. Надо, чтобы все понимали, что это его ящик. Он прошёл немного, устал и говорит:

— Надо мне сесть на ящик, посидеть.

Шарик из ящика как закричит:

— Да ты что, совсем?! С приветом?!

Печкин испугался даже.

— Ой, — кричит, — радио заговорило!.. Гуманитарное.

Шарик спохватился и начал сообщать новости дикторским голосом:

— Вчера вечером ровно в шесть часов с приветом к избирателям обратился депутат Селёдкин.

Печкин удивился страшно и спорит:

— Нет у нас такого депутата!

Шарик в ответ:

— А я и не про вас говорю! — И дальше шпарит: — Продолжаем последние известия. Новости с полей. На полях ничего нового. Всё уже убрали: и картошку, и кукурузу, и свёклу, и помидоры, и арбузы, и... бананы, и... студентов.

Больше он ничего придумать не мог, никаких последних известий. А Печкин и Иванов ждут. Делать нечего, Шарик как забормочет:

— За последнее время участились случаи... Участились случаи... Участились случаи...

А какие участились, он придумать не успел. Иванов-оглы говорит:

— Заело! Надо стукнуть как следует!

«Тебя самого надо стукнуть как следует!» — думает радио-Шарик.

— Участились случаи... нападения почтальонов на собак.

Печкин даже вздрогнул:

— Чего-чего? А ну-ка, повторите. Какие случаи участились?

Шарик так неуверенно повторяет:

— Случаи нападения почтальонов на собак.

— Да нет! — кричит Печкин. — Вы всё путаете! Это собаки на почтальонов нападают! У меня вон все штаны грызанные. Это какое-то противное радио. Его надо в речку выбросить.

— Да вы не нервничайте, — замечает Иванов-оглы. — Придём домой и разберёмся, какое это радио. И почему оно так странно агитирует. Идти два шага осталось.

Они дальше Шарика понесли. А Шарик им стал погоду на завтра говорить:

— Ожидаются заморозки, переходящие в наводнение. Ожидается землетрясение, переходящее в солнечное затмение. Местами снег, местами град, местами кислый виноград.

У них так глаза и вылупились.

Шарику уже трудно было остановиться:

— Передаём программу на завтра. Завтра будет такая программа — закачаетесь.

— Почему? — удивился Печкин.

Шарик и сам не знал почему. Он и ляпнул:

— Музыку будем для хромых передавать!

В это время кот Матроскин уже проснулся и завтрак готовил. Он варил кашу на молоке, целое ведро, а сам думает: «День-два я ещё выдержу. Ну три. А на неделю меня уже не хватит. При таком количестве народа целую столовую надо содержать».

Он наскоро накрыл на стол, поставил творог, простоквашу, хлеб из магазина и с трудом горячее ведро на стол принёс.

На вкусный запах стал народ подтягиваться. Скоро папа с мамой пришли, дядя Фёдор и тётя Тамара Семёновна. Только Шарика не было и Печкина с Ивановым-оглы.

Тётя Тамара говорит:

— Нельзя без них завтрак начинать.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Почему?

— У нас в армии так принято было. Мы всем полком за еду садились.

Матроскин говорит:

— А если они с Шариком на охоту пошли, на утреннюю зорьку? И вернутся только к вечеру?

— Такие события заранее планировать надо, — говорит тётя Тамара. — Я думаю, что с этого дня мы все будем жить по плану.

Тут как раз Печкин и Иванов пришли с «гуманитарным радио». Они это радио ещё по дороге из ящика вытряхнули — такого он им наговорил. Они тоже за стол сели, стали кашу есть и тётю Тамару слушать.

— Подъём у нас будет в семь, — говорила тётя Тамара. — Это поздновато, но для зимнего времени хорошо. После этого бег босиком по снегу полкилометра. От этого полезность идёт невероятная. Потом завтрак. Потом общественная работа. Потом...

Тут из Шарика выскочило:

— Суп с котом.

— Это что, шутка? — спрашивает тётя.

— Юмор, — отвечает Шарик.

— Для юмора у нас будет определённое время, — говорит тётя Тамара. — Приблизительно с пяти до шести по субботам.

— А как мы сегодня день проведём? — спрашивает мама.

— На сегодня у нас такая программа намечена, — отвечает тётя, — Матроскина с Шариком мы бросаем в речку рыбу ловить. У нас по понедельникам будут рыбные дни. Пусть берут удочки и уходят удить.

Она посмотрела на Шарика и Матроскина и сказала:

— Возражений, конечно, нет?

Возражения, конечно, были. Особенно у Шарика: он не любил рыбные дни. Да и Матроскин не особенно их любил. Он любил молочные дни и сосисочные. Но возражать они не стали. Лучше уж на берегу с удочкой сидеть, чем устав строевой и караульной службы изучать.

— Папа с мамой займутся научным трудом. Я им шесть томов «Введения в педагогику» привезла. Перевод с немецкого. Занимательная книга для тех, кто понимает. Не оторвёшься. Возражений, конечно, нет?

Возражения были у мамы. Зачем ей педагогику изучать, когда у неё кот Матроскин такой педагог. Но она решила заняться педагогикой, чтобы папу в педагогику заманить.

Папа попробовал схитрить:

— Тамара Семёновна, зачем нам силы распылять? Давайте мы и меня на речку бросим с удочкой. На рыбном фронте я больше пользы принесу. Мама Римма одна с педагогикой справится.

— Нет-нет, — возразила тётя Тамара. — На рыбный фронт мы тебя с мамой в следующий понедельник бросим. Когда вы все тома освоите. Сейчас у вас будет усиленный курс.

Она посмотрела на дядю Фёдора:

— Ты, дядя Фёдор, будешь в сарае на пианино играть по самоучителю. Пора, брат, пора!

— Но там же Мурка! — кричит Матроскин. — У неё молоко скиснет!

— Для Мурки Печкин и Иванов-оглы в огороде палатку разобьют, — возражает тётя Тамара.

— Вы не переживайте, всё уже давно учтено. Я над этим планом целую ночь думала.

«Лучше бы она целую ночь дрыхла! — подумал про себя Матроскин. — Есть же вот люди такие наоборотные. Чем меньше они думают, тем больше пользы».

И все приступили к выполнению задания. Шарик с Матроскиным с удочками на реку поплелись. Какая там рыбалка, если осень на дворе. Того гляди, дождик начнётся. И тут полустриженный Шарик придумал. Он вернулся и попросил Иванова-оглы ему в будке дырку сделать для головы. Потом он этот ящик на себя надел, голову в дырку просунул и пошёл на речку, как черепаха в своём собственном домике.

Матроскин увидел и сказал:

— А ты, Шарик, молодец, не пустая голова два уха! Здорово придумал. Я себе такую же будку сделаю. Будем мы с тобой по деревне как два пьяных робота ходить, боками толкаться.

Он быстро такой же картонный домик смастерил из ящика.

Они, пошатываясь, как два качающихся робота, на речку отправились. А удочки у них как антенны были.

Хорошо, что на берегу только осенний ветер гулял, рыбаков не было. А то бы рыбаки с испугу в речку попрыгали, на тот берег переплыли бы и в партизаны ушли.

Папа с мамой на сеновале устроились, тепло одеялами накрылись, взяли в руки «Педагогику» и заснули. За неделю на работе они так умаялись, сил нет. А тут свежий воздух, молоко, сено. Дядя Фёдор внизу по клавишам барабанит, они даже не слышат.

Дядя Фёдор сначала честно пытался всё сделать, как в самоучителе указано. «Поставьте пальцы на ширину плеч...» А потом он стал барабанить что ни попадя. У него отличный «Первый концерт для фортепьяно и сарая» получился. Свою партию сарай очень хорошо исполнял — скрипел как ненормальный.

Печкин и Иванов-оглы в огороде брезентовую палатку ставили. И Иванов-оглы Печкину случаи из военной жизни рассказывал:

— Вот, помню, такой случай был. Пришёл приказ к нам в часть: «Всем военнослужащим на зимнюю форму одежды перейти». Мы с товарищем полковником всем военным и выдали зимнюю форму: валенки, ушанки, шинели тёплые, всякие там бушлаты-ватники.

— И всё это бесплатно? — спросил Печкин.

— Конечно, это же ведь армия.

— А нам, почтальонам, бесплатно только фуражки почтальонские выдают, — посетовал Печкин.

Иванов дальше военный случай рассказывает:

— Кажется, всё тебе хорошо. А тут оттепель, да такая, что просто жара — пять градусов тепла. По такой жаре только в валенках и шлёпать. И что делать?

— Валенки отобрать, — сказал решительный Печкин. — Шлёпанцы выдать. Пусть шлёпают.

— Тебя за такое по головке не погладят. Приказ-то был из Москвы. Другая бы товарищ полковник растерялась. А наша товарищ полковник выход нашла. Она попросила перебросить нашу часть в Мурманскую область стропила для нового склада заготовливать. А там такой мороз! Без валенок шагу шагнуть нельзя! Вот как мудро вышло. И приказ выполнили, и брусья заготовили.

— Ты ж говорил — стропила! — удивился Печкин.

— И стропила тоже, — сказал Иванов.

Печкин просто потрясён был такой мудростью. А тут Тамара Семёновна подошла:

— Почтальон Печкин, оставьте вверенный вам участок работы и проведите беглый осмотр того, что сделано другими участниками трудового процесса.

Печкин оставил участок и первым делом на речку пошёл к двум рыбным роботам. Подошёл он к ним и спрашивает:

— Граждане сотрудники, прошу вас дать показания... то есть сведения. Сколько рыбы выловлено за истёкшее время?

— Одна, — коротко, по-военному ответил Шарик.

— Прошу уточнить, — говорит Печкин. — В каких единицах ведёте измерения? Что у вас одна? Одна тонна? Одна тысяча? Одно ведро?

— Одна верхоплавка, — объясняет кот. — Весом в одну тонну, размером в тысячу метров.

— Еле запихнули в ведро, — добавил Шарик.

Печкин записал это в своей книжечке и к папе с мамой пошёл.

— Уважаемые, сообщите, какие у вас успехи за текущий период?

— За текущий период у нас очень большие успехи, — говорит папа.

— Телёнок Гаврюша один том «Педагогике» съел. Мы уронили нечаянно. Теперь умнее в десять раз будет.

Печкин и это записал в книжечку и к дяде Фёдору обратился. Дядя Фёдор в том же сарае на фортепьяно барабанил.

— Как у вас дела, молодой человек? Что доложить руководству?

— Доложите, что соседские куры за ночь гнездо в пианино устроили. Цыплят высиживать начали. Пора музыку прекратить. Скоро цыплята будут песню крокодила Гены кукарекать.

Дальше Печкин к Иванову-оглы подошёл:

— Ну, как дела, боевой товарищ?

— Дела хорошие. Погода — благодать! Строительство хоромов для Мурки заканчиваю. Да вот беда, пока я строил хоромы, корова Мурка целый угол у палатки сжевала. Пришлось её метёлкой стукнуть.

Печкин всё, как всегда, записал. И к Тамаре Семёновне с докладом явился:

— Разрешите доложить, товарищ бывший полковник.

Она говорит:

— Докладывайте, товарищ служащий деревенской почты.

Печкин просто обалдел. Он даже и не знал, что такое почётное звание носит. Он начал докладывать, заглядывая в книжечку:

— Кот с собакой рыбу ловят в ящиках.

— Какую такую они рыбу ловят? В каких таких ящиках? Консервы, что ли?

— Нет, они рыбу в реке ловят. Только сами сидят в ящиках. От ветра.

— И какой у них улов? Много наловили?

— Одну верхоплавку поймали. Весом в одну тонну. Размером в тысячу метров. Еле запихнули в ведро.

Тамара Семёновна подивилась такой верхоплавке.

— А как у дяди Фёдора дела? У него всё в норме?

Почтальон Печкин в книжечку смотрит:

— У него всё в норме. Соседские куры за ночь гнездо в пианино устроили. Цыплят высиживать начали. Цыплята скоро будут песню крокодила Гены кукарекать.

Тамара Семёновна всё больше удивлялась:

— У моего любимого ординарца товарища Иванова всё, я надеюсь, хорошо?

— Погода у него хорошая, — объясняет Печкин. — Строительство для хромой Мурки заканчивает.

— Почему Мурка хромая?

— Она угол у палатки съела, пришлось её метёлкой стукнуть.

— Так, а что папа и мама? — кричит тётя Тамара. — У них-то, я думаю, всё в норме? Какие у них успехи за текущий период?

— За текущий период у них очень большие успехи, — отвечает Печкин. — Телёнок Гаврюша один том «Педагогики» съел. Его уронили нечаянно. Теперь умнее в десять раз будет.

— Караул! — сказала тётя Тамара и позвала к себе маму: — Я как старшая сестра тебе говорю: ты должна воспитывать не только сына, но и мужа.

— А может, не надо меня воспитывать? — говорит папа. — Мне уже скоро сорок.

— Мужчину надо воспитывать до пятидесяти, — ответила тётя Тамара, — а после уже перевоспитывать надо.

Потом она приказала:

— А сейчас перерыв на личное время. Всем отдыхать ровно шестьдесят минут.

Печкин быстренько всех обежал и в дом пригласил. Матроскин и Шарик в своих походных домиках с одной верхоплавкой на двоих явились. А что они — виноваты? Осень на дворе. Все просторы вокруг жёлтыми листьями усыпаны, даже речка. Какой уж тут клёв.

Дядя Фёдор не был особенно рад. Вместо того чтобы делом заниматься — дрова на тр-тр Мите из леса возить, зима же на носу, — он как-то кривобоко «чижика-пыжика» играл. Нужен ему этот «чижик».

— А что потом? — спросил папа.

— Потом обед, — говорит тётя Тамара.

Это означало, что все отдыхают просто так, а кот Матроскин на кухне отдыхает за

кастрюлями. И начало в нём закипать революционное возмущение. Он обед, конечно, приготовил, но мысли у него включились в неправильную сторону.

Вечером, когда все снова получили шестьдесят минут личного времени, чтобы выгладить и выстирать одежду, кот Матроскин решил создать подпольную организацию.

Он пригласил всех своих в подпол. Своими оказались: дядя Фёдор, Шарик, галчонок Хватайка и папа Дима.

— Вы как хотите, — говорит Матроскин, — а так жить нельзя.

— Правильно, — согласился папа. — Назревает революционная ситуация. — Низы не могут, а верхи (он постучал пальцем в потолок) не хотят жить по-старому.

Галчонок Хватайка сразу закричал:

— Кто там? Кто там?

— Там они, — ответил папа, — чёрные полковники.

— Надо искать выход, — продолжил кот.

— Есть, — сказал Шарик. — У меня уже есть. Я уже нашёл. Очень интересный выход.

— Какой? — спрашивает кот.

— Надо выдать тётю Тамару замуж.

Идея всем понравилась. Все стали в уме женихов перебирать.

— За кого? — спросил Матроскин. — Уж не за почтальона ли Печкина?

— Нет, — отвечает Шарик. — Почтальон Печкин её не потянет. Надо её за профессора Семина выдать. За того, который язык зверей изучает. Он недавно из Африки вернулся, я знаю. Он крокодильские диалекты изучал.

— Но как это сделать? — спрашивает дядя Фёдор. — Ведь они даже не знакомы.

— А так, — говорит Шарик. — Знакомство по переписке. Мы между ними переписку наладим. Или через объявления в газете.

— Хорошо, — согласился Матроскин. — Налаживай. Какие ещё будут предложения и варианты?

Папа сказал:

— Тесновато ей в Простоквашине. Ей бы на большой государственный простор выйти. Давайте её в Городскую думу выдвигать.

— А она справится? — сомневается Шарик. — Это ж какая работа. Это ж за всю страну думать надо!

— Она и на международном уровне справится, — говорит папа. — Она за всю планету думать может. Она там такое натворит!

— Вот пусть там и творит на международном уровне, — решил Матроскин. — А Простоквашино пусть в покое оставит.

Все за работу принялись. Шарик начал переписку между тётей Тамарой и профессором Семёным налаживать. Матроскин и дядя Фёдор стали листовки обдумывать для выборов в Городскую думу. А папу для воспитания на сеновал отозвали.

Тамара Семёновна тоже собрание устроила. Она собрала на сеновале всех взрослых и говорит:

— Можно, конечно, вести растительную жизнь. Жить как живётся: встал, поел, поспал. Снова встал, поел, поспал.

— На почту ходил, — добавил Печкин.

— На почту ходил, — подхватила тётя Тамара. — И всё! Через семьдесят лет жизнь прошла мимо. Люди должны быть куда-нибудь нацелены. На что-то очень важное.

— Мы не ракеты, — проворчал папа, — чтобы нас куда-то нацеливать. Надо просто жить.

— Ох, Дмитрий, — сказала тётя Тамара, — ты уже дожился. От тебя сын сбежал. А была бы у него цель, никуда бы он от тебя не ушёл. Ну вот скажи ты мне, на что ты его нацеливал?

— На «книжку прочитать», на «в магазин сходить», на «в шахматы поиграть»...

— И только-то?! А если бы ты его нацелил к двухтысячному году космос освоить, на Луне в футбол играть с китайцами, он бы никуда не ушёл, он был бы делом занят.

— Он бы китайский язык изучал, — сказал папа.

Письмо, которое Шарик накалякал профессору Семёну, было написано на синей бумаге с цветочками. Шарик торжественно его прочитал Матроскину и дяде Фёдору: Уважаемый профессор!

Какая хорошая погода стоит в Простоквашине!

Одна таинственная женщина любит гулять около речки с собачкой ближе к вечеру. Это одинокая незнакомка средних лет с хорошим знанием жизни. Закачаетесь.

Матроскин спрашивает:

— А собачка тут при чём?

— При том, что пожилые учёные-профессора очень любят дам с собачками. Я по телевизору видел.

— А что ты ей напишешь? Самой тёте Тамаре? — спросил дядя Фёдор.

— Я уже написал, — ответил Шарик. — Вот слушайте: Уважаемая сударыня!

Если Вы возьмёте с собой собачку и пойдёте гулять по берегу, Вас ожидает приятная встреча. Таинственный и одинокий вечерний незнакомец.

Дядя Фёдор такую переписку одобрил:

— У тебя просто таинственный остров получается. Таинственно и романтично. А где она возьмёт собачку?

— Она меня с собой позовёт, — отвечает Шарик. — Не Матроскина же ей с собой брать.

— От такой лишайной собаки любой нормальный профессор в пять минут сбежит куда-нибудь в поля. Ищи потом свищи этого профессора! — сказал Матроскин и решил Шарика в порядок привести.

Шарик тем временем письма в конверты положил, тоже с цветочками, и на почту побежал. Бросил их в почтовый ящик, и все стали ждать.

Глава пятая

Таинственное свидание

К полднику все за столом собрались. Матроскин вынес большой самовар, поставил сливки и хлеб душистый из магазина. Во главе стола села тётя Тамара, а все остальные по бокам. Ждали только почтальона Печкина. Он пошёл свою почту проведать.

Шарика было не узнать. Матроскин вымыл его с шампунем, завил и большой бант привязал к чёлке. Шарик стал похож на сильно увеличенную переспелую болонку.

Вот Печкин пришёл и радостно сообщил:

— Не зря я на почту ходил. Там письма были. Одно письмо для вас, товарищ Тамара Семёновна.

— С нашей товарищем полковником всегда так, — сказал Иванов-оглы-Писемский. — Куда мы ни поедем, ей сразу письма несут. То от начальников, то от товарищей по завхозности. И письма, и телеграммы.

— Телеграмм не было, — испуганно сказал Печкин.

Тётя Тамара вскрыла конверт с цветочками, и глаза у неё полезли на лоб. Сначала она стала зелёная, наверное от гнева. Потом синяя от удивления. Потом пунцовая от неизвестных чувств.

— Откуда это письмо? — спросил Иванов-оглы. — Из Генерального штаба?

— Не совсем, — ответила Тамара Семёновна. — От одного боевого товарища. Из разведки.

И сама на Шарика посмотрела. Шарик подумал, что это конец, что его разоблачили и насквозь видят.

Но Тамара Семёновна его насквозь не видела. Её очень заинтересовало письмо.

Она прикидывала: такой нарядный Шарик сойдёт ли за собачку? По её военным понятиям, собачка — это немецкая овчарка, чёрный терьер или, на крайний случай, ротвейлер.

Шарик был явно мелковат. Да ещё бант на нём был дурацкий. Но потом она решила, что на первый раз Шарик сойдёт.

На дворе тем временем осенний дождик накрапывать стал. И даже снега немного выпало. Тётя Тамара говорит:

— Ой, дорогие граждане, а есть ли у вас резиновые сапоги и плащ-палатка на третий рост?

Кот Матроскин так ехидно спрашивает:

— А вы что — в дозор собрались?

— Нет, — отвечает тётя Тамара, — но в своей военной части я любила перед сном с собачкой прогуляться у реки. Особенно по снегу босиком.

— Собака у нас есть, — говорит дядя Фёдор, — а со всем остальным плохо. Нет у нас сапог вашего размера. И снега нет.

— Жаль, — говорит тётя Тамара. — Придётся прогулку отменить.

— Ни в коем случае! — кричит Матроскин. — Вы тр-тр Митю возьмите. Он вам и сапоги, и плащ-палатку заменит.

— А кто это такой — тр-тр Митя?

Тут ей всё объяснили. Что тр-тр Митя — трактор продуктовый. Он везде ездить может.

Папа говорит тётке Тамаре:

— Я тебе проще объясню, по-военному.

Он запел:

Там, где пехота не пройдёт

И бронепоезд не промчится,

Угрюмый танк не проползёт,

Там пролетит наш тр-тр Митя.

Тётя Тамара очень обрадовалась такой возможности и по реке погулять с собачкой, и ноги не замочить.

Она стала к прогулке готовиться. Надела большую шляпу с цветочками, целый газон. Губы накрашила ярко-ярко. Надела пиджак огромный малиновый вечерний и резиновые сапожки.

Вдруг она говорит:

— Ой, а где моя медаль «За военные заслуги»? Ой, а где мой значок «30 лет в боевых войсках»? Ой, а где мои клипсы в виде позолоченных гранат-лимонок? Ой, а где моя большая брошь, на которой танк Т-34 изображён?

Стали искать её украшения и, конечно, на шкафу у Хватайки нашли. Только попробуй их забери. Хватайка шипит, кусается.

Кое-как у него тётя Тамара медаль «За военные заслуги» отняла. А про остальное сказала:

— Ладно. Раз это так тебе нравится, пусть у тебя на шкафу хранится. Со временем мы из тебя, Хватайка, отличного почтового голубя сделаем. Или галку служебно-разыскную. А на день рождения я тебе, Хватайка, все свои значки военные подарю. У меня их дома килограмма три лежит. Когда у тебя, Хватайка, день рождения?

— У него нет дня рождения, — говорит дядя Фёдор. — У него есть День птиц.

— Вот и отлично, — сказала тётя Тамара. — В День птиц я его значками завалю с головой.

Сумерки ещё и сгущаться не думали, а она уже свистнула Шарика, завела тр-тр Митю и выехала к речке.

Шарик носился по берегу как угорелый. Вокруг пустота — ни души, только красивые поля убегают в разные стороны в окружении лесов.

Тётя Тамара с удовольствием ехала вдоль речки, как пограничник на танке. И думала: «Как хорошо быть наедине с природой».

А у профессора Сёмина дома целый скандал разыгрался. Бабушка с веником его письмо прочитала и не хотела его никуда пускать.

— Это тебя какая-то аферистка заманивает. Вот женит она тебя на себе, будешь знать.

— Почему обязательно аферистка? — спрашивает профессор. — А может быть, это честная труженица колхозных полей. Или просветлённая природой дачница. Им хочется культурного общения.

— Ага, — говорит бабушка, — их уже двое. Значит, это целая шайка.

Бабушка с веником с горя целый дом подмела и ещё веранду.

— Ты уже не маленький, Эрик. Тебе скоро шестьдесят, ты к женитьбе должен серьёзно подходить.

— Если я буду к женитьбе очень серьёзно подходить, я навсегда холостяком останусь. Отвяжись, бабушка, очень меня эта таинственная незнакомка заинтересовала.

— Значит, я с тобой пойду, — говорит бабушка с веником. — Чтобы тебя не охмурили. Чтобы тебя не облапошили. На первое свидание надо с родителями ходить.

Профессор надел белую рубашку, галстук-бабочку, большие резиновые сапоги и тоже стал сумерки ждать.

Как только первые отдельные сумерки забежали в воздухе, профессор вышел из дома. За ним следом выскользнула бабушка с веником. Она, верно, с этим веником не расставалась даже в постели.

Шарик тем временем намотался, набегался под дождём. Как только тётя Тамара, прогуливаясь по речке, в очередной раз проехала мимо их огорода, Шарик в дом забежал, схватил свою походную будку, напялил её и побежал догонять тётю Тамару.

Идёт себе профессор Сёмин по берегу в одну сторону реки — никого нет. Потом обратно — снова никого нет. Только какая-то толстая тётка на тракторе катается. А рядом сумасшедшая собака в картонном ящике носится.

Он подошёл к тётке и спросил:

— Скажите, пожалуйста, вам не встречалась тут женщина с маленьким пуделем на руках?..

...Тамара Семёновна всё это время прогуливалась на тракторе вдоль речки в одну сторону, в другую. Нет никакого таинственного незнакомца из разведки. Только какой-то тощенький тип из прошлых времён гуляет под прикрытием старушки с веником. И вот этот тип подходит и спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, вам не встречалась тут женщина с маленьким пуделем на руках?

Тамара Семёновна строго, по-военному ответила:

— Никак нет!

И сама спросила:

— А вы, гражданин, не видели здесь такого товарища высокого в сапогах и в плащ-палатке?

— Нет, к сожалению, я не видел такого гражданина.

И они ещё долго гуляли по берегу речки. Пока совсем не стемнело.

Папа первым увидел, что операция «Знакомство» провалилась. А Шарик всё кипятился:

— Мы не все детали продумали. Надо им встречу в деревенском кафе устроить. Надо их в клуб «Кому за тридцать» пригласить. Надо для них блины «семейные» устроить.

— Ничего не выйдет, — объясняет папа. — Я по себе всё про любовь знаю. Когда я маму увидел, я сразу как раненый стал. У меня что-то внутри оторвалось. И я понял, что без мамы мне будет очень неуютно. Если у них так не произошло, вы их хоть клеём друг к другу приклейте, ничего не выйдет. Одни страдания.

А Матроскин подумал:

«Где ж нам столько клея взять?»

Глава шестая

Жизнь продолжается

Тётя Тамара даром времени не теряла. Каждое утро она железной рукой всех куда-нибудь нацеливала. Утром во время завтрака она сказала:

— Жизнь у нас должна идти по двум руслам: по хозяйственному и по духовному. С хозяйственностью мы кое-как справляемся. Дрова мы заготовили и грибы, корову сеном мы обеспечили.

«Ничего себе „мы“, ничего себе „обеспечили!“ — подумал Матроскин. — Когда это я один всё

лето спины не разгибал».

Тётя продолжала:

— А вот с духовным руслом у нас дела обстоят хуже. Скажи мне, Шарик, когда ты в последний раз читал труды академика Павлова?

Шарик стал вспоминать. Он много трудов вспомнил, но труды академика Павлова как-то не всплыли. Шарик даже покраснел от размышлений. Он стал красный, как морковка, ближе к свёкле. Только из-за его повышенной мохнатости никто не увидел, как ему стыдно.

— Или ты, Матроскин, — говорит тётя Тамара, — как часто ты заглядываешь в книги товарища Мичурина? Это был садовод такой прогрессивный. Мне в армии про него много рассказывали. Особенно про его трагическую гибель.

— А как трагически погиб товарищ Мичурин? — спросил бывший ординарец Иванов-оглы.

— Упал с выращенной им клубники... или с огурца. Представляете, какой это был огурец!

— Скользкий, — говорит Шарик.

— Не скользкий, а гигантский! — поправила его тётя Тамара. — Одним таким огурцом можно было всю деревню Простоквашино накормить. А ты, дядя Фёдор, становишься у нас Иваном, не помнящим родства, — продолжала она. — Как у тебя обстоят дела с русской историей? Когда ты в последний раз ходил в патриотический поход по родному краю?

— Я каждый день хожу в патриотический поход по родному краю, когда в соседнее село Троицкое за хлебом иду, — отвечает дядя Фёдор. — Особенно зимой, когда снегу по колено.

Кот Матроскин тихонько так говорит дяде Фёдору:

— Всё, я больше не могу. Я забираю Мурку с Гаврюшей и ухожу в патриотический поход. Я знаю один дом, где лесники живут.

— Нельзя, — говорит дядя Фёдор. — Папа и мама здесь одни пропадут.

— А мы их с собой возьмём.

— Нет, — говорит дядя Федор. — Мы не должны сдавать наше Простоквашино. Мы сейчас выборами займёмся.

— Слушайте, — вдруг вступил папа. — А наш Шарик совсем про своё фоторужьё забыл. Почему бы тебе, Шарик, не выпустить патриотическую стенгазету?

— Какую такую стенгазету? — не понимает Шарик.

— А такую, — объясняет папа. — «Военные уходят на пенсию, но не сдаются!» И десять фотографий тёти Тамары за работой по воспитанию молодого поколения.

— Это мысль! — поддержала мама. — Тётя Тамара сейчас так хорошо выглядит на свежем воздухе. Очень она фотогеничная стала.

Тётя Тамара застеснялась немного, но спорить не стала. Мысль о военных пенсионерах, которые не сдаются, показалась ей прогрессивной и воспитательной.

Ординарец Иванов-оглы сказал:

— Эх, жаль, что у меня во время службы фоторужья не было! Я бы столько военного патриотизма наснимал. Помню, случай у нас был с товарищем полковником, аккурат на Новый год. Пришёл приказ списать старые танки.

В это время почтальон Печкин подошёл. Он даже поразился:

— Неужели наша армия на старых танках воюет?

— Нет, — объяснил Иванов-оглы. — Это только так говорится «старые танки». А они совсем новые, в масле, даже не надёванные. Просто у них гарантийный срок кончился.

— Вот бы мне такой танк ненадёванный! — сказал Печкин.

— Зачем? — удивились все.

— Почту развозить. От собак отбиваться, от мафии. Да мало ли что, где дачники в машине застрянут, так я их танком вытащу. Я такой бизнес открою по вытаскиванию. У нас дороги, сами знаете, какие! А ещё охота... на кабана там, на утку!

— На утку с истребителем охотиться надо! — проворчал Матроскин.

А Иванов-оглы продолжал:

— Надо танки списать. Это ж море работы. Их надо отвезти на завод танкоразрезательный. Перевозка денег стоит. Там разрезать на части. Разрезка денег стоит. Части надо переплавить на слитки. Переплавка денег стоит. А слитки надо продать секретному танко-тракторному заводу для производства новых танков. А платят за эти слитки чепуху. Одни расходы получают. Другой бы товарищ полковник растерялся. А наша товарищ полковник выход нашла.

Тут тётя Тамара вмешалась:

— Знаешь что, Иванов, ты эту историю без меня расскажи. А то мне неловко, что при мне меня хвалят. Я пойду пока в огород, хозяйством займусь.

Она вышла из домика и стала яблоню раскачивать, на которой последнее яблоко висело. Иванов продолжал:

— Как вы думаете, что же она придумала?

Все спросили:

— Что?

— Она придумала эти танки врагам сдать.

— Каким врагам?

— «Синим».

— Что это за враги такие синие? — спросил Печкин. — Мороз, что ли, был?

— При чём тут мороз? — удивился Иванов-оглы. — Просто у нас были военные учения. Мы были «зелёные», а они «синие». Вот мы им танки и сдали. Они — военные десантники.

— Значит, вы проиграли учения? — спросил папа.

— Ну да.

— Военные учения надо выигрывать, — говорит Печкин. — Это же очень плохо, что вы их проиграли. Непатриотично.

— С тактической точки зрения это непатриотично: им дали почётные грамоты, а нам нет. Но со стратегической — это хорошо. Потому что они с этими танками полгода мучились, пока переплавили. А мы даже премию получили за экономию средств. И ещё товарищу полковнику значок вручили — «Спасибо» третьей степени.

Он так закончил:

— Нет, вы со мной не спорьте: ваша тётя Тамара — большого государственного ума человек.

С ним спорить никто и не собирался.

— Мы с ней одних валенок за прошлую зиму штук двести сэкономили. А уж про шапки с ушами я молчу. Мы с ней на одном сырье можем три года жить. И ещё сэкономить.

Шарик немедленно схватил фоторужьё и пошёл эту государственного ума женщину фотографировать.

Она шаг, и он шаг.

Она к яблоне подойдёт, и он к яблоне.

Она в коровник — Мурку погладить, и он в коровник.

Она идёт с лопатой в огород, он следом.

Шарик, конечно, набегался за день. Но больше никто его в речку на заготовку рыбы не бросал. А Матроскина бросили в лес на заготовку лесных грибов — опять.

Папу с мамой опять бросили на педагогику: последние четыре тома осваивать. А Печкин и Иванов-оглы получили указание перенести пианино из сарая в палатку, а оставшееся время использовать для общения с природой путем «побелки яблонь от кроликов и других насекомых».

— Я думаю, нам не удастся использовать время для побелки от кроликов, — сказал почтальон Печкин.

— Почему? — удивился ординарец Иванов.

— Я слышал, что пианино на станции четыре здоровых грузчика двигали. А нас только двое. Мы весь день его толкать будем, мы умрём, а пианино с места не стронем.

— Эх, Печкин, Печкин, — говорит ординарец Иванов. — Нет у вас гражданской широты мышления. Не видите вы ясных горизонтов.

— А вы видите ясные горизонты?

— Видим. Мы военную хитрость применим, — говорит Иванов-оглы. — Мы будем по очереди то один конец пианино поднимать, то другой. И будем так шагать, пока в палатку не

пришагаем.

А пока они так пианино двигали, Иванов-оглы всё Печкину случаи из военной жизни рассказывал:

— Вот, помню, наш полк отрабатывал приземление на парашютах в болотных условиях. Мы всем моторизованным полком должны были в одной лесотундре приземлиться. А где ж на тётю товарища полковника парашют взять? Она же у нас двухгабаритная. Её вертолёт и так еле-еле поднимает. Другой бы товарищ полковник растерялся. А наша товарищ полковник не такая. Она нашла выход.

Тут даже папа встрял. Он закричал из сарая:

— Что же она придумала? На верёвке спускаться?

— Какая там верёвка с двух тысяч метров!

— Так что же она — на фанере планировала? — кричал папа.

— Ничего подобного. Она в самоходку села и в ней летела до земли. Мы самоходки тоже на парашютах сбрасывали.

— Фантастическая женщина! — поразился папа.

К вечеру фотографии фантастической женщины были готовы.

Папа ходил на почту к почтальону Печкину и купил у него два старых плаката «Прячьте спички от детей». Он эти плакаты соединил и сверху большую надпись сделал:

ВОЕННЫЕ ПЕНСИОНЕРЫ В МИРНОМ БОЮ.

Потом он фотографии тёти Тамары приклеил. И написал:

«Тётя Тамара — военная патриотка — гладит своєю рукою корову».

«Тётя Тамара Семёновна Ломовая-Бамбино из патриотических побуждений прививает на яблоню лимон».

«Тамара Семёновна Бамбино объясняет почтальону Печкину основы почтового дела».

«Тамара Семёновна Бамбино даёт первые уроки музыки способному сельскому мальчику».

«Тамара Семёновна смотрит назад, но видит будущее».

А вокруг фотографий бушевало пламя с плакатов про спички, и всё получилось очень патриотично и зажигательно.

Такая вышла яркая и сочная стенная газета.

Тётя Тамара собрала всех простоквашинцев у этой газеты и говорит:

— Мне, конечно, неловко, что всё это про меня написано, что другие участники коллектива фотографиями не охвачены. Но для первого раза этот воспитательный эксперимент мы будем считать удачным. Следующий выпуск, я думаю, можно посвятить домашним животным.

«Это кому? — подумал кот Матроскин. — Корове Мурке, что ли?»

Глава седьмая

В Простоквашине зазвонил телефон

С тётей Тамарой никому скучно не было. Однажды она говорит:

— Нет, без постоянной связи с Генеральным штабом военных пенсионеров мне жить как-то неудобно. Поеду в районный центр телефон устанавливать.

«Мы сто раз пробовали, — подумал про себя Матроскин. — У нас ничего не получилось. Пусть теперь наша танковая тётя попробует».

Тамара Семёновна надела все свои награды, пошла на остановку автобуса и с утра пораньше уехала. С нею вместе, разумеется, уехал Иванов-оглы.

Как только они уехали, все жутко обрадовались.

Во-первых, все спали сколько хотели.

Во-вторых, завтракали целый час.

В-третьих, после завтрака в карты играли и в лес ходили гулять. И никого не бросали на дрова, на рыбу, на педагогику и на пианино.

Шарик решил образованием Хватайки заняться. Он стал его новым словам учить.

Сидит он рядом с Хватайкой и тарабанит:

— Сам ты! Сам ты! Сам ты! Сам ты!

Дядя Фёдор спрашивает:

— Это зачем?

— Как — зачем? — отвечает Шарик. — Я тут недавно пришёл из леса, вижу — у окошка мальчик городской стоит, племянник профессора Сёмина. Стоит и Хватайку дразнит: «Курица ты, курица». Хватайка в ответ только спрашивает: «Кто там?» да «Кто там?». А если бы он умел «Сам ты!» говорить, он бы ответил: «Сам ты — курица».

— Ладно, — говорит дядя Фёдор, — учи его этим словам. Любое учение в жизни пригодится.

Потом всей семьёй ходили гулять. А когда с прогулки пришли, папа взял самую лучшую фотографию тёти Тамары, наклеил её на лист бумаги и квадратными буквами написал: Кандидат в Городскую думу Т. С. Ломовая-Бамбино.

Мама была потрясена:

— Мою сестру Тamarочку выдвинули! Когда же это случилось? Было собрание избирателей? Где?

— Было, — ответил папа. — У нас в погребе. Собиралась инициативная группа.

Он стал дальше писать:

— «Она — военная пенсионерка. Закончила службу в армии в звании полковника. Строга и выдержанна». Правильно?

Все согласились, что это правильно. Папа продолжал:

— «Имеет колоссальный опыт хозяйственной работы. Уверена в себе».

— Как танк! — сказал дядя Фёдор.

Папа дописал:

— «Уверена в себе как танк. В Думе будет представлять интересы сельских жителей».

— И женщин, — добавила мама.

— «Сельских жителей и женщин», — добавил папа.

— Клянётся, что будет уважать собак! — вставил Шарик.

— И других домашних животных! — предложил Матроскин.

Папа подумал и дописал. Получилось так:

— «Уверена в себе как танк. В Думе будет представлять интересы сельских жителей и женщин. Клянётся, что будет уважать собак и других домашних животных». Что ещё?

— Надо добавить про личную жизнь, — сказала мама. — В детстве она много читала. На танцульки не ходила. Поэтому замуж и не вышла.

— «В детстве она много читала, — добавил папа. — Поэтому не вышла замуж». Что ещё напишем?

— О правительственных наградах надо, — подсказала мама.

— А какие у неё награды?

— У неё одних значков килограмма три, — говорит Шарик. — Она ими может Хватайку с головой завалить.

Папа так и написал. А потом добавил:

— «Все на выборы тёти Тамары!»

Кажется, получилось неплохо.

— Теперь я всё сначала прочту, — сказал папа.

Он прочитал: Кандидат в Городскую думу Т. С. Ломовая-Бамбино.

Она — военная пенсионерка. Закончила службу в армии в звании полковника. Строга и выдержанна. Имеет колоссальный опыт хозяйственной работы. Уверена в себе как танк.

В Думе будет представлять интересы сельских жителей и женщин. Клянётся, что будет уважать собак и других домашних животных.

В детстве она много читала. Поэтому не вышла замуж.

Имеет правительственные награды.

У неё одних значков военных килограмма три. Можно ими с ног до головы небольшую ворону завалить. ВСЕ НА ВЫБОРЫ ТЁТИ ТАМАРЫ!

— Теперь всё правильно? — спросил папа.

— Теперь всё правильно, — сказали все.

Папа взял ведро с клеем, которое от шариковской будки осталось, ушёл на почту и там на входную дверь эту листовку приклеил.

Через час почтальон Печкин прибежал.

— Знаете, какая новость! Нашу тётю Тамару в Городскую думу выдвинули.

— Кто выдвинул? — спрашивает папа.

— Не знаю, — отвечает Печкин. — Может, народ, а может, президент Ельцин. Только её фотография во всё лицо у нас на двери почты висит. Еле-еле двери хватило.

— И что там написано? — спрашивает папа.

— Написано, что она умная, как танк. И будет защищать домашних животных. И ещё, что много в детстве читала, поэтому её никто замуж не берёт.

Умная тётя Тамара в это время в районном центре на телефонном узле выбивала телефон.

Начальник телефонного узла говорил:

— А что мы можем поделаться? У нас точек не хватает.

— У вас, товарищ Фёдоров, не точек не хватает, — объясняла ему Тамара Семёновна, — у вас шариков не хватает. Вы первым делом должны пенсионеров обслуживать, а вы коммерческие ларьки обслуживаете.

«Какая противная тётка с медалями! — думал про себя товарищ Фёдоров. — Откуда она всё знает?»

А тётя Тамара оттуда всё знала, что она первым делом разведку среди старушек в очереди провела. Старушки ей всё и доложили.

Товарищ Фёдоров пробовал сопротивляться:

— А у меня главный телефонист Куценкович в отпуск ушёл. Работать некому.

Но тётя Тамара была не промах. Она всё знала:

— Это верно, главный телефонист Куценкович в отпуск ушёл. Зато запасной телефонист Косолапченко из запоя вышел. Есть кому работать. И ученик Савельев простую работу может выполнить.

На это товарищ Фёдоров просто глазами похлопал, но ничего сказать не мог.

— В общем, я военная пенсионерка, — объяснила ему тётя Тамара, — и с вами чикаться и чирикаться не собираюсь.

Товарищ Фёдоров не очень ясно представлял, что такое «чикаться и чирикаться», но понимал: если с ним не будут «чикаться и чирикаться», то ему будет плохо. Уж лучше бы с ним «чикались и чирикались».

— Итак, мы ждём! — сказала Тамара Семёновна.

— Сделаем всё, что в наших силах! — пообещал товарищ Фёдоров.

Тётя Тамара пожала руку товарищу Фёдорову. От её рукопожатия он присел и потом целых полчаса не мог свои пальцы расклеить.

Тихо и хорошо в Простоквашине. За окном первые снежинки пролетают. Поздний вечер то надвинется, то опять отойдёт, чуть-чуть за окном посветлеет.

Сидят за столом папа, мама, дядя Фёдор, Матроскин и почтальон Печкин — в лото играют.

Галчонок Хватайка им сильно мешает. То одну фишку схватит, то другую. И все за ним бегают, отнять хотят.

Вдруг раздался страшный шум — и входит в дом разгневанная тётя Тамара с дверью от почты в руках:

— Смотрите, что творится! Меня без моего ведома куда-то выдвинули! Это же катастрофа!

Она так дверью размахивала, что почтальона Печкина чуть-чуть с ног не сбила.

Тут Печкин возмутился:

— Что вас куда-то выдвинули без ведома — это пустяки. А то, что почта без двери осталась, — это по-настоящему ужасно! Там одних конвертов рубля на четыре лежит. А клей канцелярский! А скрепки!

Он дверь у тёти Тамары выхватил и упал с ней.

А когда он упал, все увидели, что с другой стороны двери другой кандидат наклеен:

Господин Толстов А. С. — президент объединения «МННГ» («Мыло — Нефть — Нафталин — Гуталин»). Образование высшее техническое, правительственных наград не имеет.

Все сначала прочитали про нефтегуталинного кандидата, потом подняли почтальона Печкина, и он с Ивановым-оглы пошёл дверь на место ставить.

Мама с папой стали тётю Тамару успокаивать.

— И чего ты переживаешь, — говорит мама. — Ну выдвинули тебя. Это же хорошо. Значит, люди в тебя верят.

— Да, — говорит тётя Тамара, — а почему они пишут, что я много читала, а потому не вышла замуж. Я не потому не вышла замуж, что много читала, а потому, что мужчины совсем

измельчали.

— Так чего же ты удивляешься, — объясняет папа, — что тебя в Думу выдвинули. Неужели этих мелких мужичков выдвигать? На тебя вся надежда.

После таких слов тётя Тамара успокоилась и даже развеселилась немного:

— А что? Я им всем в Думе покажу! Пожалуй, я в городе наведу порядок.

«Вот и хорошо, — подумал про себя Матроскин. — Пусть там всем показывает. А мы здесь немного отдохнём от её показательных выступлений».

Иванов-оглы и Печкин шли и дверь тяжёлую несли. На улице ещё немного стемнело. Совсем немного. Но от этого так темно стало, что, если дороги не знать, можно совсем в другую сторону уйти, например в лес.

Снежный дождик накрапывал. Капли дождя на тётю Тамару падали.

Тогда они дверь перевернули тётей Тамарой вниз. Пусть тётя Тамара сохнет. Пусть Толстов А. С. промокает.

Иванов-оглы-Писемский опять истории рассказывал про военную жизнь:

— Как сейчас помню: зима, метели, мороз. Местами на дорогах гололёд. И вдруг телеграмма приходит: «Смотр на плацу провести, новичков начальству показать. Как они маршировать научились». Интересно?

— Захватывающе, — отвечает Печкин.

— Только как их показать, когда гололёд в городе? А на плацу особенно. Шаг шагнёшь и катишься, — говорит Иванов.

— Надо плац песком посыпать, — предложил Печкин.

— Можно, — согласился оглы. — Только нельзя. Этот плац катком был одновременно. Офицерские дети там катались. И хоккей проводился.

— Как же быть? — спросил потрясённый Печкин.

— А так. Хоть плачь. Нельзя же учебный марш на коньках проводить. Или там босиком.

— Ну и что вы придумали?

— А то. Тамара Семёновна дала указание всем солдатам наждачную шкурку на сапоги приклеить наждаком вниз. Они и приклеили. Никакой лёд им стал не страшен. Прошли они перед строевой комиссией как по асфальту. Никто не скользнул даже. Ну как? Интересно? — спрашивает Иванов.

— Поучительно, — отвечает Печкин.

— А один член комиссии по маршированию был недоволен. Он на лёд выскочил и как закричит: «Как вы ходите? Кто ж так ходит? Эх вы, военные солдаты! Вот как ходить надобно!» Два шага шагнул и как шлёпнется!

Другие члены комиссии к нему побежали на выручку, и тоже все вмиг свалились. Пришлось их со льда крючками доставать и баграми учебными.

— И что комиссия: осталась довольна? — спросил Печкин.

— Да, она всё поняла, — ответил Иванов-оглы. — И вынесла товарищу полковнику благодарность в виде значка и Почётной грамоты.

Тут они на почту пришли и дверь на место поставили.

Глава восьмая

К нам намечаются охотники

На другой день снежный дождик усилился. Всё вокруг белым стало и мокрым. И поля, и деревья, и заборы.

Только одна речка чёрной оставалась. Поэтому никого никуда не бросали. Ни на рыбу, ни на грибы. Каждый своим делом занимался.

Дядя Фёдор решил галчонка Хватайку акварелью раскрасить. Чего это он у нас чёрный? Пусть хоть неделку побудет экзотической птицей. Пусть посверкает всеми цветами радуги.

Он краски принёс, достал кисточки и стал Хватайку малевать. Хватайка не спорил. Жалко, что ли? Он только всё время за кисточку кусался. А иногда краску из коробочки хватал и старался в суп запихнуть.

Дядя Фёдор сделал ему клюв золотым. Крылья — зелёными. Лапы серебристой краской покрасил. Хвост у Хватайки стал фиолетовым, как у павлина, грудь малиновой, а спина синей. Чёрной у галчонка только шапочка на голове осталась.

Получился галчонок диво как хорош. Ни в одном птичьём учебнике такой красивой птицы не встречалось. Дядя Фёдор был очень доволен.

Хватайка тоже был доволен. Он целых четыре квадратика краски по разным посудинам распахал.

Особенно суп хороший получился гороховый. Он туда синюю краску сунул.

Шарик говорит:

— Если, Матроскин, тебя так раскрасить да на Гаврюшу посадить, отличный клоунский кот получится.

— А если тебя так раскрасить, — говорит Матроскин, — отличная реклама выйдет: «Я у мамы дурочка».

— Почему дурочка? — спрашивает Шарик. — Может быть, «Я у мамы дурачок»?

— Дурачок ты у мамы и без раскрашивания, — объяснил ему Матроскин.

К этому времени из города приехал запасной телефонист Косолапченко телефон устанавливать, и с ним ученик Савельев.

Они с опаской смотрели на тётю Тамару и на бычка Гаврюшу. А ученик Савельев всё

посматривал ещё — что бы утащить. Он хоть был ученик, но лет ему уже было много. Возраст у него был ближе к пенсии, чем к стипендии. Глубоко за пятьдесят ему было.

Пока запойный Косолапченко провода от почты по деревьям тащил, ученик Савельев всё телефонный аппарат протирал. Хорошо протёр. И всё глазами зыркал.

Смотрит: сидит на подоконнике невиданной красоты иноземная птица. Клюв золотой, лапы серебряные, вся цветная.

И так красиво не по-нашему крикает: кар да кар!

«Вот это да! — подумал ученик Савельев. — Да за такую птицу на нашем колхозном рынке можно сразу тысячу рублей получить».

Он к Хватайке подошёл и спрашивает:

— Ты кто?

Хватайка молчит. Савельев опять спрашивает:

— Ты кто, удод или павлин?

Хватайка отвечает:

— Сам ты — удод!

— Чего? Чего? — обиделся Савельев. — Это я — удод?

— Ага, — говорит Хватайка. — И павлин!

— А ты говорилка глупая! — кричит Савельев.

— Сам ты гаврилка глупая! — кричит Хватайка.

Савельев обиделся. Когда все отвернулись, он Хватайку схватил и в сумку с инструментами запихнул.

Папе с мамой и тёте Тамаре было не до Хватайки. Они никак не могли понять, почему у них индийский чай стал фиолетовым. А суп гороховый — синим.

— Может быть, ты, Римма, много перца положила? — спрашивает тётя Тамара.

— Я перца вообще не клала, — отвечает мама.

— Может быть, это кастрюля такая синяя?

— Да нет, — возражает мама. — Кастрюля как кастрюля. Обыкновенная. Я в ней всегда варю.

— Значит, долго варили, — сказал папа.

— Почему это ты так решил? — спросили обе женщины.

— Не зря же в поваренной книге сказано: «Засыпать горох и варить до посинения».

Тут телефонный мастер Косолапченко телефон включил.

И он сразу звонить начал:

— Пригласите для разговора кандидата в Думу Ломовую-Бамбино Т. С.

— Товарищ Ломовая-Бамбино у аппарата.

— Товарищ Ломовая, в сельском клубе села Троицкое состоится регистрация кандидатов в Городскую думу. Вам необходимо срочно явиться.

— Очень хорошо. Когда состоится явление?

— Завтра в четырнадцать часов.

— Спасибо. Я обязательно явлюсь, — сказала тётя Тамара.

Но телефон не успокоился, снова зазвонил:

— Товарища полковника Ломовую пригласите для разговора.

— Товарищ полковник слушает.

— Товарищ полковник, к вам направляется делегация военных пенсионеров-охотников. У них есть лицензия на отстрел кабана и лося. Просим принять делегацию.

— Ваша телефонограмма понята. Делегация будет принята.

Матроскин за голову схватился. Он говорит Шарику:

— Нам только военных пенсионеров не хватало! И так никакого житья нет.

— А что? — отвечает Шарик. — Они этому кабану покажут как следует. Мимо оврага пройти невозможно. Как ни пойду я с фоторужьём в поля, так он за мной со своими клыками бежит. Два раза меня на телеграфный столб загонял.

— Конечно, они ему покажут, — говорит Матроскин. — Застрелят его к чёртовой матери.

— Как застрелят? Как так застрелят? — поразился Шарик. — Кто ж им позволит?

— А никто. Ты же слышал — у них лицензия есть.

— Они и в лося стрелять будут?

— И в лося. На то они и охотники.

Шарик сразу закручинился и решил придумать какие-нибудь специальные противоохотничьи меры.

Телефонисты попрощались и стали уходить.

— Вы ничего не забыли? — спрашивает тётя Тамара. — Инструменты какие-нибудь.

— Не беспокойтесь, мамашенька, — подхалимски отвечает ученик Савельев, — у нас всё здесь. — И по сумке с инструментами постучал.

Хватайка из сумки кричит:

— Кто там? Кто там? Кто там?

— Да, кто это у вас там? — спрашивает тётя Тамара.

Савельев так испуганно отвечает:

— Никого, мамашенька, у нас там нет. Кто же это может быть у нас там? Кто там?

А из сумки слышится:

— Это я — почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Ученик Савельев забормотал:

— Это радионаводки. Это обман зрения. Это обман слуха.

А галчонок из сумки вопит:

— Сам ты — обман зрения! Сам ты — обман слуха!

Тут Шарик как психически закричит:

— Ага, воришка! Хватайку хотел украсть! Застрелю! — И своё фоторужьё схватил. Как телефонисты испугаются, как побегут!

Тамара Семёновна как скажет:

— Стой! Фотографировать будем!

От этого окрика они ещё больше испугались и ещё шибче побежали. Они быстрее, чем телеграмма, в районный город сами себя доставили.

И ещё долго рассказывали там другим телефонистам, какую строгую женщину-генерала в Простоквашине видели. И другие телефонисты в ужас приходили.

А тётя Тамара в самом деле была очень добрая. Просто она жуликов не любила и проходимцев.

Глава девятая

Кандидаты в депутаты

В клубе села Троицкое было не продохнуть. Всё местное население собралось.

Так интересно с кандидатами раз в жизни встретиться и сразу обо всём поговорить.

И вокруг клуба было не продохнуть. Там мужики курили. И все были нарядные: в телогрейках, в шапках и побритые. Рубашки на них были белые.

Женщины платки яркие вокруг себя повязали, ходили и улыбались. Ведь не каждый день на селе такой хороший религиозный праздник — встреча с кандидатами.

На сцене стоял длинный стол, покрытый зелёной скатертью. За столом сидела тётя Тамара и кандидат Толстов А. С. Тот самый, который мылом и нефтью командует.

Тётя Тамара сегодня больше тётю напоминала, чем полковника. Она была красиво накрашена и была в вечернем шёлковом платье без погон. И глаза у неё под чёрными бровями сверкали, как антрацит.

Если бы профессор Сёмин сейчас её увидел, а не тогда, когда она на тракторе каталась, он бы в неё сразу влюбился. Хоть она и была без собачки.

А если бы избиратель, который сюда пришёл, не читал объявление про кандидатов у входа, он бы подумал, что это русская народная певица приехала к ним на село цыганские романсы петь.

Папа с мамой в зале разместились.

Там же были Печкин с Ивановым-оглы. Матроскин с Шариком сбоку за сценой пристроились. Шарик говорит:

— У тёти Тамары должно быть доверенное лицо. Так по выборам положено. Это лицо всюду с депутатом ездит и о депутате хорошие слова говорит. Я мог бы таким лицом стать.

— Понимаешь, Шарик, — говорит Матроскин, — если тебя побрить и завить как следует, всё равно не получится из тебя лицо. Из тебя собачья морда так и прёт.

— А из тебя, Матроскин, вредность прёт! — обиделся Шарик.

Кандидаты начали перед избирателями выступать. Первой была тётя Тамара. Она так заговорила:

— Дорогие односельчане, мы с вами ясно понимаем: чем богаче страна, тем богаче мы. Поэтому все лишние деньги надо отдавать государству. Чем больше налогов с нас берут, тем лучше. Каждый лишний рубль мы должны отдавать стране. Потом она вернёт нам эти деньги! Она даст нам бесплатные поликлиники, бесплатные школы, бесплатные пенсии, бассейны и прочее. Вы согласны? Голосуйте за меня!

Все подумали, стали согласны, и все решили голосовать за тётю Тамару Семёновну.

А второй кандидат, Толстов А. С., никак не был согласен:

— Дорогие односельчане! Ничего не надо отдавать государству. Всё надо оставлять себе. Не бывает лишних рублей! Чем богаче мы, тем богаче страна. А когда мы богаты, нам не нужны бесплатных поликлиник, мы в платные пойдём. Не нужны нам бесплатные школы, у нас будут богатые и хорошие. Голосуйте за меня!

Все подумали и решили голосовать за него.

Тётя Тамара снова говорит:

— А армия? Кто её будет содержать? Торпедные катера и аэродромы. Они же денег требуют. А самоходки, а противолодочные ракеты типа ПР-41-ба-бах? Их же содержит государство!

Все решили:

— Да, она права. Нам без торпедных катеров и аэродромов никак нельзя. Особенно без этих ба-бах-41 раз. Будем голосовать за неё.

Но вредный и противный Толстов говорит:

— Дорогие односельчане! Я вот тут походил несколько дней по нашим просторам и ни одного торпедного катера не увидел. И аэродромов я не встречал. И самоходок с противолодочными ракетами! Старики говорят, что и раньше их не было. Может быть, мы и без них проживём?

Все подумали и решили:

— А что? Он прав. Жили мы без этих аэродромов и катеров как люди. И дальше жить сможем.

Шарик не выдержал и говорит Матроскину:

— У меня голова пухнет. Того послушаешь — тот прав. Её послушаешь — она права. Пойду-ка я домой.

Матроскин отвечает:

— И я домой пойду. Только он больше прав. Он за тех заступается, кто много работает и много хочет иметь. Он за таких, как я.

— А она за таких, как я! — кричит Шарик. — Потому что ты корову имеешь и телёнка. А я ничего не имею. Мне только на государство надеяться надо.

— Знаешь, ты кто такой? — говорит Матроскин. — Ты — «пролетарий всех стран, соединяйтесь». Пролетал по жизни, как бабочка, и не заработал ничего.

— А ты куркуль, вот ты кто!

Матроскин не знал, кто такой куркуль. Он только сумел представить себе целый кулёк куриц, и больше ничего. Но он понял, что это что-то очень обидное.

Пришли они домой, друг с другом не разговаривают.

И всё больше друг на друга злятся.

— Глаза бы мои на тебя не глядели, — говорит Шарик. — Ты на мою половину избы лучше не заходи.

— А где твоя половина избы? — спрашивает Матроскин.

— Я сейчас её отделию, — отвечает Шарик.

Он взял кусок мела и провёл черту через всю избы.

— Всё, что с этой стороны, где кровать с колёсиками, это — моё. А что с другой стороны, где лавка с ведрами, — твоё.

Он подумал ещё и говорит:

— Мало того: мы с тобой и огород ещё поделим, и все поля вокруг.

Шарик взял лопату и стал ею приблизительно границу между владениями набрасывать. Ходят они с Матроскиным по этой пограничной полосе и друг на друга рычат. Тут как раз почтальон Печкин со встречи пришёл. У него тоже голова распухла от того, за кого голосовать.

— Чего это вы делаете? — спрашивает.

— Да вот этот Шарик земной шар пополам делит, — говорит Матроскин. — Ох и балбес же он, ох и балбес! Если бы я мог, я бы ему это прямо в лицо сказал.

— А вы скажите, кто вам мешает, — говорит Печкин.

— Не могу. Мы с ним уже целый час не разговариваем.

Печкин сразу нашёл выход:

— Вы ему письмо напишите. Я ему передам. Лучше открытку. У меня с собой есть. Вам простую или поздравительную дать?

— Конечно, простую, — отвечает Матроскин. — Буду я на него поздравительную тратить.

Печкин у себя в сумке посмотрел и говорит:

— Какая жалость. У меня только поздравительные открытки есть. Простые кончились. Придётся вам поздравительную брать.

Взял Матроскин поздравительную открытку с цветочками и котятами и написал:

«Шарик, ты — балбес!»

Печкин возражает:

— Неправильно это. Если открытка поздравительная, сначала адресата поздравить полагается.

Матроскин дописал:

«Поздравляю тебя, Шарик, ты — балбес! Перестань валять дурака, давай мириться».

Печкин эту открытку Шарику принёс. Шарик прочитал и сильнее на Матроскина обиделся:

— Я сейчас в этого поздравителя кочергой брошу.

Печкин говорит:

— Зачем бросать, если почта есть. Это уже бандероль получается. Сейчас мы её упакуем и коту передадим. Платите десять рублей за упаковку.

Он кочергу в бумагу завернул, верёвочкой перевязал и к Матроскину пришёл на его половину:

— Вам кочергу прислали бандеролью. Хотели в вас запустить.

— Что? — кричит Матроскин. — Да я в него за это утюгом! Где мой утюг деревенский с углями?

Он притащил огромный чугунный утюг, прямо как из музея.

— Стоп-стоп! — говорит Печкин. — Это уже посылка получается. Платите двадцать рублей за доставку. Я уж ваш утюг передам.

— Только по башке передайте, — просит Матроскин. — Чтобы этот бандерольщик поумнел. И передайте, чтобы обед готовил. Его очередь. А то всё я да я.

Печкин к Шарику утюг притащил и говорит:

— Вот велели вам по башке передать. И просили обед приготовить. Будет ответ? Можно телеграмму послать.

— Будет, — отвечает Шарик, — изобразительный. Мы без телеграмм обойдёмся. У меня на телеграмму денег нет.

— А вы в карманах поищите, — предлагает Печкин.

— А у меня и карманов нет, — говорит Шарик.

Он достал уголёк и на боку печки стал рисовать домик.

— Эй, — спрашивает кот, — что это? Что это за народное творчество на моей печке?

— Это индейская национальная изба, — ехидно отвечает Шарик, — «фигвам» называется.

К этому времени дядя Фёдор вернулся. Он потому в Троицком задержался, что пустые дома на всякий случай осматривал. Мало ли что, вдруг придётся отступить.

В Троицком хорошо можно было жить. Там школа была, и клуб, и магазин. И все их давно уже знали. Особенно старики.

Он послушал, что происходит, и говорит:

— Вот что. Чтобы я больше ничего политического в доме не слышал. Мы жители сельские, нам не до политики. Мы должны картошку выращивать и свежим воздухом дышать.

— Ещё мы должны общественной работой заниматься и пианино осваивать, — раздался другой голос. — Мы про него совсем забыли! Ах, как нехорошо!

Это тётя Тамара со встречи с избирателями вернулась. И все замолкли и загрустили.

Глава десятая

К нам едут охотники

Два или три дня проехали мирно. Всех дождь спасал. Такой он был густой, как марлевый занавес в сельском клубе. Поэтому все простоквашинцы — и новые и старые — много спали и много читали. Никаких вылазок на природу и десантов в огород не было. Даже тётя Тамара в руки книгу взяла. Это была военная книга «Жизнь полководца товарища Суворова в армии и в гражданском быту».

Но вот выпал первый снег. Он липкий был, на всех проводах и деревьях повис. Последние листья с деревьев упали, потому что к ним снег прилепился. Всё было белое и чистое. По первому снегу почтальон Печкин пришёл, вернее прискользил, телеграмму принёс: **ВСТРЕЧАЙТЕ, ЕДЕМ. ОХОТНИКИ-ПЕНСИОНЕРЫ.**

— Наконец-то, — сказала тётя Тамара Семёновна. — Наконец-то я их увижу, моих военных товарищей. Видно было, что настроение у неё улучшилось, несмотря на погоду. Она даже запела про себя что-то очень лирическое:

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны...
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой родины сыны...

А у Матроскина, наоборот, настроение резко испортилось.

— Чёрт их принёс, этих военных товарищей! — бурчал он.

Шарик держал нейтралитет.

— Посмотрим на этих охотников, — решил он. — В конце концов, я ведь тоже охотник, хотя и не пенсионер.

Мама подумала: «Пенсионеры-охотники — это так романтично».

«Наверное, они старые! — подумал Печкин. — Еле ходят».

— Наверное, на них можно воду возить! — решил папа.

А Иванов-оглы сказал:

— Вот у нас один случай был военный, связанный с охотой. Завезли к нам собак сторожевых восемь штук. Склад хозяйственный охранять. В нём парашюты хранились, краски всякие, посуда, валенки. И знаете, что было?

— Что? — спросил Печкин.

— Вот что. Расставили мы их по углам объект сторожить.

— Как по углам? — удивился Матроскин. — У вас там что: восемь углов было?

Иванов-оглы оторопел:

— Тамара Семёновна, у нас там что — восемь углов было?

— Они в две смены работали, — объяснила Тамара Семёновна.

— Точно, в две смены по четыре штуки зараз. Собачки сначала были дохлые, — продолжал Иванов, — но мы с товарищем полковником их подкормили. Мы для них еды не жалели. И собачки наши стали здоровые как лошади. Правильно, Тамара Семёновна?

— Правильно, — согласилась тётя Тамара, — очень здоровые собачки стали. Поперёк себя шире.

— И вот, — продолжал Иванов-оглы, — к нам однажды военные охотники приехали. Только не пенсионеры, а настоящие, действующие. Генералы там и гражданские из министерства. И стали они охотиться.

— На кого? — спросил Шарик.

— На кабана, — ответил Иванов-оглы. — У нас в окрестностях кабаны водились. Выследили они этого кабана, напустили на него собак и помчались за ним. Интересно?

— Смотря кому, — сказал папа.

— Вам? — спросил Иванов-оглы. — Вам интересно?

— Нам интересно, — сказал папа.

— И что дальше было? — спросил Шарик.

— А то. Кабан летит не разбирая дороги. Летит и летит. И прямо на наш склад. Пробил заборчик, потом в стену врезался. А стена-то лёгкая, из алюминиевых листов. Кабан в склад как нож в масло вошёл.

— И что? — подстегнул потрясённый Печкин.

— Стал он по складу носиться и греметь. Тут по его следам собаки и охотники прибежали. И давай лаять.

— А что же ваши собаки? — спросил Шарик.

— Наши собаки хватились, всполошились и стали склад защищать. Они стали здоровыми, а цепи остались прежними, худощавыми. Они враз и лопнули. И наши барбосы как за их собаками погонятся, как начнут охотников с ног сбивать! Вся охота вмиг назад повернула и побежала в гостиницу.

— А что же тётя Тамара? — спросил папа.

— А что тётя Тамара? Она первая поняла, что что-то неладно, схватила ружьё и на охрану склада встала. Потом и мы подоспели. И вдруг...

— Что «и вдруг»? — спросили все.

— Тут кабан наружу вылетает — на клыках у него фонари «летучая мышь», на голове кастрюля, как у фашистов. На ногах валенки. Сзади тормозной парашют. И весь-весь он в краске.

— В какой краске? — спросил дядя Фёдор.

— В зелёной, разумеется, — ответил папа. — Другой краски у военных не бывает.

— А вот бывает, — обиделась тётя Тамара. — У военных все краски есть. Корабли синие, самолёты серебристые, плащ-палатки чёрные. Военные — очень романтические люди. И красивые.

— А голубой цвет у военных бывает? — спросила мама. — Или розовый?

Тётя стала думать. Как ни напрягала мозги, как лоб ни морщила, ничего про эти цвета вспомнить не могла. Неожиданно в окно постучали. Это были военные пенсионеры, и Иванов-оглы прекратил дозволенные речи.

— А что дальше было? — шёпотом спросил у него Шарик.

— Вечером дорасскажу, — шёпотом ответил оглы.

Военных пенсионеров было пятеро. Правильно предвидели папа и мама. Они были очень романтичные, с ружьями, с патронташами и очень здоровые. На них можно было не только воду, ртуть можно было возить. Они ещё были очень весёлые и добродушные, хотя и пожилые.

Они обнялись с тётёй Тамарой, дали дяде Фёдору стреляные гильзы, Иванову-оглы подарили шарф и пошли на почту размещаться. Потому что у дяди Фёдора места уже совсем не было.

По дороге почтальон Печкин спросил:

— А почему вы без собак? На охоту же с собаками ходят.

— Нам собака ни к чему, — говорят военные пенсионеры. — С нами Никитич приехал. Он лучше любой собаки следы читает. Он нам запросто и кабана, и лося обнаружит. Мы его завтра с утра следы читать пустим. К обеду он всех зверей выследит.

— Он тоже военный? — спросил Печкин.

— Нет, он гражданский, из общества охотников. Вон он в кабине машины сидит.

И точно. Там сидел гражданский дядя. Такой сухощавый весь, охотничий, со стальными глазами.

Видно, что он очень опытный охотник был. Потому что ружьё у него было самое старое. Да и одежда у него поношенная была, вся в заплатках.

Военные пенсионеры быстро стол накрыли. Выпили водки, закусили варёной картошкой. Печкина угостили.

Он им потом весь вечер песни пел про то, как он на почте служил ямщиком. Иванов-оглы тоже хотел на почте остаться, но за ним Шарик прибежал и позвал дальше историю про собачек размером с лошадей и кабана с тормозным парашютом рассказывать.

— Значит, так, — продолжил Иванов. — Кабан с тормозным парашютом выскочил. А на нём ведь кастрюля новая, валенки казённые и фонари на клыках. Это же вернуть надо. Другой бы на нашем месте испугался. Но не товарищ полковник. Она за парашют рукой ухватилась и как на водных лыжах за кабаном поехала!

Все с уважением посмотрели на тётю Тамару.

— А что? — сказала мама. — Мы в детстве на реке жили. И Тamarочка чемпионом по водным лыжам была.

— И не только по водным лыжам, — сказала тётя Тамара, — но и по бегу на коньках. И по математике.

— Да, — подтвердила мама, — вся школа Тamarочкой гордилась!

— А что с кабаном было? — спросил Шарик.

— Вот что, — ответил Иванов-оглы. — Тамара Семёновна за ним ехала, пока с него всё не попадало. А скоро и собачки прибежали. Главный военный так на них ругался. Он говорил: «Надо бы их в чистое поле вывести и к стенке приставить». А что дальше было, я потом расскажу. Нас с Тамарой Семёновной к столу ждут.

— А там и дальше было? — спросил папа.

— Ой, там так много дальше было, закачаешься! — ответил оглы. — Тамару Семёновну наградили значком «Спасибо» первой степени. Я потом, вечером, дорасскажу.

Они с Тамарой Семёновной ушли на почту к Печкину с военными пенсионерами праздновать. А дядя Фёдор с Шариком и Матроскиным совещание устроили.

— Хоть наш кабан и противный, — говорит Шарик, — а мне всё равно не хочется, чтобы его застрелили.

— А я, — говорит Матроскин, — не хочу, чтобы и лося подбили. Давайте меры принимать.

— Меры, значит, будут такими, — говорит дядя Фёдор. — Ты, Шарик, с утра побежишь кабана предупреждать, чтобы в леса уходил подальше. Туда, к Троицкому. Ясно?

— Ясно, — говорит Шарик.

— И чтоб там лежал тише воды, ниже травы. Пока охотники не уедут.

— Понял, — слушается Шарик.

— Потом ты к Матроскину вернёшься, — продолжает дядя Фёдор. — Раненько утром вы сядете верхом на Гаврюшу и такую путаницу из следов сделаете, чтобы у их Никитича глаза на лоб повылезали.

— Я на Гаврюшу сесть не могу, — возражает Матроскин. — Он как бешеный носится. Я на Мурку сяду. Мы с ней душа в душу живём. Пусть Шарик на Гаврюшу усаживается. Они спелись.

— Хорошо, — соглашается дядя Фёдор. — Ты на Мурку садись, а Шарик — на Гаврюшу, пусть как бешеный носится. Охотники и подумают, что здесь целое стадо лосей прошло. Ясно тебе?

— Что ж тут неясного, — отвечает Матроскин.

— С собой вы возьмите все ботинки, какие в доме найдутся. И все кеды и калоши.

— Это зачем ещё?! — удивляется Матроскин.

— Вот зачем. Вы Мурку и Гаврюшу в глубину леса заведёте. Они по первому снегу следы «лосёвые» оставят. В лесу вы их остановите и на ноги им кроссовки привяжете и другую обувь. Дальше они в кроссовках пойдут. Следопыт увидит, что в лес следы «лосёвые» пришли, а из леса не выходят. Значит, лоси остались в лесу спать. Они этот лес окружают и будут пустой лес до ночи караулить. К ночи они намёрзнутся и ни с чем уедут. И наши лоси целы останутся.

Этот план коту и Шарик очень понравился. Так они и решили с утра действовать.

Мама и папа в это время на сеновале мёрзли. Мама говорит:

— Ты знаешь, Дима, я как-то себе жизнь в Простоквашине по-другому представляла. Я теперь поняла, что мне на работе больше нравится. Я там душой отдыхаю, когда мы товар в нашем магазине по прилавкам раскладываем.

— Да и я, — отвечает папа, — больше люблю в нашем гараже тормозные колодки менять, чем здесь на этой холодрыге педагогией заниматься.

— Давай удержим, — предлагает мама. — Ребёнок наш в хороших руках останется. Тамара за ним приглядит.

— Если он от неё не скроется, — соглашается папа.

— Ну а если скроется, — говорит мама, — он всё равно не пропадёт. У него такой кот есть, до которого тебе расти и расти. Он всё умеет: и температуру мерить, и кашу варить. Если такой кот есть, — пошутила мама, — никакого мужа не надо.

— Что верно, то верно, — согласился папа. — Был бы у меня такой кот, я бы, может, и не женился никогда.

К этому времени фонарь во дворе замерцал. Так здорово колпачок белого света над снегом двигался. И в него то одна нога входила, то другая. Это Иванов-оглы вернулся дальше историю про охотничий случай рассказывать. Все вокруг него собрались.

И Шарик, и Матроскин, и дядя Фёдор. И папа с мамой с сеновала подтянулись.

— Ну и что дальше там было с собачками? — спросил папа.

— Вот что. Через два месяца одна собачка, самая шустрая, четырёх щенят родила. А кто её просил? Ей склад охранять надо, а она со щенятами. Мы и решили щенят у неё отнять и под окотившуюся козу подложить. У козы молока много — выкормит.

— А нельзя разве было щенят раздать населению? — спросил папа.

— Конечно, нельзя, — ответил оглы, — это же государственное имущество. Так можно и танки раздать.

— И что коза, выкормила? — спросил Матроскин.

— Ещё как! Такие собачки получились — загляденье. Крепкие, активные! Пришла пора их на службу ставить.

— В армию призывать, — сказал папа.

— Не надо их призывать, — объяснил Иванов-оглы. — Они и так в армии. Мы с товарищем полковником вызвали инструктора-дрессировщика. Приехал специалист с помощником, стал их к сторожевой службе готовить. День готовит, два готовит, потом приходит весь в слезах. «Уберите от меня этих собак! — говорит. — Это служебный брак». Мы спрашиваем: «Почему брак?» Он говорит: «Смотрите».

Иванов-оглы рванул стакан воды от волнения и продолжал:

— Вывел он собак на площадку и говорит: «Сидеть!» Они сели. Он говорит: «Голос!» Они все как заблеют: «Ме-е-е-е!» Он им показал: «Гав! Гав! Гав!» Они ему: «Ме-ме-ме!» Он им опять намекает: «Гав! Гав!» Они как бросятся на помощника и давай его бодать! Он аж зелёный от злости стал. «Всё, — говорит, — списывайте их к чёртовой матери! Это не собаки, это —

козлы глупые! Вы бы их ещё в курятник поместили, чтобы они у вас кукарекали по утрам!»
Плюнул на землю и уехал.

А что дальше было, я вам потом расскажу.

— А там и дальше было? — теперь уже удивилась мама. — Какая-то тысяча и одна ночь.

— Было-было, — ответил оглы. — Это долгая история. Мы с товарищем полковником не привыкли отступать в хозяйственных вопросах. Мы этих собачек к делу приспособили, и ещё как!

Он ушёл на почту ночевать, и все заснули.

Глава одиннадцатая

Охота

Утром Шарик чуть не проспал. Хорошо, что дядя Фёдор будильник завёл на четыре утра.

Вокруг дома ещё темень была, но какая-то светлая. Всё — и деревья, и сараи — хорошо было видно. Потому что снег был чистый-чистый.

Шарик сразу схватил фонарь в лапы и к кабаньему оврагу отправился.

Бежит он и себе под нос бормочет:

— Этот танк лохматый два раза меня на столб загонял, а я его спасать должен.

Бормотал он так, бормотал и вдруг на что-то твёрдое налетел. Это и был «танк лохматый».

Шарик ему говорит:

— Слушай, кореш! Тебе бежать надо. На тебя охотиться идут. Понял?

Кабан встал на передние ноги и сделался огромный, как самосвал. Но никуда не побежал. Шарик ему растолковывает:

— Кабаша, тебе уходить надо. В леса. Там охотники приехали с ружьями. Хотят тебя добыть. Их пятеро. Понял, кореш?

Кореш, конечно, понял. Он медленно так стал разворачиваться. Только совсем не в ту сторону, чтобы от охотников бежать. А совсем в другую сторону, в сторону Шарика.

Шарик ему кричит:

— Эй, эй! Ты куда поворачиваешься! Ты что, Кабаша!!!

А Кабаша ничего и слышать не желает. Он так медленно на Шарика развернулся и побежал. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее. Шарик кричит:

— Эй ты, свинина, что ты делаешь? Ты что — совсем?

— Те, которые по местам боевой славы ходят. Помните, мы видели следы детские?

— Да, сейчас пионеров развелось больше, чем лосей, — сказал один охотник. — Шагу не шагнёшь в лесах. Всюду пионеры боевую славу ищут или природу спасают в виде костров.

— Никитич, что делать-то будем? — спросил другой.

— На кабана пойдём, — говорит Никитич. — Там в овраге огромный кабанище скрывается. Я вчера следы видел.

Пошли они к оврагу. По сугробчикам идут, от них пар валит. Но ничего, они идут километр за километром. Охотники — народ упрямый. Один охотничий поэт так сказал:

Поймёшь охотника тогда,

Когда пройдёшь неоднократно

Надежды полный путь туда

И безнадежный путь обратно.

Видят они — вдалеке на берёзе что-то темнеет.

— Это рысь, — говорит Никитич.

А это Шарик темнел. Увидел он охотников и от радости даже залаял. Один охотник удивился:

— В нашей боевой газете «Красная Звезда» я однажды читал, что были собаки, которые блеяли на посту. Статья это называлась «Козобаки или собакозы». Но чтобы рыси лаяли, я такого не знаю.

— Ой, — говорит старший охотник, — да это не рысь. Это Шарик тамаросемёновский. Эй, Шарик, что ты там делаешь?

— На кабана охочусь, — отвечает Шарик.

— Давай слезай к нам.

— Нет, — говорит Шарик. — Лучше вы ко мне залезайте.

— А что — так удобнее смотреть?

— Нет, безопаснее сидеть.

— Что кабан-то, большой? — спрашивают охотники.

— Очень большой, — отвечает Шарик.

— Килограммов сто будет?

— Я думаю, пятьсот, и ещё двадцать на клыки отведите.

— Что-то мне не очень хочется охотиться, — говорит старший охотник.

— Да и нам что-то не очень, — говорят другие. — Главное: мы погуляли, воздухом подышали,

пейзажи хорошие видели. В общем, наприродились по самые уши. Пошли на почту чай пить.

Тогда Шарик к ним слез и тоже на почту отправился чай пить. Очень ему такие охотники понравились. Один Никитич недоволен был. Но он у них не главный. А Тамара Семёновна пир охотникам устроила из их продуктов: просто объеденье. Там и суп был, и чай, и торт со шпротами. Почтальон Печкин и Иванов-оглы ей помогали.

Потом они танцы устроили и народные песни пели до утра. Шарик в таких охотников просто влюбился. Он дяде Фёдору сказал:

— Такая охота мне очень нравится. А вот ружья всякие, и флажки, и капканы я бы запретил.

Глава двенадцатая

Пора, брат, пора!

Вечером папа с мамой на народно-целебную прогулку пошли. Их тётя Тамара научила босиком по снегу ходить. Это жутко полезно для здоровья. Сама она не ходила. Она себе пятки отморозила. Но другим очень рекомендовала.

Дядя Фёдор, Матроскин и Шарик на совещание собрались. Кот Матроскин говорит дяде Фёдору:

— Скоро охотники уедут, Тамара Семёновна нами займётся. Спасибо ей второй степени.

— Не грусти, — отвечает дядя Фёдор. — Мы от мамы ушли, мы от папы ушли, от почтальона Печкина ушли, а от тёти Тамары мы и подавно уйдём. У меня план есть.

— У меня тоже план есть, — говорит Матроскин.

— Какой же? — спрашивает дядя Фёдор.

— Давайте ей телеграмму пришлём: «Вызываем в Москву на пост министра обороны по пенсионерам». Она сразу умоет. И будет на нашей улице праздник.

— Да! — возражает дядя Фёдор. — А потом она узнает, что её никто не вызывал. Примотает обратно, и будет на нашей улице траур.

— У меня тоже есть план, — кричит Шарик. — Давайте ей записку пришлём: «Уезжай отсюда, а то плохо будет». И подпишем: «Трое неизвестных».

— Хороший план, — говорит дядя Фёдор. — Только опасный. И потом она, Шарик, сразу догадается, что трое неизвестных — это есть один ты, да ещё невоспитанный.

— А какой план у тебя? — спрашивает Матроскин.

— Какой, какой? — кричит Шарик.

— Я в селе Троицком большой дом пустой нашёл. В нём два года уже никто не живёт. Я со стариками поговорил, они разрешают его занимать. Дом большущий, но мы его освоим. У нас уже опыт есть. Там и школа есть. Все мы учиться начнём.

— Ура! — шёпотом закричали Шарик и Матроскин. Шёпотом, потому что дверь заскрипела. Это папа с мамой с лечебной прогулки пришли.

— Мы втроём целый санаторий пустой освоим, — сказал Матроскин под конец. — У нас уже большой опыт есть. А учиться я давно хочу. Я сразу в первый класс поступлю.

— А я не знаю, в какой мне поступать, — говорит Шарик. — Может, я уже до пятого дорос. А может, до десятого.

— А может, уже и до директора школы, — сказал дядя Фёдор.

Кот Матроскин на эти слова полчасика ехидно смеялся, а Шарик подумал: «А что? Если меня побрить хорошо, да причесать, да пиджак с галстуком накинуть, не только директор — сам министр просвещения выйдет старорежимный».

Во время лечебной прогулки мама говорила папе:

— Всё, мой милый Дима, пора домой двигать. Меня мой магазин ждёт. От такого количества событий я просто устала. Да и на сеновал пора отопление провести. По утрам я никак одеяло разогнуть не могу.

— Хорошо, — отвечал папа, — завтра рано встанем и поедем.

Они пришли на сеновал, упаковали свои рюкзаки и к тётке Тамаре на почту явились прощаться.

На почте в это время охотники отвальный праздник устраивали. И все про Печкина хорошие слова говорили. Они желали Печкину долгих лет жизни и большого почтового счастья.

Папа с мамой тихонько к Тамаре подошли:

— Ты уж, Тамара, за нашим мальчиком приглядывай. Если тебя в Думу изберут, ты его не бросай, оставь заместителем своего Иванова-оглы. А нас работа ждёт.

— Ладно, — говорит Тамара Семёновна, — поезжайте, работайте. О мальчике даже и не думайте. Я скоро из него чемпиона по музыке сделаю. В крайнем случае по боксу.

— Дядю Фёдора утром мы будить не станем, — говорит папа, — мы ему письмо пришлём.

— Правильно, — согласилась тётка Тамара, — чего ребёнка зря беспокоить. Идите себе и спите до утра спокойно.

Утром у всех хлопот было выше головы.

Во-первых, уезжали охотники.

Во-вторых, уезжали папа с мамой. Их с большим трудом в охотничью машину запихнули.

В-третьих, уезжала тётка Тамара. За ней машину прислали из города для встречи кандидатов с президентом. Иванов-оглы с ней ехал.

В-четвёртых, уходил почтальон Печкин в село Троицкое за зарплатой.

Только дядя Фёдор, пёс и кот в Простоквашине оставались. Как в былые спокойные времена.

Пока тётя Тамара и папа с мамой собирались, Шарик к Иванову-оглы пристал, расскажите, мол, чем там история с собаками кончилась. С теми, которые у козы воспитывались и лаять не умели.

Иванов рассказал второпях:

— Мы этих собачек списывать не хотели. Товарищ полковник велела на них специальные намордники выковать с рогами. Идея такая: как только нарушитель подойдёт, собачки на него бросаются и рогами его бабах в грудь. Здорово придумано?

— Неплохо, — соглашается Шарик.

— Да, я тоже так думал, — говорит оглы. — Сначала. А потом дело до смешного дошло: как наши собачки заблеют, так все волки из округи сбегаются. Зубами щёлкают. Наши собачки на них с рогами. Цепи рвут и за волками в леса. Только волки ловкие, а собачки цепные неуклюжие. Они то и дело рогами в деревья. Приходилось их по следу разыскивать, от деревьев отрывать и домой приводить.

— Ну и что же вы сделали? — спросил Шарик. — Чтобы это исправить?

— Товарищ полковник сутки не спала, но придумала. Мы стали на них шлемы мотоциклетные надевать. Как враг придёт, они его этим шлемом в грудь — и кранты!

— А волки? — спросил дядя Фёдор. — Тоже кранты?

— А что волки? Как наши собачки блеять начинают, волки сбегаются. Наши собачки — за ними, волки — бежать! Ну и пусть. Ничего страшного. В шлемах они, как шары бильярдные, от деревьев и от волков отлетают. Так что очень скоро волки наши края покинули. А собачки до сих пор в армии служат, склад охраняют.

Шарик очень долго благодарил Иванова-оглы-Писемского за рассказ и за приятную компанию. После многократного общения с Ивановым-оглы объём знаний у Шарика заметно возрос.

Наконец все разъехались. Печкин разъехался пешком. Тётя Тамара с Ивановым на чёрной «Волге», охотники с папой и мамой на «рафике» вездеходном.

«Авторафик» с охотниками на главное шоссе заспешил, чтобы в Москву ехать. Ехали они, ехали по ледяной дороге, и вдруг их занесло из-за перегруженности, и они в сугроб свалились.

Опытные охотники вышли из «рафика», подняли его на плечи и снова на дорогу поставили. Папа с мамой даже понять ничего не успели.

Добродушные охотники решили размяться и перекусить. Стали термосы доставать, бутерброды. Папа в это время попросил бинокль военный и начал окрестности осматривать.

Мама говорит папе:

— Это ничего, что мы убежали. Мы ребёнка в хорошие руки отдаём. При Тамаре он не пропадёт.

— Не пропадёт, я просто в этом уверен, — говорит папа, а сам в бинокль смотрит.

— Почему ты в этом так уверен? — спрашивает мама.

— Потому, что твой сынишка сзади нас на своём тракторе в другую деревню едет. Переселяется.

Мама бинокль у папы вырвала и тоже стала смотреть:

— Верно, это дядя Фёдор на тракторе едет. С ним Матроскин и Шарик. Но почему ты решил, что они переселяются? Может, они просто кататься выехали.

— Очень может быть, что кататься выехали, — соглашается папа. — И Мурку они решили прогулять, и Гаврюшу по морозцу. И сено на кровати с колёсиками решили покатать. И телевизор решили проветрить, чтобы в нём моль не завелась.

Папа всегда с мамой соглашался во всём, не спорил. Но как-то так получалось, что его согласие, наоборот, выходило жутким несогласием. Хорошо, что мама в последнее время на него совсем сердиться перестала. А если была недовольна, она просто говорила:

— Спасибо тебе, Димочка, второй степени!

А в этот раз она подумала и вдруг сказала такое:

— Всё ясно. Бедная моя Тamarочка! Как я её люблю! ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ

— Дядя Фёдор или ты, Матроскин, — спрашивает Шарик, — ответьте, с чего начинается дом?

— С дыма из печки, — сказал кот.

— С калитки, — сказал дядя Фёдор.

— Эх, вы, — рассмеялся Шарик, — глухомань! Дом начинается с собачьей будки. ПОЧТИ КОНЕЦ
Постановление Президента

В связи с тем, что в деревне Простоквашино построено две гостиницы, аэродром, три военных санатория и проведена автотрасса российского значения, переименовать деревню Простоквашино в город Простоквашинск.

Мэром города назначить Ломовую-Бамбино Тамару Семёновну. Президент Ельцин Б. Н.
КОНЕЦ

Любимая девочка дяди Фёдора

Рисунки О. Бай

Глава первая

Появление девочки Кати

В Простоквашино лето пришло.

А так как про Простоквашино много в газетах писали и его много в кино показывали, Простоквашино стало модным курортом.

На берегу речки Простоквашки люди ставили машины, палатки, разводили костры.

Кот Матроскин всё переживал:

— Мы сюда приехали, чтобы тихо на природе жить. А тут шумят сейчас больше, чем в городе. Если так дальше пойдёт, нам снова придётся в город переезжать. Летом в городе тише, наверное.

А Шарик ничего не переживал. Он со своим фоторужьём по всем интересным местам носился. Он все палатки оббега?л, все дачи, все коттеджи и пляжи и приносил целые горы фотографий. Особенно у него хорошо природа получалась, пейзажи русские.

Однажды Матроскин решил:

— Что это его фотографии просто так пропадают? Надо наладить выпуск поздравительных открыток или календарей.

И он стал эти открытки и календари в сельской школьной типографии печатать и в местном ларьке продавать.

Раньше в этом ларьке была сапожная мастерская. Потом она сгорела. Потом там «Пиво — воды» разместились. Они тоже сгорели. Потом, в самое бедное время, в нём сельсовет находился. И он, бедный, тоже сгорел. Потом в ларьке клуб был для молодёжи. Вы будете смеяться, но и клуб сгорел.

И вот кот Матроскин взял в аренду эту горящую точку.

Качество открыток было не самое лучшее, но всё равно люди с удовольствием их покупали.

Вместе с открытками Матроскин ещё и сметану продавал, и молоко по утрам. Так что он был вполне преуспевающий новый сельский русский.

Шарик из фоторужья не мог людей фотографировать, они пугались. Поэтому он всё больше природу запечатлевал.

Но иногда на его фотографиях и люди попадались. Одна фотография потрясла дядю Фёдора. Дядя Фёдор долго её рассматривал.

Это была фотография незнакомой девочки. Ну совсем Барби! Хотя это была не Барби, а просто обыкновенная девочка Катя. Просто она приехала из Америки. Там её папа работал — родной брат профессора Семёна.

Дядя Фёдор так долго смотрел на фотографию, что кот Матроскин забеспокоился. Он говорит Шарику:

— Дядя Фёдор, кажется, влюбился. Мы его можем потерять. Только этого нам не хватало.

Шарик говорит:

— Подумаешь, влюбился! Если бы он заболел, мы бы могли его в больнице потерять. А так ничего с ним не случится.

Матроскин не согласен:

— Много ты понимаешь! Как начнёт он с этой девочкой дружить! Будет с ней гулять, цветочки подносить, на тракторе кататься, про нас и забудет.

— Ну и пусть они дружат, — говорит Шарик. — Настоящая дружба ещё никому не мешала.

— Да? — кричит Матроскин. — А как эта дружба в любовь перейдёт! А как они женятся лет через десять! А как у них дети пойдут! Много у него времени для дружбы с тобой останется?

Такой перспективы даже Шарик испугался. И загрустил.

Как раз в это время дядя Фёдор стал одеваться на прогулку. Матроскин подумал: «Если он будет сильно наряжаться, умываться, причёсываться, значит, влюбился. Если оденется кое-как, во всё старое, значит, всё в порядке. Можно не беспокоиться».

Дядя Фёдор и умылся, и причёсался, и новую матроску надел. Совсем выставочным ребёнком сделался. Значит, дела — хуже некуда.

Он вывел из сарая тр-тр Митю, накормил его вчерашним молочным супом и сегодняшним творогом и завёл.

Матроскин подошёл к дяде Фёдору и спрашивает:

— Далеко ли ты, дядя Фёдор, собрался?

Дядя Фёдор сказал первое, что в голову пришло:

— Рыбу ловить.

— Китов, что ли?

— Почему китов? Пескарей, плотву всякую, — говорит дядя Фёдор.

— Ага, понятно, — говорит Матроскин. — Пескарь сейчас такой пошёл — его без трактора из речки не вытащишь. Я, дядя Фёдор, с тобой пойду.

— Поехали, — согласился дядя Фёдор. — Сначала без удочек. Места на речке разведем.

Тр-тр Митя радостно затарахтел и выехал на главную деревенскую улицу.

Простоквашино было не узнать. Нарядные колхозники в ярких кепочках работали в поле, пропалывая картошку. Трактористы сидели за рулями своих тракторов в костюмах с галстуками. Одним словом, не деревня, а курорт Анталия или Золотые Пески.

Дядя Фёдор подъехал к дому профессора Сёмина. Остановился и стал чинить тр-тр Митю. Стал колёса ему накачивать.

Чинит дядя Фёдор Митю, а сам на дом профессора посматривает — не появится ли оттуда

девочка с Шариковой фотографии.

Надо сказать, что дом профессора Сёмина сильно изменился в лучшую сторону. От былой захудалости и следа не осталось. Появились всякие новомодные пристройки с большими балконами. Навесы для машин, полянки с тюльпанами. И всё такое новое, как вымытое.

Смотрит дядя Фёдор, а эта девочка с фотографии давно уже рядом стоит. В шортиках, в жилетке с карманами, в сапожках на босу ногу и гаечным ключом десять на двенадцать в руках.

Она спрашивает:

— Мальчик, мальчик, а какой марки у вас трактор?

— Марки только на почте бывают, — отвечает вместо дяди Фёдора кот Матроскин. — У тракторов — фирмы.

— Какой он у вас фирмы? — спрашивает девочка.

— Же-Зе-Те-И, — отвечает дядя Фёдор.

Девочка удивилась:

— Я о такой фирме не слышала.

— Это не совсем фирма, — объясняет дядя Фёдор. — Это завод такой — «Железо-Тракторных Изделий».

— А модель какая? — спрашивает девочка.

— А модель особая, «Митя» называется. «Тр-тр Митя». «Тр-тр» — это трактор. А «Митя» — значит «Модель Инженера Тяпкина». Тяпкин — это изобретатель такой всемирный.

— Я такого инженера не знаю, — говорит девочка. — Я знаю, что были Форд, Крайслер, Порше, а о всемирном Тяпкине я не слышала.

Она осмотрела тр-тр Митю и спросила:

— А сколько у вашего трактора лошадиных сил?

Дядя Фёдор не знал.

Оказалось, она не простая девочка. Она очень сильно автомобилями интересовалась. Она все марки и модели машин знала. Она о них стала дяде Фёдору рассказывать.

Она объяснила, что силу трактора лошадьми измеряют. Сколько лошадей он сможет перетянуть, столько у него лошадиных сил имеется.

Она так интересно рассказывала, что даже Матроскин заслушался. Потом он спохватился и говорит:

— Ну и что, что мы в машинах не разбираемся. Зато мы всё про рыб знаем и про птиц, и про зверей. А почтальон Печкин всё про целебные травы знает. У него бабушка колдуньей была.

Тут даже дядя Фёдор удивился.

— Ничего себе, — говорит, — новости! У почтальона Печкина бабушка колдуньей была. А я не подозревал.

— Она у него не совсем колдуньей была. Она по совместительству. Она в сельсовете работала, а колдовством подрабатывала только. Мне Печкин по секрету рассказал, — объяснил Матроскин.

— Ой, какой у вас интересный почтальон! — сказала девочка Катя. — Давайте пойдём к нему в гости. Это можно?

— Конечно, можно, — сказал дядя Фёдор. — Мы с ним дружим.

А Матроскин насупился:

— Только у нас дружба какая-то странная — полупроводниковая. Мы ему всё — и конфеты, и чай, а он нам — ничего. — Кот Матроскин рассердился даже: — Вспомни, дядя Фёдор, как он хотел тебя родителям вернуть, нас с Шариком собирался в поликлинику сдать для опытов.

— Это он раньше такой был, — сказал дядя Фёдор. — Когда у него велосипеда не было. А теперь, когда ему велосипед купили, он другим человеком стал. Он теперь обеспеченный.

— Обеспеченные люди — самые нужные, — сказала девочка Катя. — Так мой папа говорит. Это средний класс.

После такого научно-технического разговора они все на тр-тр Митю сели и к почтальону Печкину поехали. Очень интересно было про его колдовскую бабушку всё разузнать.

По дороге девочка Катя сказала, что она тоже кое-что про рыб и про зверей знает. Потому что она любит Брема читать. Это такой писатель старинный, который животных изучил и всё про них написал.

Она сказала, что даст дяде Фёдору эту книгу. Если сумеет её донести. Книга очень тяжёлая.

Дядя Фёдор тоже обещал дать ей интересную книгу про строительство лавок и табуреток.

Печкин был дома. Он травы развешивал сушиться. Он стал ребятам рассказывать:

— Эта трава — зверобой. Когда у человека живот болит, из неё чай для него заваривают. А вот это — пустырник. Бывает человек такой нервный. Особенно ребёнок. Кричит, дерётся. Допустим, он собаку укусил. Тогда ему отвар из пустырника делают. Всё, ребёнок сразу успокаивается. Собака тоже. Папа с мамой целый день отдыхают.

Дядя Фёдор спрашивает:

— А что, Игорь Иванович, у вас и в самом деле бабушка колдуньей была?

— Только наполовину, — ответил Печкин. — Она по вечерам подрабатывала. Приворотное зелье для заказчиков делала.

— А на метёлке она умела летать? — спросил дядя Фёдор.

— Умела, — ответил Печкин. — Как же без этого. Но она редко летала. Только когда на

партсобрания опаздывала. И летала она кое-как, плохо. Как ворона с гантелей.

Кот Матроскин удивился и говорит:

— Мы сегодня про Печкина за один день узнали больше, чем за весь год. Это не почтальон, а целая энциклопедия сельской жизни в деревне.

Девочку Катю приворотное зелье интересовало:

— Скажите, как оно делается? Оно не ядовитое?

Все стали почтальона Печкина просто слушать, а Матроскин напрягся весь: «Ой, какая хитрая! Хочет нашего дядю Фёдора приворожить».

Печкин говорит:

— Как оно делается, надо в бабушкиной книге читать. У меня от бабушки колдовская книга осталась. Жаль, что там такой шрифт мелкий. А мои очки куда-то пропали.

Дядя Фёдор спрашивает:

— И давно они у вас пропали?

— Два дня уже.

Дядя Фёдор так и подпрыгнул:

— Наш Хватайка два дня назад как раз очки притащил. Такие никудашные совсем, с верёвочкой. Может быть, это ваши?

— Не может быть, — говорит Печкин, — а точно мои. И вовсе они не никудашные, а очень кудышные даже. Давайте мне их скорее возвращать.

Они быстро на тр-тр Митю сели и за кудышными очками поехали. Матроскин смотрит, а противная девочка Катя тоже с ними катится. Никак она не отклеивается.

Тр-тр Митя их в пять минут до дома дяди Фёдора домчал. Он так быстро бежал на полной творожной скорости, что девочка Катя не успела у своего дома сойти и к дяде Фёдору приехала. Хотя вовсе и не собиралась.

Все сразу бросились к Хватайке на шкаф очки смотреть.

Очки оказались как раз печкинские.

Печкин говорит:

— Все вороны как вороны у нас в Простоквашино. А это не ворона, это — криминальный элемент. Его надо в милицию сдать. Сегодня она очки утащила, а завтра вообще целый телевизор унесёт.

Матроскин на это сказал:

— Вы сначала купите телевизор, а потом и волнуйтесь за него. А то у вас не то что телевизора, у вас и радио-то нет.

Дядя Фёдор одёрнул Матроскина:

— Ты, Матроскин, помалкивай. Очки ведь и в самом деле у нас оказались. Хочешь не хочешь, а Хватайка — воришка, и мы — соучастники. Надо бы нам извиниться. Не сердись на нас, Игорь Иванович.

Мальчик снова посадил Печкина и Катю на тр-тр Митю и развёз их по домам. А на завтра он их в гости пригласил к вечеру, чай пить.

Вот какая интересная была рыбалка.

Глава вторая

Как по-настоящему рыбу ловили

На следующий день весь день дождик шёл. Шарик фотографии проявлял. Матроскин носки для дяди Фёдора на лампочке штопал. А дядя Фёдор рыболовные снасти ладил.

Он говорит Матроскину:

— Вся сила удочки — в поплавке. Чем больше поплавков...

— Тем больше рыба! — закричал Шарик.

— Правильно, — говорит Матроскин. — А если ты вместо поплавка бочку привяжешь, ты сразу китов начнёшь ловить и крокодилов.

А дядя Фёдор продолжал:

— Чем больше поплавков, тем труднее ловить. Поплавок должен быть лёгким и нервным. Чуть только рыба к нему подплыла, он уже сигналил рыболову: приготовься, скоро клёв. Лучше всего поплавков из перьев делать.

Весь день он так готовился. Шарик и Матроскину тоже по удочке сделал.

На другой день на Простоквашино тепло навалилось, жара настоящая. Весь народ к речке потянулся. Ещё только семь утра, а на речке люди уже плавают в воде, мячами кидаются.

Дядя Фёдор, Матроскин и Шарик со своими удочками и с червяками, и с бутербродами как можно дальше от деревни ушли. Так далеко, где никого уже не было. И там, где никого уже не было, они вдруг девочку Катю увидели и её папу с удочками.

Матроскин даже позеленел. Только видно этого не было, потому что он позеленел под своим мехом. Но виду не показал, поздоровался, как все, и стал свою удочку разматывать.

Наши сели на берег. Бросили в воду подкормку в марлевом мешочке. Приготовили удочки и забросили.

Три поплавка на воде: Шарика, Матроскина и дяди Фёдора.

А в двадцати метрах два поплавка: Кати и её папы.

Так вот у дяди Фёдора и его друзей — ни поклёвки. А папа Кати и сама Катя вытаскивают рыбу за рыбой. Да всё это не простые рыбы, а крепкие окуни. Их без сачка из речки не вытащишь.

Потом они голавля поймали.

Потом щуку.

Потом судака.

Потом у них опять окуни пошли.

Дядя Фёдор спрашивает у Матроскина:

— Почему у них всё время клюёт? А у нас ни капельки?

— Я и сам голову ломаю, — отвечает Матроскин. — Может, они какое колдовство знают. Может, они ловят на что такое, что рыба больше всего любит. Например, на лапшу.

— Никогда не слышал, чтобы рыбу на лапшу ловили, — говорит дядя Фёдор.

— Может, они на колбасу ловят, — предположил Шарик. — Или на косточки мелкие. Или на сыр.

— На колбасу и на сыр только мышей в мышеловки ловят, — проворчал про себя Матроскин. — Или избирателей на выборах. Рыбу надо только на червяка ловить. Червяк — вот главная рыбная колбаса. Только на червяка надо поплевать.

Шарик попробовал на червяка плевать и говорит:

— А у меня никак не плюётся. У меня губы устроены неправильно.

Тут почтальон Печкин появился, и тоже с удочкой.

— На что ловите, рыбаки?

— На всё ловим, — отвечает Шарик. — На червяка ловим. На тесто ловим. На колбасу ловим. Только ничего не ловится.

— А как у вас дела, граждане дорогие? — спрашивает Печкин у Кати и у её папы.

— Не жалуемся, — отвечает Катин папа. — У нас клёв хороший.

— Тогда я к вам подсяду, — говорит Печкин. — Мне надо рыбу ловить, а не штаны протирать. У меня ещё почты целая сумка не разнесена.

И самое интересное, что у него тоже стало клевать.

Дядя Фёдор посидел ещё часик и стал удочки сматывать.

Шарик тоже так стал делать.

Они вежливо попрощались со всеми и ушли грустные.

А Матроскин про себя подумал: «Я никуда отсюда не денусь, пока не узнаю, в чём их секрет».

Сидел он и сидел упрямо, чтобы тайну рыболовецкую узнать. Особенно его волновало, зачем у них третья удочка. Она на берегу лежит, от неё леска в воду уходит. Только никто этой удочкой не пользуется.

Уже почтальон Печкин ушёл. Уже все другие рыбаки ушли. И наконец, Катя с папой стали собираться домой. Вытащили они сначала свои простые удочки, а потом папа стал третью вытаскивать, не работающую.

На конце третьей удочки была большая трёхлитровая банка, вся наполненная пескарями.

«Ой, — подумал Матроскин, — как же они пескарёй банкой ловят?»

Потом его осенило: «Это же не простая банка, а банка-приманка. Пескари в этой банке крутятся, а окуни вокруг них, как вокруг подводного аквариума, собираются. Тут только их и ловить».

Матроскина как молнией ударило: вот какая девочка Катя хитрая и какой её папа.

«Нет, — решил он. — От этих людей надо дядю Фёдора спасать».

Он подошёл к ним и так, с намёком, спрашивает:

— А чего же вы своим секретом рыболовным с другими рыбаками не поделились?

На что Катин папа, Александр Трофимович Сёмин, отвечает:

— Если бы все рыбаки своими рыболовными секретами делились, давно бы уже вся рыба кончилась. И секрет этот не мой, а секрет моего брата Ивана. Который язык зверей изучает. А он не разрешал нам про него никому говорить.

Так втроём они вдоль речки домой и пошли.

Катя говорит:

— Какой же хороший ваш мальчик, дядя Фёдор. Я таких хороших мальчиков давно не видела. Мне кажется, у него совсем нет недостатков.

Матроскин посмотрел на неё, потом в небо посмотрел, потом снова на неё и сказал:

— Недостатки у всех есть. Хотите, я вам даже список приготовлю.

Девочка Катя очень удивилась от таких слов:

— Уж, пожалуйста, приготовьте. Уж, пожалуйста, постарайтесь.

Матроскину было неловко так поступать, но он решил пойти на всё в интересах дяди Фёдора: «Когда дядя Фёдор вырастет, он меня поймёт».

Глава третья

Происки кота Матроскина

В этот же вечер кот Матроскин и Шарик собрались на сеновале — список недостатков для Кати составлять.

Матроскин диктовал, а Шарик записывал угольком на кусочке жёлтой коры:

СПИСОК НЕДОСТАТКОВ ДЯДИ ФЁДОРА

— Очень молодой, — начал Матроскин.

— Верно, — согласился Шарик. — Очень молодой. Это недостаток?

— Конечно, — говорит Матроскин. — Молодой — значит неопытный. Неопытный — значит бестолковый.

— Хорошо, — согласился Шарик. — Значит, записываем.

И корябает себе по коре как курица лапой.

— Так. Что мы ещё имеем?

— Очень сильно любит своих родителей, — говорит кот.

— Ну и пусть. Я бы тоже любил своих родителей, если бы они у меня были.

— Тебе — это пусть, а окружающим — не пусть. Раз сильно любит своих родителей, на всех остальных сил не остаётся.

— Записано, — говорит Шарик. — Что ещё?

— Природу любит, — вспоминает Матроскин.

— Ну и что? — удивился пёс.

— А то! Раз природу любит, значит, будем без дров. Ему берёзы жалко. А у нас печку топить нечем.

— Понятно, — говорит Шарик и спрашивает: — Что у нас ещё есть?

— Никогда не дерётся.

— А это плохо? — говорит пёс.

— Конечно. Значит, не сможет за себя постоять. Надо будет ему какого-нибудь боксёра проучить, а он не умеет.

— Так, что ещё?

— Тащит в дом любую зверюшку. Даже больную...

— А что в этом неправильного? — спрашивает Шарик.

— А то! Своих девать некуда, — говорит кот. — Потом, эпидемию какую может занести. Пиши дальше: не любит копить деньги и продавать молоко на рынке.

— И я не люблю, — говорит Шарик.

— Ты можешь не любить. Ты у нас пролетарий всех стран. Всю жизнь пролетал. Ты у нас не Шарик, ты у нас — Шариков. А дяде Фёдору жить и жить. Тот, кто в детстве не научился молоко продавать, деньги копить, к старости начнёт военными секретами приторговывать.

— Зачем?

— Чтобы было на что жить. И ещё один недостаток добавь: дядя Фёдор слишком много читает.

— Ну и пусть себе! — кричит Шарик.

— Это тебе пусть, — спорит кот, — а как он глаза к старости испортит?

Долго Шарик с Матроскиным работали.

Наконец полный список недостатков был готов и его можно было к девочке нести.

Оба молодца, довольные собой, вышли не торопясь на улицу и медленно пошли к девочке Кате. Вечернее летнее солнце их ласкало, улица стелилась перед ними, как ковёр. Впереди было только самое лучшее.

Когда они на дачу профессора Сёмина позвонили, девочка Катя им собственноручно дверь открыла.

— Вот, — говорит Матроскин, — принесли.

— Что принесли? — удивилась Катя.

— Недостатки дяди Фёдора.

— Спасибо, — сказала Катя. — Вы — настоящие друзья.

Девочка взяла их список и с удивлением стала читать: НЕДОСТАТКИ ДЯДИ ФЁДОРА

1. Очень молодой.
2. Очень любит своих родителей.
3. Слишком обожает природу.
4. Никогда не дерётся.
5. Тащит в дом любую зверюшку. Даже больную.
6. Не любит копить деньги и продавать молоко на рынке.
7. Очень много читает.
8. Чистит зубы каждый день и тратит горячую воду.
9. И это ещё не всё.

Катя прочитала список и говорит:

— Ну, вы меня огорчили! Это не мальчик, это ангел какой-то. Я столько лет на свете живу,

почти что девять! А что есть такие замечательные мальчики, даже не знала. Надо будет с ним поближе познакомиться.

Шарик и Матроскин даже расстроились из-за такого результата. Бились они, бились, а чего добились? Хоть ты связывай дядю Фёдора и увози в тайгу глубокую от посторонних глаз.

На другое утро Матроскин в своём ларьке сидел туча тучей. Просто как Ермак, объятый думой. И что интересно, торговля у него совсем не шла. Ни молоко не брал народ, ни открытки с видом Простоквашино с разных сторон.

Рядом с ним на крыльце вялый Шарик сидел.

И надо же так, вдруг опять эта приезжая Катя появилась. До всего ей дело есть. Она вошла в магазин и спрашивает:

— Как торговля идёт?

— Да никак не идёт, — отвечает Шарик. — Можно сказать, что на месте стоит.

— А если торговля на месте стоит, — говорит девочка, — значит, она идёт в обратную сторону. Будем выяснять причины.

— Да что тут выяснять! — кричит Матроскин. — Просто народ заелся!!! Вот и все причины. Им не молоко, а всякую пепси-колу подавай.

— Боюсь, вы не правы, милый Матроскин. Во-первых, вы посмотрите на свою лавочку. Это же не торговая точка, а хижина дяди Тома в его худшие дни! Да такой особняк даже в мексиканских трущобах бы не потерпели!

— Мы по зарубежам не ездим! — пробурчал Матроскин. — Мы люди простые, деревенские.

— Когда люди так говорят, что мы — просто деревенские, это самые хитрые люди, — ответила девочка.

Шарик про себя с ней согласился. И спросил:

— А что во-вторых?

— А во-вторых, покупателям улыбаться надо!

— Рот до ушей, хоть завязочки пришей! — опять ворчит Матроскин.

— Вот именно, — говорит девочка. — Так весь цивилизованный мир торгует.

Матроскина аж передёрнуло:

— Какой такой цивилизованный мир? В нашей деревне мы такого не видели.

— Если стараться не будете, никогда и не увидите. Надо же когда-то начинать, — спорит девочка.

А Шарик говорит:

— А что, усатый? Она права.

— И потом, — сказала девочка, — что это у вас за открытки такие: «Матроскин лежит на печи», «Пёс Шарик гонится за зайцем», «Местный житель дядя Фёдор копает картошку». Нужен размах. Нужно делать такие открытки: «Кот Матроскин лежит на пляже рядом с президентом Танзании», «Кот Матроскин играет в теннис с премьер-министром Лумумбии», «Кот Матроскин пьёт молоко с наследным шахом Брунея», «Кот Матроскин и аравийский шейх Ахмет-хан играют на балалайках».

Матроскин упёрся:

— Это кто же к нам сюда столько президентов и наследных шахов привезёт на балалайках играть? Что, президентам делать нечего?

— Не надо начинать с самых главных президентов, — убеждает девочка Катя. — Можно начинать с некрупных. Президенты сейчас разные бывают. У нас дома сейчас в гостях живёт президент артели «Крупная рыба» из Конакова дядя Вася Удочкин.

Она подумала и ещё сказала:

— Вон сколько у вас иностранцев отдыхает. Это тоже даёт простор для фантазии: «Пёс Шарик гонится за кабаном вместе с иностранным любителем природы, чтобы сфотографировать его». Или: «Местный кабан гонится за иностранным любителем природы вместе с Шариком, чтобы загрызть их фотоаппарат». — И добавила: — Уж про дядю Фёдора надо писать совсем сочно: «Местный житель дядя Фёдор выкапывает очередной клад». Надо, чтобы в открытках размах был, жить хотелось и за кабаном бегать.

Матроскин выслушал это угрюмо. Но всё-таки кое-что понял и принял. И такая кислая улыбочка у него на физиономии всё-таки появилась.

А Шарик по-настоящему улыбаться стал всем прохожим. Ему и в самом деле захотелось жить весело и с размахом. И дело с продажей молока и открыток у них веселее пошло.

Только всё равно Матроскин решил, что ничего хорошего им от этой девочки ждать не придётся.

Глава четвёртая

Продолжение происков Матроскина

В тот же вечер они — кот Матроскин и Шарик — отправились к почтальону Печкину. На него и на его колдовскую книгу теперь вся надежда была.

Надо было его попросить, чтобы он отворотное зелье сделал. Чтобы дядя Фёдор от этой девочки отвернулся.

Кот Матроскин сказал:

— Надо бы, чтобы от колдовской печкинской бабушки какая-нибудь польза была.

— И какая же нам будет польза? — спрашивает Шарик.

— А такая. Дадим мы дяде Фёдору зелья, он про эту девочку сразу и забудет.

— Слушай, Матроскин, — говорит Шарик. — А может, эта девочка не такая уж плохая. Видишь, как она нам в торговле помогла. Может быть, потом нам девочка ещё хуже попадётся. Когда нам жениться время придёт.

— Не попадётся! — успокаивал его Матроскин. — К тому времени дядя Фёдор взрослее и умнее станет. Он футболом увлечётся, велосипедом, штангой. И ему будет не до девочек. А если его мама приедет, нам совсем легко станет. Мамы очень не любят, когда их дети влюбляются.

Почтальона Печкина долго уговаривать не пришлось. Он сам давно уже хотел какое-нибудь зелье по книге сделать. Он тоже хотел стать колдуном на полставки, чтобы по вечерам подрабатывать.

Он уже и книжку приготовил, и очки свои в порядок привёл.

И когда Шарик с Матроскиным к нему пришли, он уже был созрелый.

Шарик начал издали:

— У нас дядя Фёдор влюбился.

— Знаю, знаю. Не слепой. Об этом вся деревня говорит. Я теперь для вас самый нужный человек буду. Только что-то я вас не пойму. Чего это вы его любви так испугались. Я вот, когда молодой был, до пенсии, я в продавщицу Лиду Урусову пять раз влюблялся. Как товар хороший завозили.

— Вы не считаетесь, — сказал Шарик. — От вашей любви никому вреда не было, кроме тёти Лиды. А когда дядя Фёдор влюбляется, это всех задевает.

— Не хватало нам только, чтобы он сегодня-завтра женился! — закричал Матроскин. — Нас тогда, может быть, сразу на улицу выставят. Вы нам лучше про свою бабушку и про свою книгу расскажите.

— А чего тут рассказывать, — говорит Печкин. — Была у меня бабушка Терентьева Светлана Романовна — ответственный сельский работник. А по вечерам она подрабатывала. Для заработка. Кого от сглазу лечила, на кого сглаз напускала. Зубы заговаривала, дёрганье снимала. Могла жениха приворожить.

— А как она это делала? — спросил Матроскин.

— Очень просто. Приходит к ней, допустим, соседка Татьяна Семёновна и говорит: «Что-то моя золовка Дарья Частова ведёт себя кое-как: плюётся через забор, на днях в петуха моего поленом кинула». — «Этого мало», — говорит моя бабушка, Светлана Романовна. «Мало?! — кричит Татьяна Семёновна. — А поросёнка моего девятипудового палкой гоняла по своему огороду? А телевизор себе, злодейка, купила, и стиральную машину в сельпе?! Напусти на неё сглаз какой или порчу, или скрюченность какую сильную. Вот тебе за это, бабка Светлана, плошка с яйцами».

— И что из этого получилось? — спросил Шарик.

— А то. Берёт моя бабушка специальную книгу. Раскрывает её где положено. Начинает

шептать что-то. Плеваться через плечо. Какие-то коренья варить. И через три дня результат налицо. Приходит к ней соседка Дарья Частова, вся повышенной скрюченности, и шматок сала несёт. И мёда банку сотового. И говорит: «Смотри, Терентьевна, как меня всю вывернуло. Не иначе как соседка моя Татьяна на меня порчу наслала. Будь добра, поколдуй чуток, чтобы с нею такое же случилось». Ну моя бабка и рада стараться. Книгу свою достаёт, коренья варит. Через левое плечо плюётся. И всё, глядишь, опять удача. Через день и бабка Татьяна скрючилась.

— Скажите, — вмешался Матроскин, — а как насчёт раскрюченности? Это ваша бабушка умела?

— Насчёт раскрюченности хуже, — ответил Печкин. — Опыта не было. Раскрюченность не заказывали. Её всё больше скрючивать просили да сглаз... живать.

— Нам скрючивать никого не надо. Нам отворотное зелье нужно, — сказал Матроскин. — Нам надо, чтобы дядя Фёдор про эту девочку забыл. Мы вам заплатим.

— Будем пробовать, — сказал Печкин. — Будем экспериментировать. Будем дядю Фёдора спасать, деньги зарабатывать.

А Матроскин, между прочим, и не собирался деньгами расплачиваться. Он любил молоком платить.

Почтальон Печкин принёс свою книгу, надел очки и начал читать:

— «Лекарство для похудения... Лекарство от похудения... Лекарство от хромоногости... лекарство для хромоногости... Отвар от глистов и блох... отвар для глистов и блох...»

— Это всё не то, — сказал Шарик. — Ближе к теме. Нам нужен отвар против любви. С блохами нам спешить не надо. Сейчас для блох не сезон. И потом, сейчас ошейники есть специальные.

Печкин дальше листает:

— «Зуд и чесотка... Выпадение волос и зубов...»

Шарик говорит Матроскину:

— А что, если попробовать? Если у дяди Фёдора все зубы и все волосы выпадут, я думаю, никакая девочка его не полюбит.

Кот Матроскин даже рассердился:

— Если у дяди Фёдора все зубы выпадут и все волосы вылезут, я тебя этим отваром каждый день буду поить. Будешь ты у нас всю жизнь бегать замшевый, безмеховый. Как молью поеденный. Тебе придётся шубу дяди Фёдора навыворот надевать. А на голове ты у нас парик носить будешь, как Алла Пугачёва... — Он остановился и на Шарика гипнотически посмотрел. — У нас задача другая: мы должны любовь расстроить, а не дядю Фёдора погубить.

Печкин долго листал свою книгу, что-то шептал, сердился, наконец нашёл в своей книге то, что надо. Он нашёл страницу, где всё про любовь было написано:

«Как расстроить любовь между мужем и женой».

«Как расстроить любовь между матерью и дочкой».

«Как расстроить любовь между сёстрами».

«Как расстроить любовь между молодым человеком и барышней».

— Читайте! — кричит кот.

Печкин начал читать:

— «Чтобы расстроить любовь между молодым человеком и барышней, надо найти большой белый перепончатый гриб — африканец. Он сверху белый, снизу — чёрный. Очистить его и сварить. Бросить в отвар три листика дурман-травы. Посыпать зверобоем. Замаскировать молодой картошкой и подавать к столу вместе со свежей зеленью из крапивы и пустырника».

— И что будет? — спрашивает Шарик.

— А то, что ваш дядя Фёдор сначала очумеет. А потом в себя придёт и про девочку забудет.

— А нет ли там противопоказаний? — спрашивает Матроскин.

— Что это такое? — удивился Печкин.

— А то, что для одних людей лекарство — это лекарство, а у других от этого лекарства голова квадратной становится, и уши хлопать начинают.

— Нет никаких противопоказаний, — кричит Печкин. — Здесь об этом ничего не написано. Или отвораживаем вашего Фёдора от этой девочки, или я спать пошёл.

Матроскин и Шарик посоветовались и решили отвораживать. Создать отвар и угостить им дядю Фёдора.

— Всё, — сказал Матроскин, — завтра сенокос отменяется. Грибосбор объявляем.

— И грибовар, — добавил Шарик.

— Операция под секретным названием «Большое спасение дяди Фёдора» начинается, — сказал почтальон Печкин.

Глава пятая «Большое спасение дяди Фёдора». Начало

Обычно в Простоквашино у дяди Фёдора постоянно звонил телефон. Это мама и папа всё время спрашивали — как здоровье у него и что ему привезти.

Дяди Фёдор всегда отвечал, что здоровье у него нормальное, привозить ничего не надо, только книжки с картинками и мороженое. И ещё кости для Шарика.

И сегодня с утра (в этот операционный день) мама тоже позвонила:

— Мой мальчик, как у тебя дела?

— Дела у меня хорошо, — ответил дядя Фёдор. — Температура у меня нормальная. И вырос я на один сантиметр.

— А что ты делаешь?

— Сижу, читаю Брема. Про слонов.

— А что тебе привезти? — спросила мама.

— Книжки про американские машины и самолёты. И про флаги разных стран. И ещё жевательной резинки несколько пачек. Она для зубов полезна.

Тут в разговор папа вмешался:

— А где Шарик с Матроскиным? Что-то я не слышу, как Шарик на Матроскина воспитательно рычит. А Матроскин его дружественно из дома выталкивает.

— Они за грибами пошли, — говорит дядя Фёдор. — Ещё с утра сегодня.

— А что, уже грибы появились? — говорит папа. — Тогда я к вам завтра же с утра приеду. Я страсть как люблю грибы собирать.

— А что Матроскину в подарок привезти? — спрашивает мама. — Я ему нарядный передник вышила.

— Передник он и сам вышить может, — ответил дядя Фёдор. — Ты ему что-нибудь про бизнес и про культуру торговли привези.

— А чем тр-тр Митю порадовать? — кричит папа.

— Ничем. Мы его и так каждый день творогом радуем, — говорит дядя Фёдор. — Молоко в радиатор заливаем. Он у нас скоро сливочным маслом плеваться начнёт.

Они ещё долго разговаривали.

А Матроскин, Печкин и Шарик в это время уже два часа как по лесу ходили, с комарами сражались.

На комаров в этом году был большой урожай. Такие комары летали, что их можно было палкой сбивать, в корзину собирать и кур ими откармливать. Когда на Печкина восемь комаров село, он упал.

Наши друзья от комаров специальной мазью спасались, повышенной вонючести, и белыми халатами. Комары, как известно, всего белого боятся. Я, например, никогда не видел комара в холодильнике.

Самое трудное было найти этот коварный гриб «африканец». Потому что время для грибов ещё не очень подошло. То есть нет, извините. Время уже подошло, но только для плохих грибов — для поганок, мухоморов, дедушкиных табаков. И всяких там «африканцев». Просто нашим «спасителям» не везло.

Печкин, кот Матроскин и Шарик с корзинками весь лес обыскали. Наконец Матроскин закричал:

— Вот он!

И точно, под трухлявым пеньком стоял молоденький белый гриб. Ровенький, аккуратненький. Вымытый, как столик в кафе. А снизу он был весь чёрный. Видно, его снизу редко промывали. И запах у него был какой-то тухлятенский.

Печкин свою колдовательную книгу из-за пазухи достал, тряпицу развернул, посмотрел на картинку, понюхал её и сказал:

— Точно. Пошли домой целебную картошку с грибами делать.

— А всё остальное? — спросил Матроскин.

— Всё остальное у меня есть.

— Послушайте, — спросил Шарик, — как же мы дядю Фёдора этой отвораживающей гадостью накормим? Принесём ему в тарелочке и скажем: «Дядя Фёдор, поешь этой тухлятинки перед сном»?

Кот Матроскин задумался.

— А мы скажем, что у нашего Печкина день рождения. И что он свою любимую еду для гостей приготовил. Дяде Фёдору и отказаться будет неудобно.

— Он мне ещё и подарок принесёт, — гордо сказал Печкин.

— Этот подарок не будет считаться, — проворчал Матроскин. — Мы его обратно унесём.

«Как же! — про себя подумал Печкин. — Я вам тоже гриба попробовать дам, вы про подарок и забудете». И пошли наши заговорщики к Печкину спасательный отвар готовить в виде грибов с картошкой.

Тут почтальон Печкин свою печку затопил и стал всякие травы доставать сопроводительные: дурман-траву, зверобой, крапиву и картошку молодую.

Матроскин говорит:

— Вообще-то хорошо бы это отворотное средство испытать на ком-нибудь. Проверить его действие прежде, чем дяде Фёдору давать.

— А на ком? — спрашивает наивный Шарик.

Матроскин так, глядя в потолок, отвечает:

— Обычно всякие медицинские лекарства прежде, чем людям давать, сначала на собаках проверяют.

— Чего? — кричит пёс. — А на кошках не проверяют?

— А на кошках не проверяют, — говорит Матроскин.

— А почему?

— Потому что кошки царапаются.

— И ничего подобного! — кричит Шарик. — Не потому, что они царапаются, а потому, что кошка — это не существо, а так, одна шкурка! А собака — друг человека. Собаку ничем не заменишь.

— А кошку чем заменишь? — спрашивает Матроскин.

— Мышеловкой, — отвечает Шарик. — Вот чем!

— Да?! — кричит Матроскин. — И собаку запросто заменить можно.

— Это чем? — спрашивает Шарик.

— А тем, — говорит Матроскин. — В дверь замок поставить. А в собачью будку радиогавкалку запихнуть.

— Вот что, друзья животные, прекратите ссориться. Мы должны работать дружно, в сговоре, — говорит Печкин.

— И потом, от кого ты меня отворачивать собираешься? Не от себя ли? Я и так на тебя смотреть не хочу, всё время отворачиваюсь.

— Ладно, ладно, — успокоил его Матроскин. — Я думаю, это средство не надо проверять. Оно, наверное, уже веками проверено, раз оно в колдовскую книгу попало.

На этом они сошлись и решили испытания не проводить.

А дядя Фёдор ничего не знал, сколько заботы о нём проявляется. Он себе спокойно в гостях у профессора Сёмина чай пил.

Профессор Сёмин его о личной жизни спрашивал:

— Ну, как у вас дела, молодой человек: что у вас в огороде растёт?

— Много чего, — отвечает дядя Фёдор. — Морковь, редиска, картошка сортовая.

— А какая картошка сортовая? — спрашивает профессор Сёмин. — Сейчас вся научная интеллигенция аргентинским картофелем «Лолита Торрес» увлечена. Мне лично академик Воздвиженский — крупный куровод — целый мешок на развод подарил. Все картофелины круглые, как бильярдные шары. А кожура тонкая, можно руками снимать. Могу с вами поделиться осенью.

— У нас картошка из Голландии, — отвечает дядя Фёдор. — Мой папа искусствовед. Он по всем музеям на всех картинах картошку высматривал. И увидел очень хорошую на картине Рембрандта. Там каждая картофелина была размером с кирпич. Она очень кривобокая, но очень большая.

— Я читал про эту картошку в художественной литературе, — сказал профессор Сёмин. — Она так и называется «Рембрандтовская скороспелая». Отдельные экземпляры у неё размером с печатную машинку бывают. Только в ней уж больно кожура толстая. Очисток много. Не навывбрасываешься.

— А мы очистки не выбрасываем. Они как раз нам нужны для коровы и для телёнка. Мы ещё хотим поросёнка завести.

Так они интеллигентно беседовали, пили чай. А девочка Катя портрет дяди Фёдора рисовала. Очень ей дядя Фёдор нравился. Портрет получился просто на диво. Он и сейчас висит в городской квартире профессора Сёмина, Катиного дяди. С названием: «Портрет неизвестного мальчика дяди Фёдора из деревни Простоквашино. Акварель».

Домой дядя Фёдор пошёл очень серьёзно обогащённый знаниями про картошку.

Вечером дядя Фёдор заметил, что Матроскин что-то больно красиво наряжается. Он матроску свою самую любимую выгладил. Бескозырку чернилами подкрасил. И весь вечер песню распевал:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силёнку.
И крепко же, братцы, в селенье одном
Любил я в те поры сгущёнку.

И Шарик всё перед зеркалом крутился, все себе блох из хвоста выкусывал. И тоже напевал:
Я моряк, красивый сам собою,
Мне от роду двадцать лет.
Полюби меня ты всей душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

Матроскин говорит:

— Шарик, а, Шарик, давай песнями меняться. Я тебе про ямщика отдам, а ты мне про моряка. Ведь я же из морских котов, из корабельных.

Шарик не согласен:

— Я сгущёнку не люблю.

Матроскин предлагает:

— А ты тушёнку вставь. «Любил я в те поры тушёнку».

Дядя Фёдор рассердился:

— Эй вы, солисты московской эстрады! Надо правильно петь. Этот дядя из песни не сгущёнку, он девчонку любил в те поры.

Матроскин тогда сказал:

— А раз так, надо эту песню тебе, дядя Фёдор, подарить. Она тебе больше подходит. Очень хорошая песня.

И они с Шариком так намекаательно переглянулись. А дядя Фёдор ничего не понял. Он же с девочкой Катей просто дружил.

Шарик дядю Фёдора просит:

— Причешу тебя, дядя Фёдор.

— В чём дело, Матроскин? — спрашивает дядя Фёдор. — Куда это вы с Шариком собрались?

— Как куда? — отвечает Матроскин. — Сегодня у нас всенародный праздник. День почты.

Дядя Фёдор говорит:

— Ну и что?

Шарик объясняет:

— А то. В этот день все почтальоны нашей страны родились. Значит, и почтальон Печкин тоже. Мы к нему на день рождения идём.

— Ой, — говорит дядя Фёдор. — А что же ему подарить?

Матроскин отвечает:

— Он велосипеды любит.

Шарик добавляет:

— И сумки почтовые.

— Нет, — не соглашается дядя Фёдор. — У нас у самих велосипедов нет. Мы вот как сделаем. Мы к нему девочку Катю на праздник позовём. Пусть она ему портрет нарисует.

У Матроскина от этой Кати вся шерсть во всех местах дыбом встала. Он вдвое толще получился. Но он героически смолчал.

Дядя Фёдор, конечно, Шарика искупал, причёсал его и вместо ошейника красивый бант ему на шею повязал, синий. И спрашивает:

— Слушай, Шарик, вот я тебя причёсывал, ты весь в синяках и шишках. Почему?

Шарик отвечает:

— Это всё из-за Матроскина.

— Вы что, с ним подрались?

— Да нет. Он попросил меня его корову подоить.

— Ну и что? — удивился дядя Фёдор.

— А то. Она всё время хвостом хлестала.

— Ничего не понимаю, — говорит дядя Фёдор. — А синяки-то отчего?

— А от того, — кричит Матроскин, — что он моей корове на хвост молоток привязал!!!

— Это зачем? — спросил дядя Фёдор.

— А затем! — хмуро ответил Шарик. — Думал притормозить.

Дядя Фёдор тогда сказал:

— Хорошо ещё, Шарик, что ты кувалду на хвост не привязал. А то бы мы сегодня не на день рождения, а на похороны собирались.

Вечером они все вместе к Печкину в дом зашагали.

По дороге к девочке Кате зашли.

Она взяла кисти и холст. Приготовилась портрет рисовать. И название у неё было приготовлено:

«Портрет сельского почтальона Печкина в сельской местности. Музей города Ярославля. Масло».

В доме у Печкина мебели не густо было. Печь огромная, стол, шкаф и три табуретки. Ещё радиоточка. Для такого большого количества гостей пришлось у соседней лавку брать. Печкин гостям обрадовался, чаю накипятил, баранок на стол положил очень много. Если на столе сначала спичку положить как цифру один, а потом эти баранки, цифра в много-много миллиардов рублей получилась бы. И ещё всякое варенье кругом стояло и конфеты.

А отдельно в углу на печке под крышкой специальное блюдо для почётных гостей вкусно картошкой пахло.

— Дорогой Печкин, — сказали наши гости, — поздравляем тебя с днём рождения.

Девочка Катя добавила:

— Сейчас мы все будем чай пить. А вы, Игорь Иванович, сидите и не шевелитесь. Я буду вас рисовать.

Печкин успел одну баранку схватить, тарелочку с конфетами придвинуть и сел у окошка. Потом говорит:

— Нет, так неправильно. И так никто не догадается, что я почтальон. При мне сумка должна быть и велосипед.

Он быстро сбегал в сарай, прикатил велосипед, надел на себя плащ почтальонский и сумку. И только тогда уселся у окошка.

Получилось очень красиво. Потому что ещё вдобавок к Печкину в окне было много природы с речкой.

Дядя Фёдор говорит:

— Я сейчас хочу загадку загадать. Она очень к теме относится. Хотите?

— Конечно, хотим!

— Тогда слушайте:

Кто стучится в дверь ко мне

С толстой сумкой на ремне?

Это он, это он,

Это сельский...

— Мальчуган, — догадался Шарик.

— Почему мальчуган? — удивился дядя Фёдор. — И зачем ему толстая сумка?

— Как зачем? — отвечает Шарик. — Макулатуру собирать. У нас в городе мальчишки всегда макулатуру собирали.

— Да никакой это не мальчуган. Это же специальное поздравительное стихотворение. Слушайте внимательно:

Кто стучится в дверь ко мне

С толстой сумкой на ремне?

Это он, это он,

Добрый сельский...

— Председатель! — радостно закричал Шарик. — Какой такой председатель?! — удивился дядя Фёдор.

— Председатель колхоза.

Дядя Фёдор спрашивает:

— А сумка здесь при чём?

— Налоги собирать. Он с сумкой за налогами пришёл.

Дядя Фёдор даже обиделся. Но тут его девочка Катя выручила. Она сказала:

Это он, это он,

Добрый сельский почтальон.

Живёт он возле речки,

Наш знаменитый Печкин.

Очень хорошее поздравительное стихотворение получилось.

Тут и Шарик завёлся:

— Я хочу свой вклад внести. Я тоже хочу этот праздник увековечить.

Он за своим фоторужьём помчался. Прибежал и стал всё и всех подряд фотографировать. Чтобы можно было потом из отдельных снайперских кусочков большое праздничное фотополотно создать.

Тут Печкин разошёлся. Решил для гостей русскую народную песню спеть. И так жалостливо запел:

Степь да степь кругом,

Путь далёк лежит,

Там, в степи глухой,

Замерзал ямщик...

В конце он даже заплакал:

— Эта песня про моего дядю.

— Почему? — удивились все.

— Он тоже глухой был.

Портрет Печкина был почти готов.

Печкин в плаще и с сумкой сидел на велосипеде около стола с блюдечком чая в руках и смотрел вдаль на природу. Очень он был похож на полководца Суворова перед Альпами.

Все были довольны портретом, кроме Матроскина. Опять эта Катя высовывается. И так дядя Фёдор с неё глаз не сводит.

Кот Матроскин таким ласковым голосом сказал:

— Дядя Фёдор, а уже грибы пошли. Мы специально для тебя один гриб поджарили. Хочешь попробовать?

— А вы как же? — спросил дядя Фёдор.

— А мы уже ели.

— Ладно, — говорит дядя Фёдор. — Давайте ваш гриб.

Матроскин ему торжественно гриб принёс, и дядя Фёдор начал его пробовать.

— Тьфу ты! — говорит он. — Какой удивительный гриб!

— Почему удивительный? — спрашивает Матроскин.

— Удивительно невкусный. Мочалку в гуталине напоминает. А что, других грибов в лесу не было?

— Не было, не было, — говорит противный Матроскин. — Один гриб на весь лес только и был.

— Лучше бы вы его в лесу и оставили. Может быть, он бы дозрел и вкуснее стал. А может быть, просто бы сгнил. Спасибо. Очень невкусно было. Мне больше не надо.

Тогда решили на этом праздник заканчивать. А дядю Фёдора домой спать повели.

Около дома девочки Кати они расстались. Договорились завтра с утра новые журналы географические смотреть, которые Катиному папе из Америки пришли.

Матроскин даже грустит:

— Завтра дядя Фёдор про Катю забудет. Значит, журналы смотреть не придётся. А там, наверное, так много про моря и океаны. Поторопились мы с этим колдовством.

Как только они в свой домик пришли, дядя Фёдор сразу спать захотел.

— Что-то у меня эта кружится... как её... голова. Положите меня спать. На эту, как её... кровать.

Кот и пёс его быстро раздели и на кровать положили.

Дядя Фёдор попросил:

— Матраскин, принеси воды мне попить.

— Я Матроскин, — обиделся кот.

— Давай я принесу, — сказал Шарик и воду принёс. — Вот, пей, дядя Фёдор.

— Спасибо тебе, Квадратик.

— Я не Квадратик, — обиделся Шарик.

— Ах, да! Я забыл. Спасибо, Кубик, — сказал дядя Фёдор и заснул.

Глава шестая

Ещё одно спасение дяди Фёдора. Уже настоящее

Утром раньше всех проснулся «Матраскин». Он встал с хорошим настроением. И стал думать: а почему он такой радостный?

Он вспомнил. Сегодня средство против девочки Кати должно сработать. Дядя Фёдор про неё забудет.

Он Шарика растолкал:

— Шарик, давай праздничный завтрак готовить.

— А что? — спрашивает Шарик. — К нам девочка Катя придёт?

— Наоборот, — говорит Матроскин. — В том-то и праздник, что мы от этой девочки избавились.

— А мне жалко, — говорит Шарик, — что мы от неё избавились.

— Ты не жалеяй, а лучше на стол накрывай. Тащи всё самое вкусное. Кашу там молочную, яичницу. Какао и масло с белым хлебом.

Шарик всё это выполнил. Ещё и белую скатерть подо всё подстелил.

Тут и главный колдун на полставки появился — Печкин.

Сели они все у кровати дяди Фёдора и стали ждать.

И вот дядя Фёдор глаза открыл. Посмотрел на всех внимательно. На потолок, на стены, в окошко. И говорит:

— Где я?

Шарик быстро понял — доигрались.

А Матроскин и Печкин ещё ничего не поняли.

Матроскин даже пошутил:

— На Луне, вот где.

— А почему я на Луне? — спрашивает дядя Фёдор.

Печкин стал объяснять:

— Ты, дядя Фёдор, во сне летал, летал, вот и долетался.

Дядя Фёдор смотрит на Шарика, Матроскина и Печкина и спрашивает:

— А вы кто? Марсиане?

— Почему марсиане? — удивился кот. — Если мы на Луне, мы — луняне.

— А почему вы небритые? — спрашивает дядя Фёдор.

— Потому что мы не марсиане, — объясняет Печкин. — Мы — простоквашинцы.

— А чего вы делаете на Луне? — спросил дядя Фёдор.

Тут все запутались.

Шарик говорит:

— Ты что, дядя Фёдор, нас не узнаёшь?

— А кто вы такие? — спрашивает дядя Фёдор.

— Мы твои друзья. Мы тебя от одной девочки отворачивали.

— Зачем? — спрашивает дядя Фёдор.

Шарик говорит:

— Чтобы ты умнее стал и нас полюбил.

— И как, получилось? — спрашивает дядя Фёдор.

— Не знаю, — говорит Матроскин.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось. Но тут папа дяди Фёдора входит. У него в руках большая корзина для грибов и сумка с вкусными продуктами.

Он к дяде Фёдору бросился:

— Сынок, дорогой, я так по тебе соскучился. Наконец-то мы вместе за грибами пойдём.

Дядя Фёдор спрашивает:

— А вы тоже марсианин?

— Какой марсианин? Я же твой папа с планеты Земля, — говорит папа дяди Фёдора.

— И что вы здесь делаете, на Луне? — спрашивает дядя Фёдор.

— Ничего не делаю. Я за грибами собираюсь.

— А разве на Луне грибы растут? — поражается дядя Фёдор.

Тут и до папы дошло, что с дядей Фёдором не всё в порядке. Он стал Матроскина и Шарика расспрашивать, в чём дело. Матроскин и Шарик всё ему рассказали. И про девочку Катю, которая всё знает и очень красивая. И про гриб африканский. И про то, что почтальон Печкин — на полставки колдун.

Папа в ужас пришёл. Он за голову схватился и стал срочные меры принимать — самые необходимые. Он маме позвонил. Мама была в Москве. Она решила врача-психиатра разыскать, самого знаменитого. Стрельцова Владимира Владимировича. И привезти к дяде Фёдору.

Она к нему в институт психиатрический позвонила:

— Мне срочно нужен доктор Стрельцов. Мне надо с ним поговорить.

А ей по телефону отвечают:

— Вы что? Знаменитый психиатр Владимир Владимирович в отпуске. Он в самом модном месте отдыхает, в Простоквашино.

Мама срочно об этом нашим сообщила.

И тогда все наши на поиски Стрельцова бросились. А где его искать? На пляже, в лесу за грибами, на лодке, на фотоохоте? И как он выглядит?

Шарик, Матроскин и Печкин с папой везде бегать начали.

Как они видели человека, похожего на учёного, они немедленно подбегали к нему и спрашивали:

— Вы, случайно, не знаменитый учёный Стрельцов?

И люди им по-разному отвечали.

Видит пёс Шарик: на полянке в лесу сидит человек с бородой в вязаной кофточке, в годах уже. Весь книгами учёными обложенный. А глаза добрые, как у прокурора.

Такого человека даже спрашивать не надо. Любому дураку ясно, что это не учёный-психиатр. Крупному учёному никаких книг не надо. Он и так всё знает. Он сам книги пишет.

Значит, это студент. Или аспирант какой-нибудь. И Шарик мимо бежит.

А вот видит Шарик — на лошади едет человек. В городском костюме, глаза умные и никакую книгу в руках не держит. Да ещё толстый. Сразу чувствуется, непростой человек.

Шарик спрашивает:

— Вы учёный?

— Учёный, — отвечает человек.

— Большой учёный? — допытывается Шарик.

— Да так себе, в пределах нормы. А что?

— А как ваша фамилия?

Человек отвечает:

— Святослав Фёдоров. Я глаза лечу. Зрение улучшаю.

— Тогда вы мне не нужны, — говорит Шарик.

— Понятно, — говорит Фёдоров. — Вам тот нужен, кто мозгами занимается.

В это время Матроскин другого человека встретил на берегу реки. Человек непростой, весь в лозунгах и формулах.

Бывает, люди на манжетах мысли записывают, а этот даже на самом себе. Ему, наверное, разные идеи в голову ночью приходили, а записать было негде. Видно было, что и обеспечен он хорошо. Цепь золотая на нём, как у кота учёного.

Матроскин так вежливо спрашивает:

— Гражданин отдыхающий, можно к вам обратиться?

— Тамбовский волк тебе — гражданин отдыхающий, — ответил учёный. — Чего тебе надо?

Матроскин даже растерялся от такого ответа и спрашивает:

— Вы, случайно, не являетесь авторитетом в психиатрической области?

— В какой области?

— В психиатрической, — поясняет кот. — Нам надо одного мальчика в разум привести.

— В Псковской области я являюсь авторитетом, — говорит учёный. — Там мы любого мальчика тебе в разум приведём. Даже дяденьку.

Матроскин испугался этого сурового учёного. Уж больно он учёный был. И скорее сбежал.

Печкин самым правильным путём пошёл. Он пришёл на почту и стал письма разбирать. Видит, одно письмо Стрельцову В. В. адресовано. Там и адрес был:

Улица Пушкина, дом Кукушкин,

для Стрельцова В. В.

По этому адресу немедленно папа дяди Фёдора и пошёл.

Там он нашёл того дедушку в кофте, который книги на пеньке читал. Которого Шарик за аспиранта принял.

Папа сразу к профессору Стрельцову бросился:

— Наш мальчик чего-то ничего не понимает. Он как будто на Луну попал.

— А почему? — спрашивает психиатр.

— Да потому, что мы его грибами накормили отворотными, — признался Шарик.

— Какими такими грибами?

— С дурман-травой. Чтобы он одну девочку забыл, в которую влюбился.

— Интересный случай, — говорит профессор. — Скорее ведите меня к этому мальчику.

Его скорее к мальчику привели. Он стал у дяди Фёдора спрашивать:

— Ты помнишь, как тебя зовут?

— Дядя Фёдор.

— Почему же ты дядя, когда ты мальчик?

— Не знаю.

— А кто это рядом с тобой?

— Марсианская собака, которая с Луны.

— Правильно, молодец. А это кто? — доктор показал на Матроскина.

— Кот-луноход.

— Молодец, мальчик. А вот это кто? — Он подвёл к дяде Фёдору Печкина.

— Марсианский почтовый.

Профессор Стрельцов задумался и говорит:

— Тяжелый случай. Галлюцинозный бред с выпадением памяти.

Потом он подумал и спросил:

— А есть у вас фотография этой девочки?

— Зачем фотография! — кричит Матроскин. — Мы сейчас её самую живьём приведём.

Побежали за девочкой Катей. По дороге Матроскин и Шарик ей всё объяснили. И про любовь, и про африканский гриб с дурман-травой. И про то, как дядя Фёдор марсианином стал.

— Вас в подвал бы посадить за такие дела вместе с вашим Печкиным, — сказала Катя. — И этими грибами забросать с ног до головы. Чтобы вы тоже на недельку марсианами сделались.

А пока кот и пёс за девочкой бегали, папа объяснил профессору Стрельцову, почему дядю Фёдора дядей звать. Потому, что он очень серьёзный мальчик и воспитанный.

Вот Катя пришла. Подвели её к дяде Фёдору. Профессор спрашивает:

— Дядя Фёдор, знаешь ли ты эту девочку?

Все замерли.

— Знаю, — говорит дядя Фёдор. — Это девочка Катя. Её дядя профессор Сёмин. Он зверей изучает. Она из Америки вместе с папой приехала.

Профессор Стрельцов вздохнул и перекрестился даже.

— Ну так вот. Катя и ты, дядя Фёдор, идите погулять в лесу, и в поле, и на речке и поговорите обо всём. Я думаю, к дяде Фёдору скоро память вернётся.

Катя взяла дядю Фёдора за руку и в поле повела.

— А вы знаете, дядя Фёдор, сколько у вас недостатков? У меня даже целый список есть.

— Откуда? — спросил дядя Фёдор.

— Ваши друзья приготовили.

И они ушли в поля и реки деревни Простоквашино.

— А вы, приятели дорогие, — обратился профессор Стрельцов к Печкину, Шарик и Матроскину, — вы сами себе наказание придумайте.

Они задумались, и все стали затылки чесать. Такое с ними в первый раз в жизни случилось — наказание себе самим придумывать.

Тут и мама на такси приехала. А с ней тётя Тамара, её сестра из военных.

Как только Печкин маму увидел, а особенно её сестру тётю Тамару, он тихо так Матроскину говорит:

— Всё. Я для нас наказание придумал. Уходим в партизаны. На месяц. И ни на секунду не откладываем.

И все трое они бросились бежать в сторону леса. КОНЕЦ

Дядя Фёдор идёт в школу, или Нэнси из интернета в Простоквашино

Глава первая

Дядя Фёдор собирается учиться

Время в Простоквашино медленно, но неуклонно шло в сторону увеличения: год прибавлялся к другому, а не наоборот. И скоро дяде Фёдору исполнилось шесть.

— Дядя Фёдор, — сказала мама, — а ведь тебе пора в школу идти. Так что мы заберём тебя в город.

— Почему в город? — вмешался кот Матроскин. — У нас в соседнем селе Троицком прекрасная школа открывается, типа гимназия-лицей.

— Знаем мы эти сельские школы! — сказала мама. — Вечная нехватка учителей. Плохое преподавание языков.

— Знаем мы эти городские! — сказал Матроскин.

— А что?

— Вечно курят в туалете. Плохое влияние улицы.

Этот разговор происходил ярким летом в июне, когда мама Римма и папа Дима в свой отпуск приехали к дяде Фёдору и коту Матроскину на дачу отдыхать.

В разговоре принимал участие и почтальон Печкин. Он сказал:

— Первый класс, это подготовительный. Он два раза в неделю. И в деревне и в городе он одинаковый.

— Откуда вы знаете, Игорь Иванович? — удивилась мама.

— А я и сам собираюсь в школу ходить.

— Как так в школу? — спросила мама. — Разве вы не учились раньше?

— Учился, — грустно сказал Печкин. — Только плохо учился, прогуливал. Курил на переменах. Кое-как закончил с тройками. Я теперь хочу всё снова начать. Я буду стараться. Я с первого класса отличником стану. И так дальше пойду. Я хочу золотую медаль получить.

— Ой, — сказал папа. — Какая прекрасная идея. Может быть, я тоже в школу с начала пойду.

— Тебе, папа, надо не со школы начинать. Тебе с детского сада начинать надо, — сказала мама Римма. — Мне твоя бабушка рассказывала, что ты уже в детском саду был запущенный, плохо себя вёл. А Игорю Ивановичу большое спасибо за шутку.

— Это не шутка, — серьёзно ответил Печкин. — Я это твёрдо решил. Ещё я буду детям труд преподавать: как почтальоном работать, как правильно почтальонскую сумку носить.

— А как быть с языками? — спросила мама. — Детей языкам учить надо как можно раньше. В вашем Простоквашино пока я ни англичан, ни немцев не встречала.

— Мы язык будем по компьютеру изучать, — объяснил дядя Фёдор.

— Это кто же тебя, дядя Фёдор, такому научил? — ахнула мама.

— Это профессор Сёмин научил, — ответил Матроскин. — Мы часто к нему в гости ходим.

— Вот пусть он вам компьютер и покупает, — решила мама.

— Он собирается себе покупать, — открыл тайну Шарик, — а нам свой старый отдаёт. Поношенный, но совсем новый.

— Задаром? — удивилась мама.

— Нет, — ответил Матроскин. — Я ему всё лето свежее молоко носил.

— Он нас и к Интернету подключит, — сообщил дядя Фёдор.

— Как! — ахнул папа.

— А так, — ответил Шарик. — У нас же есть телефон.

— Дела! — удивился папа. — Я смотрю, наше Простоквашино такое передовое в смысле науки, что вы впереди всей планеты идёте.

После этого папа с мамой срочно решили погулять, на летнюю природу посмотреть. А сами устроили производственное совещание.

— Дмитрий, что будем делать? — спросила мама. — Так мы скоро ребёнка потеряем.

— Почему? — удивился папа.

— Потому что с этими Интернетами он скоро умнее нас сделается.

— И слава Богу!

— Какая же тут слава? Он нам будет про Интернет говорить, про выходы во все библиотеки мира, во все музеи, на все научные конференции, а мы в ответ про хорошую погоду на завтра. Он с нами по-английски, а мы ни «бе» ни «ме».

— Значит, нам тоже придётся компьютер покупать, — решил папа.

С этими невесёлыми мыслями папа и мама вернулись с прогулки. И очень скоро уехали в город.

Глава вторая

Первые шаги по интернету

Девочка Катя, с которой очень дружил дядя Фёдор, собрала на даче своего дяди — профессора Семина — учебный семинар по Интернету. Она хотела поделиться своими научными знаниями.

В семинар входили дядя Фёдор, пёс и кот. Старостой кружка был назначен почтальон Печкин.

Они собрались на огромной светлой дядиной веранде, окружённой зелёным плющом.

На столе стоял большой сверкающий самовар и большой светящийся экран компьютера. Перед ним лежала клавиатура.

Каждому участнику дали вкусный бублик и стакан чая. В стороне в кресле-качалке с ярким журналом в руках сидел сам профессор Семин. Он был наблюдателем.

Катя сказала:

— За окном светит солнце и клюёт рыба. Но мы не будем обращать на это внимание, мы будем учиться. Почтальон Печкин, проверьте по списку, все ли участники семинара на месте.

Печкин взял список и прочитал:

— Дядя Фёдор.

— Здесь, — ответил дядя Фёдор.

— Животные, — сказал Печкин.

— Что ещё за животные? — удивилась Катя.

— Звери, — поправился почтальон.

— Какие звери?

— Пёс и кот.

— Мы здесь, — отозвались Шарик и Матроскин.

— Это другое дело, — строго сказала Катя. — Только запомните, что у них ещё есть имена. А то они вас, Игорь Иванович, будут называть человекообразным.

Почтальон Печкин очень испугался, что его будут называть человекообразным, и больше Шарика и Матроскина животными не называл.

Катя начала занятия. Она сказала:

— Все вы знаете, что такое телефон. Это такая сеть из телефонных проводов, которая объединяет людей. По телефону вы можете позвонить куда угодно и можете узнать всё, что хотите. Вы можете поговорить с товарищем, можете спросить расписание поездов и самолётов. По телефону вы можете вызвать врача. Но этого современному человеку мало.

— Заелись, — сказал Печкин.

— Нет, не заелись, — ответила Катя. — Просто повысился технический уровень. Современный человек хочет, не выходя из дома, побывать на выставке картин. Хочет посмотреть нужное ему кино. Хочет прочитать нужную ему книгу. Получить газету или письмо. И всё это можно делать через Интернет.

— Если все будут письма через ваш интернат получать, — спросил Печкин, — что же тогда будут делать почтальоны?

— Они будут разносить посылки, — ответила Катя. — Передавать посылки по Интернету ещё не научились.

Печкин облегчённо вздохнул, а Катя продолжила:

— Если телефонная сеть — это связанные проводами телефонные аппараты... То Интернет... Интернет, а не интернат, дядя Печкин... то Интернет — это связанные проводами компьютеры всех стран.

Катя включила компьютер и вызвала на экран картинку Интернета.

— Теперь мы выбираем то, что нас интересует: транспорт, то есть всё о поездах и самолётах. Культуру, то есть всё о выставках, концертах. Книги, то есть мы можем войти в любую библиотеку мира и вызвать на экран страницы любой книги.

— Как мы выбираем? — спросил дядя Фёдор.

— Очень просто, — ответила Катя. — Видите, у меня в руках «мышка».

В руках у Кати была пластмассовая «мышка», хотя это была, скорее, пластмассовая «черепашка». Она была соединена проводом с компьютером. И когда Катя катала эту «мышку» по столу, на синем экране бегала чёрная стрелка.

— Я наезжаю стрелкой на нужное слово, например «МУЗЕИ», и нажимаю специальную кнопку, — объяснила Катя. — На экране появится список музеев, которые мы можем посетить.

— Что, прямо не выходя из дома? — спросил Печкин.

— Прямо не выходя из дома, — ответила Катя. — Их картины сами придут к нам на экран.

— Такой способ ходить в музеи мне очень нравится, — сказал Матроскин. — И одежду в гардероб сдавать не надо. И никто не скажет: «Что это вы собак и кошек в музей напустили!»

— А ещё можем наладить переписку с любым человеком, — сказала Катя.

— Давайте наладим переписку с какой-нибудь симпатичной тётенькой, — предложил Печкин.

— Можно попробовать, — решила девочка. — В Интернете есть специальное место, где печатаются объявления: где что продаётся, кто с кем хочет познакомиться.

Катя нашла на экране компьютера слово «ОБЪЯВЛЕНИЯ» в рамочке, наехала на него стрелкой, нажала кнопку, и появилось первое объявление, которое сам компьютер перевёл на русский язык:

Продаётся высокопородная скаковая лошадь Нарцисс на полном ходу. Недорого. В очень

хорошие руки, человеку не старше восьмидесяти лет, умеющему владеть фотоаппаратом.

Печкин сразу же сказал:

— Это мне.

— Почему это вам, Игорь Иванович? — спросила Катя.

— Чтобы посылки развозить, — ответил Печкин. — Только у меня фотоаппарата нет. Мне придётся ещё и фотоаппарат покупать.

— А при чём тут вообще фотоаппарат? — спросил фотоохотничий Шарик.

— Наверное, эту лошадь продаёт женщина, которая её очень любит, — вмешался профессор Сёмин. — Она хочет, чтобы ей присылали фотографии про неё.

Например: «Лошадь Нарцисс гуляет в поле» или «Лошадь Нарцисс ест батон из рук своего хозяина».

— А что значит «недорого»? — спросил Матроскин. — Сколько это в рублях?

— Сейчас узнаем, — сказал профессор Сёмин и заколдовал с компьютером.

Лучше бы он не узнавал, потому что из Интернета им пришёл ответ такой, что нули не уместились на экране.

— А что ещё есть интересного в объявлениях? — спросил подоспевший почтальон.

— Читаем, — сказала Катя:

Кружок любителей марок QQ-A приглашает всех желающих вступить в его ряды. У нас есть представители всех материков: два испанца, два англичанина, одна француженка, один мексиканец и один нигериец из Антарктиды.

— Марки — это для меня, — снова первым сактивничал Печкин. — Это чисто почтальонское дело. Пусть они меня в этот кружок принимают. Надо скорее подавать заявление.

— Я бы не спешил, — сказал профессор Сёмин.

— Почему? — удивился Печкин.

— Потому что КУ-КУ-А — это может быть не почтовые марки, а марки автомашин или холодильников. Или телевизоров, например, или дельтапланов.

Печкин даже глаза вытаращил.

— Вот какой марки у вас холодильник? — спросил профессор.

— Никакой, — ответил Печкин. — У меня нет холодильника.

— А какой марки у вас телевизор? — спросил профессор.

— Никакого нет, — сказал почтальон.

— Ну, а автомобиль у вас какой марки?

— Нет у меня автомобиля! — закричал Печкин. — Велосипед марки «Ха-кив» у меня!

— Как же это так? — удивился профессор Сёмин. — Это же надо уметь, чтобы всю жизнь проработать и ничего не приобрести.

— Да у нас полстраны таких умельцев! — обиделся почтальон Печкин. — Вы бы меньше по своим Африкам разъезжали, больше бы про нас бы знали!

— Ладно, ладно, — успокоил Печкина дядя Фёдор. — Эрик Трофимович в Африку ездил не загорать: он язык крокодилов изучал, а это очень важно для страны.

Эрик Трофимович спросил:

— Что это за марка такая велосипедная «Ха-кив»? Я такой никогда не слышал.

— Это велосипед «Харькив» у него, — объяснил Матроскин, — просто две средние буквы стёрлись.

— Но вернёмся к объявлениям, — сказала Катя.

— Да, да. Давайте вернёмся, — согласился Печкин. — Мы начали искать тётеньку для переписки.

— Вот здесь есть одна очень интересная весточка, — сказал профессор Сёмин. — Приготовьтесь.

Все, всем семинаром приготовились слушать интересную весточку. Эта весточка была на английском языке. Профессор перевёл на русский:

Легко ранимая, тонкая, интеллектуально настроенная натура ищет братьев по чувствам. Я пришла на Землю как Одинокая Утренняя Звезда.

Где вы, мои сомыслители?

Я задыхаюсь без товарищей по разуму.

Люди рождены для счастья, как рыбы для воды.

Разыщите меня для контактов, братья по мысли! Отзовитесь!

Присылайте ваши предложения. Мой адрес: Нэнси — u@@@ — 13200 С.

— Это опять про меня! — закричал почтальон Печкин. — Мне тоже нужны братья по чувствам. Я тоже ищу сомыслителей. Я тоже рождён для счастья, как рыба для воды. Давайте разыщем эту Одинокую Утреннюю Звезду. Давайте срочно отзываться.

Профессор чувствовал себя виноватым перед Печкиным, что посчитал его бездельником, поэтому он сказал:

— Хорошо. Будем отзываться. Разыщем вашу Звезду. Взойдёт она над небосводом Простоквашино как символ сегодняшнего мирового времени.

Они долго сочиняли, а потом отправили по адресу: «Нэнси — u@@@ — 13200 С» такое письмо, переведённое профессором на английский язык:

Мы очень заинтересованы в контактах с Утренней Звездой. (Особенно Утренний Полумесяц — почтальон из деревни Простоквашино, Печкин Игорь Иванович.) Давайте мыслить вместе. Только мы пока не знаем о чём. Вы смело начинайте, а потом мы к Вам подключимся.

Наш адрес по Интернету такой: «Простоквашино — @@@@ проф. Семин, Россия».

На этом первое занятие по Интернету закончилось. Все интернетчики разошлись по отдыхательным местам.

Глава третья

Дядя Фёдор ходит в подготовительный класс

Почтальон Печкин очень серьёзно относился к поступлению в первый класс. Он пошил себе школьную форму синего цвета с погончиками. Купил ученический рюкзак с кармашками, тетрадки, пенал и много всяких карандашей-ластиков. Он даже помолодел, весёлый стал, его просто было не узнать.

По утрам, вместе с дядей Фёдором, Печкин стал ходить в соседнее село Троицкое на подготовительные курсы для поступающих в первый класс.

Как только пастух дядя Шура с лесопилки выгонит в Троицкое коровье стадо на высокий барский холм к церкви, все безо всяких часов понимали, что уже девять. И со всех деревень, изо всех мест к троицкой школе струйками начинали тянуться дети.

Там их принимала молодая сельская учительница Ольга Васильевна Узорова.

Ольга Васильевна задавала будущим ученикам всякие сложные вопросы. Например:

— Сколько будет, если к двум прибавить пять?.. А сколько будет, если к пяти прибавить два?

И путём таких вопросов она выясняла степень готовности прогрессивной сельской молодёжи к получению знаний.

Одно занятие она посвятила загадкам. Она спросила подготовишек:

— Зимой и летом одним цветом. Что это такое?

Будущие ученики отвечали:

— Ёлка!

— Ёлка!

— И ещё сосна!

— Правильно, — похвалила их Ольга Васильевна и задала более сложный вопрос: — Висит груша, нельзя скушать.

Малыши хором отгадали:

— Лампочка.

— Опять правильно, — сказала учительница. — А что вот это такое: «Не лаает, не кусает, а в дом не пускает?»

Все ребята, а их было много — целых восемь человек, в том числе дядя Фёдор, руки потянули, чтобы ответить, что это замок.

Печкин думал-думал и тоже руку поднял. Учительница его спросила:

— Так что же это такое, Игорь Иванович?

Печкин ляпнул:

— Вахтёрша.

Ольга Васильевна его похвалила:

— Вы просто молодец! У вас, почтальон Печкин, нестандартное мышление. А по-правильному — это не вахтёрша, это замок.

— Или дверь, — сказал дядя Фёдор.

— Верно, — согласилась учительница. — И у тебя, дядя Фёдор, нестандартное мышление.

После этого Ольга Васильевна сказала:

— А сейчас мы будем придумывать рассказ по картинке.

Она показала картинку. На ней был нарисован зелёный лужок, рыжая корова с телёнком, красный домик, усатый дядя в шлеме и мотоцикл с коляской. А в коляске сидел поросёнок.

Один мальчик, Кураков Ваня, решил, что мотоциклист, дядя Вася-фермер, приехал с ярмарки. А поросёнка он в подарок для жены тёти Маши купил.

Маленькая девочка Клава, из городских, сказала, что этот мотоциклист, дядя Вася-фермер, привёз поросёнка Борю в гости к корове Бурёнке на день рождения.

— А что он подарил этой корове? — спросила учительница. — Этот Боря?

Девочка не знала, что сказать.

— Он ей цветы привёз, — сказал почтальон Печкин.

— Где же эти цветы? — спросила учительница.

— Она их съела, — объяснил Печкин.

— А что вы сами, Игорь Иванович, можете сказать, глядя на эту картинку? — спросила Ольга Васильевна Печкина.

Почтальон Печкин сказал так:

— Всё это выдумки. Просто этот ваш дядя Вася-фермер собрался на колбасную фабрику.

— А поросёнок зачем? — спросила городская девочка Клава.

Все замолчали, не зная, что ей сказать, чтобы не расстраивать. Один дядя Фёдор нашёлся:

— А поросёнок — чтобы мотоцикл охранять. Это специальный такой сторожевой поросёнок. Если чужой дядька к мотоциклу подойдёт, поросёнок начнёт грозно хрюкать и на него бросаться.

Кот Матроскин и Шарик в подготовительный класс не ходили. Они стеснялись. Они в домашних условиях занимались. Писать они кое-как умели, а со счётом у них хуже было.

Скажет дядя Фёдор Шарик:

— Если к восемнадцати прибавить три? Что получится?

Шарик никак сложить не может. Он всё допытывается, чего восемнадцать?

— Например, поленьев.

— Если к восемнадцати поленьям три прибавить, то поленица получится.

— А если это не поленья, а косточки?

Тогда у Шарика всё мигом складывалось:

— Если к восемнадцати костям три кости прибавить, то будет двадцать одна кость. Это уже целый суп выходит.

Кот Матроскин очень хорошо сосиски складывал. Или котлеты. Или сосиски с котлетами. А вот сложить хлеб с колбасой он никак не мог. У него всё бутерброды получались.

Дядя Фёдор им тоже решил загадку загадать:

— Что это такое: «Сидит девица в темнице, а коса — на улице?»

Шарик и кот Матроскин долго думали и не знали, что сказать. Потом Матроскин так решил:

— Это девица косила траву в запрещённом месте. Её арестовали и посадили. А коса — на улице осталась.

Дядя Фёдор так и не понял, какое у него мышление — нестандартное или обычное, такое как у всех.

Глава четвёртая

Кот Матроскин спасает палеонтологический музей

В Простоквашино дожди бывают трёх видов. Грибные — это когда солнце и дождь вместе. Помидорно-огурцовые — это когда полдня дождь, полдня солнце. И капустные. Это когда целую неделю дождь напролёт и никакого тебе солнца в помине.

Занятия в кружке у Кати по Интернету продолжались.

В этот раз занимающимся сильно повезло. На улице лил капустный дождь, и ничто не отвлекало Матроскина, Шарика, дядю Фёдора и Печкина от занятий.

Проводила занятия Катя, а помогал ей сам профессор Сёмин.

— Чем мы займёмся в этот раз? — спросила Катя участников семинара.

— Как — чем? — сказал дядя Фёдор. — Мы уже давно собирались сходить в музей. Мы давно в музее не были. Вот ты, Шарик, когда ты последний раз в музее был?

— Когда? — задумался Шарик. — Да просто никогда. Всё некогда было.

— А ты? — спросил дядя Фёдор Матроскина.

— Я был. Я много раз был в одном музее. Я там мышей гонял. Это Палеонтологический музей в Москве. Там чучела зверей стоят. И много всяких костей. Даже кости мамонта есть.

Шарик сразу загорелся этим музеем:

— Мне ничего другого смотреть не интересно. Давайте мне этот музей, где кости.

Профессор Сёмин вызвал на экран табличку «МУЗЕИ». И стал выбирать музей для Шарика, по алфавиту.

Там были разные музеи — и Лувр, и Эрмитаж, и музей восковых фигур мадам Тюссо, и даже музей паровозов.

Наконец профессор нашёл то, что искал, он нашёл «Москва. Палеонтологический музей».

Сначала на экране появился план музея. Там были отдельные залы и было написано: «Зал доисторических животных», «Зал первобытных людей», «Зал млекопитающих», «Зал китообразных».

— Ой! — закричал Матроскин. — Это мой зал. Я в этом зале ночевал. Я у этого кита во рту спал!

Дядя Фёдор хотел попасть в зал доисторических животных:

— Ой, давайте посмотрим саблезубого тигра!

Профессор Сёмин стал двигать по столу «мышку-черепашку» и, когда стрелка на экране попала на этот зал, нажал специальную кнопку.

На экране сразу возникло большое помещение, и стало видно большое количество чучел. Это было чучело мамонта, чучело огромной трёхметровой птицы киви и чучело огромного доисторического носорога, который был размером с хороший бульдозер. К чучелам можно было приближаться, рассматривать их и от них отъезжать.

Получилось так, что, не выходя из дома, дядя Фёдор и другие участники семинара оказались в музее. Причём в самом интересном месте. Это было удивительно!

А почтальон Печкин твердил одно:

— Давайте разыскивать Утреннюю Звезду. Давайте разыскивать Утреннюю Звезду. Мы же послали ей письмо.

— Подождите со звёздами, Игорь Иванович, — сказала Катя. — Нам ещё в музее очень интересно.

Профессор Семин вдруг говорит:

— Смотрите, здесь есть специальный значок «Телекамера».

— Что это значит? — спросил дядя Фёдор.

— Это значит, если мы его включим, то нам покажут всё, что происходит в этом зале сейчас. Это будет прямой репортаж за ту же плату.

— Как так? — спросил дядя Фёдор.

— Очень просто. В музее стоит телекамера. И она показывает всё, что там сейчас происходит. Если сейчас в музее ночь, мы увидим ночь. Если в музее пусто, одна уборщица убирается, мы увидим одну уборщицу. Это называется репортаж в режиме реального времени. А если там есть посетители, мы их тоже можем увидеть. Хотите?

— Хотим, — сказали все, кроме Печкина.

— А вы, Игорь Иванович, что хотите?

— Я хочу получить письмо от Утренней Звезды.

— Это следующим заходом, — сказал профессор.

Он наехал стрелкой на значок телекамеры, и она включилась. Музей был закрыт. Посетителей не было. В музее было темно. Было совсем неинтересно.

— А звук можно сделать погромче? — вдруг спросил Матроскин.

— Можно. А зачем? — спросила Катя.

— Очень нужно, — сказал кот.

— И мне нужно, — поддержал его Шарик.

Профессор сделал звук на полную мощность. Но ничего не услышал.

— Что-то пилят, — сказал Матроскин.

— Где? — спросил профессор. — У нас или в музее?

— В музее, — сказал Шарик. — Пилят пилой по кости.

— Ой, — сказал глазастый дядя Фёдор. — Видите, чей-то локоть высовывается.

Все заметили — на краю экрана мелькала чья-то рука.

— Караул! — сказал Матроскин. — Это чучело мамонта! Я как сейчас помню, что оно там в углу стояло. По нему всё время мыши бегали. Кто-то отпиливает у него бивень. Это воришки.

— Немедленно звоним в Москву, — сказал профессор Сёмин.

Он быстро набрал телефон папы дяди Фёдора и всё ему объяснил. Папа дяди Фёдора позвонил в милицию и всё ей рассказал. Милиция сразу всё поняла и ответила, что примет меры.

Дядя Фёдор, Матроскин, Шарик и все-все, не отрываясь, смотрели на экран. Вот раздался грохот, очевидно, рухнул на пол отпиленный бивень. Потом раздался жалобный крик. Очевидно, этот бивень упал на ногу жулику. (Бивень мамонта весит все двести килограммов.)

Потом хромящий жулик появился на экране. Он с трудом нёс огромный бивень.

Потом появились два милиционера и помогли ему. Хотя видно было, что он их не просил.

— Ну и как теперь, — спросил Печкин, — мамонт будет без клыка?

— С клыком, — сказал профессор Сёмин. — Сейчас есть такие клеи, что лучше любого железа держат. Бивень у мамонта будет как новенький.

Тут на экране появился директор Музея Палеонтологии в домашнем халате и с котлетой в руке и сказал в камеру:

— Дорогие неизвестные друзья! Спасибо вам, что вы спасли наш бивень. Теперь вы можете приходить в наш музей бесплатно до тех пор, пока вы не умрёте от старости.

И он поклонился нашим друзьям.

Глава пятая

Переписка с Утренней звездой и другие дела

— Давайте вернёмся к Утренней Звезде, — предложил Печкин.

— Хорошо, давайте вернёмся, — согласился профессор Сёмин. — Сейчас мы заглянем в наш почтовый ящик и увидим, что она нам написала.

— Дело в том, — сказала дяде Фёдору девочка Катя, — что каждый интернетчик имеет в Интернете свой почтовый ящик. И все другие люди из Интернета могут присылать ему письма прямо на экран.

Профессор стал колдовать кнопками компьютера и наконец вызвал на экран послание от Утренней Звезды. Оно возникало на экране постепенно, частями. И Эрик Трофимович по частям его читал. Письмо начиналось по-английски:

Дорогой Две-Недели

(Половина месяца)!

У тебя очень сложное имя: Просто — Кватчино — Петчкин — Игор — Изванно — Витч!
Наверное, ты испанец!

Я буду звать тебя просто дон Почтальон, потому что ты большой и сильный!

— Очень красиво звучит, — сказал дядя Фёдор. — Дон Почтальон.

Все с ним согласились.

А Печкин сразу развернул плечи под пиджаком, надул грудь и действительно стал большим и сильным на какое-то время.

Профессор Семин продолжил чтение письма. Дальше оно было написано по-русски (со словарём):

Я умею говорить по русский плохо.

Я хочу учить русский.

Я любить изучать язык. Это очень полезный.

Моя имя есть Нэнси.

Никто моя (мой) не понимать и моя (мой) не жалеть.

Моя очень тоскуть — (ют)(ет) на мой небосвод в одиночь.

— Моя-мой тоже никто понимать нет! Моя-мой тоже жалеть нет! — сообщил окружающим Печкин. — Моя очень, очень тоскуть — (ет) (ют) на мой небосвод в одиночь.

Матроскин тихо сказал девочке Кате:

— Он сам виноват — ют-ят, что его никто понимать нет. Потому что он очень вредный.

Печкин услышал и говорит:

— Моя-мой, может, потому и очень вредный есть, что моя-мой никто понимать нет. А как моя начнут понимать, я сразу другим человеком сделаюсь.

— Это мы уже слышали, — проворчал кот. — Кто-то давно обещал другим человеком стать, если ему велосипед купят.

— Я был не прав, когда так говорил, — сказал Печкин. — Велосипедами человеческой души изменить нельзя, а человеческим теплом можно.

Профессор Семин продолжал читать послание Одинокой Звезды:

Я мечтать — (ет) (ют) о доброта. Я стремлять — (ют) (ет) к людям.

— Ну надо же, — отметил Печкин. — Я тоже мечтать о доброта и тоже стремлять к людям.

— Наверное, вы родственные души, — сказал профессор Семин. — Так часто бывает, что люди находят себе друзей через Интернет.

Я тянуть руки Вам к. Я посылать Вам моя (мой) фотографический фото.

И на экране появилась фотография очень милovidного создания, которое по внешнему виду было значительно ближе к стипендии, чем к пенсии. Создание было сильно загорелым.

— Ой! — закричал Печкин. — Я хочу такую фотографию иметь. Я буду её на сердце носить. Можно мне её оттуда достать, из компьютера?

— Конечно, — ответил профессор Семин. — Сейчас мы её с экрана спечатаем. Для этого есть специально считывающее устройство, принтер называется.

Он вставил в принтер твёрдую блестящую бумагу, нажал на выключатель, и принтер заработал. И скоро из него выползла очаровательная Нэнси прекрасного качества, даже цветная.

Печкин завернул фотографию в бумажку и стал пристраивать её к сердцу. Только у него это не вышло, потому что самый удобный карман у него на штанах был сзади, на самом сидельном месте.

Он после этого долгое время вообще не садился, чтобы случайно не обидеть Утреннюю Нэнси.

— Надо обязательно пригласить её в гости, — твёрдо сказал решительный Печкин.

— А откуда вы знаете, где она живёт? — спросил профессор Сёмин. — Может быть, она живёт очень далеко, например в Австралии.

— Ну и что? Пусть она живёт в Австралии, — отреагировал Печкин.

— А билет из Австралии в Простоквашино стоит столько, сколько пять велосипедов «Ха-кив», — спорил профессор. — Кто столько денег заплатит?

— Есть, пить не буду, — сказал Печкин. — В кино ходить не буду. Половину почты сдам под ресторан, а билет этой тётеньке куплю.

Поэтому профессор Сёмин, посоветовавшись, стал составлять такое сообщение:

Наш Утренний Полумесяц — дон Почтальон Печкин Простоквашинский (Игорь Иванович) хочет пригласить Утреннюю Звезду в гости и начинает копить деньги на билет.

— Правильно?

— Правильно, — ответил Печкин.

— Что дальше писать?

— Про фотографию, — сказал Печкин. — Про мою фотографию с Доски почёта. Мы ей пошлём.

— Хорошо, — согласился профессор.

Он тоже посылает вам свою фотографию. Он когда-то висел в ней на районной Доске почёта.

— Ладно?

— Ладно, — сказал почтальон. — И ещё добавьте, что я наклею новые обои.

— А не очень ли вы спешите, дон Игорь Иванович? — спросил профессор Сёмин. — Может быть, вам ещё пару фотографий этой тёти попросить? Хорошо бы ещё фотографию её мамы. И папы, если есть. Мы тогда больше про неё узнаем.

— Этим можно только обидеть человека, — сказал Печкин. — Одной фотографии вполне достаточно. А характеристику с последнего места работы и паспорт она, конечно, сама привезёт с собой.

Тут он задумался:

— Как вы думаете, профессор, у неё есть паспорт?

— Конечно, есть, — ответил профессор Сёмин. — Без паспорта сейчас в самолёт не сажают.

Глава шестая

К нам едет тётя Нэнси, или Нэт из интернет

Половину почты под ресторан сдавать не пришлось. Скоро от Утренней Звезды по интернетской почте Печкину пришло сообщение: Дорогой дон Почтальон!

Я так рада, что ты наконец решился пригласить меня в гости. Ты не беспокойся: добрые люди вокруг меня с радостью собирают мне деньги на билет, чтобы я как можно скорее вылетела. Скоро я вылетаю. Я вам сообщу, когда меня встречать. Ваша Утренняя Звезда Нэнси. Мечтаю о долгих беседах о нашем с вами месте в мироздании под луной. Ваша фотография у меня всегда под сердцем. Правда, она немного выгнулась. Но от этого вы стали только объёмнее.

— Ну что же, я вас предупреждал, — сказал профессор Сёмин. — Теперь я вас поздравляю. Вы не передумаете?

— Ни за что, — ответил дон Почтальон. — Утренними Звёздами не бросаются.

Со дня на день стали ждать сообщения о прилёте загадочной утренней тёти. И вот оно пришло по Интернету:

Вылетаю к вам 15 июня рейсом

№№ 5621 — Панама — Гайана — Амстердам — Хельсинки — Москва — Простоквашино. Встречайте. Ваша Нэнси, ваша Нэт из Интернет.

— Значит, она из Панамы, — сказал почтальон Печкин. — Я знаю, это в Южной Америке.

— Совсем не обязательно, — возразил профессор Сёмин. — Этот рейс начинается в Панаме. А она может лететь и из Гайаны, и из Амстердама, и из Хельсинки, и даже из Москвы. Но слово «Панама» меня сильно настораживает.

— Почему? — спросил дядя Фёдор.

— Панама находится в Южной Америке, в самом узком месте. И однажды, в старину, группа жуликов взялась строить там канал, чтобы соединить два океана — Тихий и Атлантический. Они собрали с людей деньги и исчезли. С тех пор большое жульничество всегда называют «большой панамой».

Почтальон Печкин очень забеспокоился, но забеспокоился он не из-за «панамы», он забеспокоился по другому поводу:

— А как мы узнаем Утреннюю Звезду? Она пройдёт мимо нас, а мы её и не заметим. У нас такой большой самолётный вокзал в городе — тридцать метров в длину.

— Не самолётный вокзал, а аэропорт, — поправила его девочка Катя.

— Пусть аэропорт, — согласился Печкин. — Но как мы её узнаем?

— Придётся всех спрашивать, — сказал Шарик. — Мы будем всем симпатичным гражданам в аэропорту задавать вопрос: «Вы не Утренняя Звезда?», «Вы не Утренняя Звезда?».

— Очень мило, — сказал Матроскин. — Там тысячи гражданок ходят. У всех не спрашиваешься.

— А вы возьмите плакатик и напишите на нём: «Встречаем Утреннюю Звезду», — предложил опытный зарубежный ездчик профессор Сёмин. — Она сама к вам и подойдёт.

На том и порешили. Профессор Сёмин взял картонку от компьютерных упаковок, приколол её к палочке и написал по-английски: «ВСТРЕЧАЕМ УТРЕННЮЮ ЗВЕЗДУ» — и ещё приклеил Нэнсиновскую фотографию.

Потом он по Интернету нашёл расписание всех самолётов, нашёл рейс № 5621 и узнал, что самолёт прилетает в Простоквашино завтра, в воскресенье, в 10.00 утра.

И все отправились спать.

В этот день все умывались вдвое дольше, чем обычно, все нарядно оделись и вообще сверкали радостью. Они ехали встречать Утреннюю Звезду Нэнси из Интернета.

В городе Простоквашино недавно построили небольшой аэропорт, и теперь там приземлялись самолёты.

Кот Матроскин накормил тр-тр Митю вчерашним супом, прикрепил к нему тележку-прицеп для багажа Утренней Нэнси, все уселись на трактор и поехали.

Аэропорт, как всегда, был перегружен. Радио то и дело сообщало:

— Внимание, внимание: прибыла электричка из Ново-Петровска. Пассажиров просят пройти на посадку.

— Внимание, внимание: совершил прилёт самолёт Ан-12, совершавший рейс Мурманск — Берлинск — Простоквашино. Выдача багажа будет производиться сегодня.

— Внимание, внимание: совершил остановку автобус номер 21 из Ореховска. Просьба освободить автобус.

Профессор Сёмин посмотрел на плакатик Печкина на палочке и сказал:

— Пожалуй, надо отлепить фотографию. Очень на некролог похоже.

Печкин быстро отклеил фотографию и стал всем показывать только надпись: «ВСТРЕЧАЕМ УТРЕННЮЮ ЗВЕЗДУ».

Вот прозвучало долгожданное:

— Внимание, внимание: совершил посадку самолёт компании «Дельта-Люкс», следовавший рейсом № 5621 — Панама — Гайана — Амстердам — Хельсинки — Москва — Простоквашино. Встречающих просим встречать. Провожающих просим провожать.

Напряжение у почтальона Печкина и у других встречальщиков достигло наивысшей точки.

Вот посыпались из аэродромной калитки люди. Сначала молодые бизнесмены с дипломатами. Потом пожилые бизнесмены с портфелями. Потом толстые шустрые тети с большими сумками на колёсиках.

И наконец выплыло какое-то неведомое существо со спортивной сумкой через плечо. Существо было коричневого цвета и такой нарядности и яркости, что ни в сказке сказать, ни по телевизору показать: тонов не хватит.

— Что это за чудо такое в перьях? — удивился Матроскин.

— Я боюсь, что это и есть Утренняя Звезда, — ответил профессор Сёмин.

Почтальон Печкин автоматически спрятал за спину палочку с надписью: «ВСТРЕЧАЕМ УТРЕННЮЮ ЗВЕЗДУ».

Но было уже поздно.

Яркая гражданка, трясая всеми перьями, подбежала к ним и бросилась на шею профессора Сёмина. При этом она громко кричала:

— О! Утренний Полумесяц!

Профессор Сёмин с трудом отлепил её от себя и прилепил к почтальону Печкину.

— Вот ваш Полумесяц!

Гражданка крепко обняла Печкина за шею, и Печкин шлёпнулся на пол.

Дядя Фёдор, Матроскин, девочка Катя и Шарик стояли в стороне и с удивлением смотрели на это совсем непривычное в простоквашинских краях явление.

Звезда явно не сходилась со своей фотографией. Она по возрасту была значительно ближе к пенсии, чем к стипендии.

— Ой, какая она загорелая! — удивился Шарик.

— Она мулатка, — объяснила девочка Катя.

Экзотическая гостья долго и быстро говорила по-английски. Профессор Сёмин переводил:

— Гражданка Нэнси от всех нас в восторге. Она хочет знать, нет ли блох у этой очаровательной собачки? Спрашивает, какой вид из окна её будущей комнаты? Хотят ли русские войны? Ходят ли русские на лыжах летом? Сообщает, что её любимый русский

киноартист — великий Пушкин. И очень интересуется, в какое время в России подают второй завтрак.

У Шарика от этих вопросов мозги даже вскипели. Он стал думать: а действительно, почему русские не ходят на лыжах летом? А разве Пушкин киноартист? И что такое второй завтрак? Он никогда и первого-то не видел.

— Какая молодец! — сказал Шарик коту. — Она всем интересуется.

— Пусть она лучше поинтересуется, где её багаж, — проворчал Матроскин.

Услышав слово «багаж», экзотическая Нэнси взволновалась:

— Багажа? Какая багажа? Мне не нужна никакая багажа. Моя друзья — вот моя багажа! Почему мы стоять? — оживлённо спросила экзотическая гостя и заговорила быстро-пребыстро, а профессор Сёмин её переводил.

— Скорее сажайте меня на ваш русский вездеход для сельской местности. Скорее везите меня в дом, покажите мне мою уютную комнату с ванной и видом на лес и горы.

— Да у нас отродясь такой комнаты не было, — тихо сказал Шарик Матроскину. — Разве что будка моя отдельная из ящиков. Так это тётка в неё не влезет.

— Почтальон Печкин её позвал, вот пусть он её и селит где хочет, — сердито ответил Матроскин.

Они подошли к машине.

— Это что такое? — спросила Нэнси из Интернета.

— Русский вездеход тр-тр Митя, — объяснила девочка Катя, которая тоже умела говорить по-английски.

— Может, лучше подождать такси? — спросила зарубежная Нэнси.

— Лучше не ждать, — объяснил Шарик.

— Почему?

— У нас такси пустят в следующем году.

Тень печали пробежала по восторженному лицу экзотической гостии. Но она села на самое удобное место на тракторе и сказала по-английски:

— Смело вперёд, к романтическим горизонтам загадочной России!

Во всём Простоквашино не было ни одной уютной комнаты с ванной и с видом на лес и горы.

Утреннюю Звезду целый час возили по большой деревне, предлагая разные комнаты и виды.

В конце концов она выбрала баню почтальона Печкина при условии, что ей туда принесут

телевизор дяди Фёдора, диван профессора Сёмина, зеркало девочки Кати и поселят к ней экзотическую, невиданную в её краях птицу Кукареку.

Чтобы выполнить все её требования, всем пришлось изрядно потаскать, погрузить, поподметать и побегать по огородам за ничейным приبلудным петухом.

— Что-то мне не очень нравится эта перьевая гражданка, — тихо ворчал вечером кот Матроскин, когда всё угомонилось и все стали расходиться.

— Ничего, ничего, она ещё раскроется и расцветёт лучшими красками, — уверял его почтальон Печкин. — Утренние Звёзды раскрываются с утра.

Глава седьмая

Романтические горизонты Простоквашино

Почтальон Печкин ошибся. Утренняя Звезда открылась только к обеду.

Сначала всё было так. Печкин и дядя Фёдор с утра пошли в школу, в соседнюю деревню в подготовительный класс. Вернее, не пошли, а поехали, потому что Печкин на своём велосипеде «Ха-кив» ехал, а дядя Фёдор сзади у него на багажнике сидел.

Хорошо ехать по зелёной, ещё не вытоптанной школьниками тропинке. Тёплое лето тебя обнимает, ласкает, а солнце целует в затылок. А уж всяких птиц там полное небо, во всех этажах. Внизу трясогузки, выше жаворонки, ещё выше ласточки и уж в самых верхних этажах — стрижи.

— Интересно, а школьникам стипендию платят? — спрашивает Печкин у дяди Фёдора.

— Платят, — отвечает дядя Фёдор.

— Чем?

— Бубликами, — говорит дядя Фёдор. — Один бублик в один день.

— А если я круглый отличник? — спрашивает Печкин. — Мне что, самый большой бублик дают? Или два бублика?

— Я такого не знаю, — говорит дядя Фёдор. — Я думаю, если ты круглый отличник, тебе самый круглый бублик дают.

Ребят в школе уже меньше собралось, кое-кого отсеяли до будущего года. Не умели они ещё рассказ по картинке делать и народные загадки отгадывать.

Учительница Ольга Васильевна объявила:

— Ребята! Сегодня будем проверять ваше умение логически мыслить и выделять главное. Понятно?

— Понятно, — сказали ребята, хотя понятного в этих словах было мало чего.

— Сейчас я назову три предмета, и вы скажете, какие два из них можно отнести к родственным, а какой предмет лишний.

Она сказала три слова: «тапочки», «сапоги» и «лужа».

Ребята закричали:

— Лужа лишняя! Лужа.

— Потому что сапоги и тапочки — обувь. Это одинаковое.

Почтальон Печкин молчал.

— А вы, Игорь Иванович, по-другому считаете?

— Конечно.

— Что же, по-вашему, здесь лишнее?

— Тапочки.

— Почему? — удивилась учительница.

— Потому что в сапогах по лужам я всегда пройду и все письма разнесу. А в тапочках ни за что.

— Можно и так считать, — сказала учительница. — Как я уже заметила, у вас, ученик Печкин, нестандартный подход к жизни. Сейчас я вас персонально проверю. Я назову вам три других предмета, а вы скажете, какой предмет лишний в этом случае.

Она назвала «тарелку», «вилку» и «стол».

— Здесь нет лишних предметов, — сказал нестандартный Печкин. — Здесь, наоборот, не хватает кое-что.

— Чего же здесь не хватает? — удивилась учительница. — Каких предметов?

— По крайней мере, котлеты и хлеба, — заметил Печкин. — Про соль я уже молчу.

Ребята тоже стали добавлять:

— Хорошо бы туда компот поставить, на этот стол.

— И салфетки положить.

— И про стул мы забыли. Нельзя же есть стоя.

Ольга Васильевна многих учеников в школу принимала, но с такими нестандартными первоклассниками первый раз встретилась. Она совсем растерялась.

Но тут в открытое окно класса всунулись перепуганные кот Матроскин и пёс Шарик.

— Дядя Фёдор, — трагическим шёпотом прошептали они, — Утренняя Звезда проснулась!

Дядя Фёдор и Печкин бегом из класса выскочили. Только догадались в окошко с улицы всунуться и сказать:

— Простите, Ольга Васильевна, у нас караул!

Печкин вскочил на велосипед и закричал:

— Дядя Фёдор, за мной!

Но дядя Фёдор не очень торопился встречаться с Утренней Звездой. Он подумал, что почтальон Печкин сам с ней справится, ведь это его гостья.

Когда Печкин подъехал к своей бане, около Утренней Звезды собрался уже весь колхоз. Там была и девочка Катя. Она всё переводила.

Утренняя Звезда Нэнси сразу бросилась на шею Печкину со слезами:

— О! Я думала, что меня все бросили! Я уже полчаса назад как проснулась, а у меня на столе нет завтрака. Нет свежих овощей и бананов. Нет горячего шоколада. Это ужасно.

«Это действительно ужасно! — подумал Печкин. — Где же всё это брать?»

Но всё же взялся исправлять положение. Побежал домой. Вместо бананов очистил огурцы пожелтее, посыпал сахаром и положил на тарелку.

Нашёл прошлогоднюю («С Новым годом!») шоколадку, расплавил её в половнике на свечке. Положил всё на поднос и бросился к Утренней Нэнси:

— Ешьте на здоровье. Мерси, пожалуйста!

Утренняя Звезда попробовала всё это и всеми своими лучами перекосилась.

Она подозвала девочку Катю и сказала:

— В самолёте я набрала несколько коробок с завтраками. Несколько дней я продержусь. Но дальше я хотела бы перейти на традиционную русскую кухню: пироги с грибами, плов, уха из рыбы, жареная курица, медвежатина, блины, в крайнем случае, шашлык. Я не привередлива.

Когда почтальону Печкину всё это перевели, он сел на лавочку и заплакал.

Глава восьмая

Романтические горизонты Простоквашино расширяются

Когда утончённая Нэнси из Интернета одолела две коробки с самолётными завтраками, она пришла в хорошее настроение и сказала Кате, дяде Фёдору, Матроскину, Шарик и почтальону Печкину:

— Уважаемые господа! Дорогие друзья по разуму! Давайте мы все сегодня соберёмся и обменяемся мыслями на разные темы.

— На какие темы? — спросил господин Шарик.

— На самые жгучие! — ответила Нэнси.

— На самые жгучие! — обрадовался Шарик. — Давайте про охоту. У меня целых две жгучих мысли есть.

— Какие же это у тебя жгучие мысли? — поинтересовался Матроскин.

— Одна — стрелять, другая — не стрелять, — ответил Шарик. — С одной стороны, зверей жалко, а с другой — они такие вкусные.

— Охота — это не очень интересно, — возразила Нэнси. — Охота — это не зажигательно.

— Тогда, может, про пожары? — предложил почтальон Печкин. — Сейчас жара, горит много.

— Есть более важная тема, — решила Нэнси.

— Какая?

— Место Простоквашино во Вселенной.

— Это как? — поразились участники обмена мыслями.

— Это очень просто, — объяснила Нэнси. — Каждый из нас расскажет о своём месте во Вселенной. О своих задачах и целях. И мы узнаем о роли во Вселенной деревни по имени «Простоквашино». Вот, например, у вас, мистер Матроскин, какая цель во Вселенной?

— Двух тёлочек вырастить, — ответил кот.

— А потом?

— Двух коров.

— А потом? — спрашивает Звезда.

— Ещё двух коров.

— А потом?

— Молочный завод построить.

— А потом?

— Два завода.

— А потом?

— Три.

— Это путь тупиковый, — сказала Утренняя Звезда. — Это путь в никуда.

— Как это путь в никуда? — удивился господин Матроскин.

— Потому что он однопутный, в одну сторону. А однопутная колея всегда тупиком оканчивается.

— А какой путь куда? — спросил кот.

— Вот об этом мы поговорим при обмене мыслями.

Весь этот разговор легко и свободно переводила девочка Катя. Из неё вырабатывалась прекрасная переводчица.

Беседа о месте Простоквашино во Вселенной была назначена на шесть часов вечера. Время, когда спадает жара, самое удобное время для проведения сложных обменов мыслями.

Собрались на даче профессора Сёмина Эрика Трофимовича. Там, где Катя жила.

Все участники, все братья по разуму, были налицо: и главная докладчица госпожа Нэнси из Интернета, и вечный всехний оппонент кот Матроскин, и господин охотничий пёс Шарик, и господин мальчик дядя Фёдор, и имеющая опыт международных контактов госпожа девочка Катя. (Она два года ходила в смешанный детский сад с зарубежными детьми.)

На семинаре, безусловно, присутствовал переводчик и наблюдатель профессор Сёмин Эрик Трофимович, крупный специалист по языкам зверей.

Не было только будущего летописца конференции дона Почтальона Печкина. За ним послали Шарика.

Когда Шарик прибежал и спросил дона Почтальона, каково его место во Вселенной, дон Почтальон ответил:

— Моё место во Вселенной — на кухне. Я очень занят. Я из коровьего вымени медвежатину делаю. Слава Богу, что его в сельпо забросили.

Пришлось начать без Печкина. Главной докладчицей была Нэт из Интернет. За свой первый день проживания в деревне она уже немного опростоквасилась. Кто-то ей подарил красивый вышитый сарафан и кокошник. На ней был оренбургский пуховый платок. Но с перьями она не рассталась и при каждом движении соблазнительно мотала ими во все стороны.

Все сидели на прекрасной дачной веранде, и бабушка профессора с веником разносила всем вкусный чай с набором разных варений и пирожков.

Бабушка профессора с веником никогда не расставалась. Он у неё был и как веник, и как веер, и как мухобойка. В общем, ценная вещь.

Нэнси начала обмен мыслями. Переводил её обмен профессор Сёмин, известный изучатель языков зверей:

— У каждого человека есть своё назначение в космосе. Правильно? — задала первый вопрос Нэнси.

— Правильно, — согласились дядя Фёдор и Катя. А Шарик и кот Матроскин ошалело молчали.

— Как это? — спросил Шарик.

— А так, — объяснила Нэнси. — Один человек предназначен быть военным. Другой будет врачом. Третий ещё кем-то. Из предназначения всех людей складывается предназначение Земли. Если на Земле будет много военных людей, назначением Земли будут войны. Если на Земле будет много садоводов, Земля станет городом-садом.

— А если будет много врачей, — сказал дядя Фёдор, — Земля превратится в поликлинику?

— Не надо шутить, — сказала глубокомыслящая Нэнси. — Вот кот Матроскин хочет разводить коров и строить заводы. Это он заботится о себе. А какую цель себе в жизни ставит господин Шарик?

Господин Шарик растерялся, а потом поведал друзьям самое сокровенное:

— Хочу журнал выпускать охотничий, с фотографиями. У меня даже название есть: «Охотник — главный друг собаки».

— Видите, и Шарик заботится о себе. Такой журнал больше всех нужен ему. Теперь обратимся к дяде Фёдору. Дядя Фёдор, какое ваше предназначение?

— Моё предназначение такое: вырасти и добиться того, чтобы люди и звери пользовались равными правами.

— Это уже более прогрессивное стремление, — решила Нэнси. — А какие цели во Вселенной у девочки Кати?

— Научиться плавать в это лето и занять первое место по скрипке.

— Красиво, — сказала Нэнси, — но несколько эгоистично.

— Так, а теперь вы, господин профессор, — продолжила Утренняя Звезда. — Каково ваше предназначение? Чем вы порадуете человечество?

Профессор сразу застеснялся.

— Я, пожалуй, не буду отвечать, — сказал он. — Я, пожалуй, буду над схваткой.

— А каким видит своё место во Вселенной эта леди с веником? — спросила Утренняя Нэнси про бабушку профессора, которая разносила чай.

— Моё место во Вселенной давно уже на кладбище, — ответила леди с веником. — Зажилась я. Вот выдам своего Эрика за хорошую женщину — и на погост.

— Вот поэтому-то я и не хочу жениться, — шепнул профессор Эрик своей племяннице Кате.

— Ну что ж! — сказала Нэнси из Интернета. — Я собрала всю нужную информацию. Теперь я обдумаю полученные сведения и через несколько дней подведу итоги. Сделаю доклад.

— Интересно, что она нам доложит? — спросил Шарик у Матроскина.

— Уж будь здоров, — сказал Матроскин, — она нам такого надокладывает, эта тётка!

— Сам ты тётка! — проворчал Шарик. — Она же из Интернета. Там простых тёток не бывает!

— А я и не говорю, что она простая... — прошептал кот. — Хитрая штука. Она всех нас облапошит. Вон Печкин уже нашёл своё место во Вселенной.

Глава девятая

Каждый начинает искать своё место во вселенной

Ужин, который дон Печкин приготовил для Утренней Звезды, получился на славу. Печкин достал две свадебные вилки, две красивые тарелки и целых два целых бестрещенных стакана. Девочка Катя была фирменным переводчиком.

Приём получился образцовый.

Там были русские блины, слегка подгорелые, очень молодые грибы с очень пожилой картошкой и свежая медвежатина из коровьего вымени.

(Посылать господина Шарика охотиться на медведя Печкин не решился, а отказать в медвежатине Утренней Звезде не посмел.)

Очевидно, Нэнси в своём Интернете питалась значительно лучше. Потому что она постоянно кривила губы и повторяла:

— Это очень экзотично, но очень невкусно. Я была о русской кухне лучшего мнения. Скажите, пожалуйста, мистер Печкин, куда я могу выплёвывать всё, что не прожёвывается?

— Вот в это корыто, — смело говорит мистер Печкин. — Я всё курам отдам или поросёнку.

— А у вас есть куры? — интересовалась Нэнси. — И поросёнок? Это так романтично. И вкусно.

Печкин сидел, пыхтел, пыхтел и решил завести светскую беседу.

— Погода хорошая, — сказал он. — Уже два дня дождь льёт холодный.

Нэнси решила поддержать беседу. Она спросила:

— Господин Печкин, а вы часто ходите охотиться на медвежатину?

— Да каждый день! — смело ответил Печкин. — Как только понадобится, сразу и иду в сельпо или на ферму.

— А чем вы её добываете? — спрашивала восхищённая Нэнси.

— Да сумкой. А то и мешком.

Нэнси представила, как Печкин тяжёлой сумкой, набитой камнями, в лесу лупит медведя по башке. Или как расправляет мешок у входа в пещеру и выманивает медведя свистом или мёдом.

— А что вы делаете со шкурой? — спросила Нэнси.

— Со шкурой? — удивился Печкин.

— С медвежьей.

Печкин очень долго думал, что же он делает со шкурой. Потом нашёлся:

— А мы шкуры сдаём, как посуду. В специальные шкурные приёмники, в оборот.

«Россия — загадочная страна! — подумала про себя Нэнси. — Жаль, что они сдают шкуры в

шкурные приёмники. А то можно было бы получить хороший мохнатый коврик».

В конце приёма девочка Катя спросила Утреннюю Звезду:

— Вы, конечно, поможете дону Печкину помыть посуду?

— В той стране, где я живу, — ответила Нэнси, — обычаи запрещают женщинам делать тяжёлую работу.

Печкину ничего не оставалось, как погрузить посуду в корзину, поставить на тачку и повезти на речку мыть. Они пошли вместе с девочкой Катей.

«Чего же это она улетела из той страны, эта Нэнси? — сердито подумала про себя Катя. — Жила бы там себе и жила».

Когда Печкин вернулся, Утренняя Звезда, утомлённая первым простоквашинским днём, уже крепко спала на диване перед баней. И над ней кружилась мелкая стая крупных комаров.

Кто помог ей вытащить тяжеленный диван из комнаты, осталось загадкой. В баню Печкина его везли на тракторе и в помещение вносили трое.

Печкин тихо сказал Кате:

— Девочка Катя, ведь это наша общая гостья? Правда?

— Правда, — сказала девочка Катя.

— А почему я один с нею мучаюсь? Это нечестно. Надо передавать её друг другу как эстафету.

— Ладно, — сказала Катя. — Завтра я с ней займусь. Для меня это будет и языковая практика, и самостоятельная работа на кухне. А вы мне поможете, хорошо?

— Хорошо! — радостно согласился Печкин.

— Только, дядя Печкин, — сказала Катя, — я так понимаю, что эта коричневая гражданка — ваша будущая невеста!

— Да! — испуганно сказал Печкин. — А кто ещё так понимает?

— Все так понимают, — ответила Катя. — Все простоквашинские.

— А сама Утренняя Звезда?

— И она сама так понимает, — ответила Катя. — И вообще, дядя Печкин, она со своих небес к нам свалилась только из-за вас.

— Как так? — перепугался Печкин.

— Очень просто. Она смотрела с неба, какой вы хороший труженик. Какой вы добрый к детям. Какой вы стремительный к знаниям. Какой у вас зелёный велосипед. Какая у вас красивая речка.

— Всё не так! Всё не так! — заволновался Печкин. — Это у профессора Сёмина красивая речка. Это профессор Сёмин добрый к детям. Это у него такой зелёный «Мерседес»! Это она к нему прилетела.

— Но профессор Сёмин не посылал ей своей фотокарточки, а вы, дядя Печкин, послали. Это вы всё устроили! Она с вами хочет дружить. И вам никуда от неё не деться.

«Если моё дело станет совсем плохо, — подумал Печкин, — я сам от неё сбегу в Интернет».

Глава десятая

Как парус одинокий белел в деревне Простоквашино

Подготовительные занятия в школе для принятия в первый класс продолжались. И даже кот Матроскин с Шариком стали на них ходить.

Учительница Ольга Васильевна ещё с прошлого раза предупредила, что будет проверять умение школьников понимать и пересказывать стихи.

Деревенское коровье стадо уже пять минут как паслось на барском Троицком холме у церкви.

Дядя Фёдор, Печкин и Шарик с котом, не торопясь, по холодку, шли в село Троицкое на занятия.

Матроскин и Шарик немного приотстали. Матроскин учил Шарика:

— В стихотворениях нельзя всё буквально понимать. Там каждое слово со смыслом. Есть такое стихотворение баснописца Крылова «Попрыгунья стрекоза». Знаешь?

— Конечно, — не очень уверенно ответил Шарик. — Кто ж его не знает. Это про насекомых.

— И вовсе не про насекомых. Слушай: «Попрыгунья стрекоза лето красное пропела, оглянуться не успела, как зима катит в глаза». Про что это?

— Тогда про природу.

— И вовсе не про природу. Это про людей. Про тётю, про певицу. Она всё лето пела и танцевала, а когда пришла зима, у неё нет ни дров, ни печки. Так что это очень людское стихотворение. Понятно?

— Понятно, — скрипел мозгами Шарик.

Тут и Печкин вмешался:

— Недавно я песню слышал по телевизору:

Не поётся птичке

В клетке золотой,

А поётся птичке

В рощице густой.

— И я слышал, — сказал Шарик. — Жалистная песня, про птичку.

— И вовсе не жалистная, — объяснил Матроскин, — и вовсе не про птичку, а про тётю-певицу. Этой тёте плохо поётся в золотой клетке на телевидении. Ей хочется в простой сельский клуб.

В общем, они с Печкиным хорошо Шарiku мозги вправили.

Когда они к Ольге Васильевне пришли, она сразу Шарика к доске вызвала и спрашивает:

— Уважаемый Шарик, вы любите стихи?

— Очень, — говорит Шарик. — Особенно про охоту.

— Расскажите нам какое-нибудь охотничье стихотворение.

Шарик с удовольствием им прочитал:

— Люблю грозу в начале мая,

Как долбанёт — и нет сарая!

— А что же тут охотничьего? — удивилась Ольга Васильевна.

— А я в этом сарае спал. Еле выскочил, — ответил Шарик, охотничий пёс.

— Хорошо, — говорит Ольга Васильевна. — Перейдём к более простым случаям. Как вы, Шарик, понимаете такое стихотворение:

Белеет парус одинокий

В тумане моря голубом.

Что ищет он в стране далёкой,

Что кинул он в краю родном?..

Шарик сразу кинулся объяснять:

— Это стихотворение про дядю, про матроса. Который на лодке плавает. Парус — это сам дядя, а туман — это его жизнь.

— А почему он белеет? — спрашивает учительница.

— Кто белеет? — спрашивает Шарик.

— Этот дядя матрос?

— Может, он заболел, — предположил Шарик.

— Допустим, — говорит Ольга Васильевна. — А там есть ещё такие строчки: «Под ним струя светлей лазури, над ним луч солнца золотой...» Что они означают?

— Анализы плохие, — решил дядя Фёдор.

— А луч солнца золотой, который над ним?

— Это нимб, — грустно добавил Печкин. — Значит, помрёт скоро.

Ольга Васильевна рассмеялась и сказала:

— При таком высоком знании поэзии вам надо не в младший класс школы поступать, а на старший курс литературного института.

Больше о поэзии Ольга Васильевна с ними не говорила, а просто читала будущим ученикам стихотворную книгу «Конёк-Горбунок».

Глава одиннадцатая

Каждый находит своё место при Нэнси из интернета

В своих вечерних и утренних беседах с сомыслителями по разуму Утренняя Звезда Нэнси постоянно говорила:

— Правильное место во Вселенной может найти только такой человеческий коллектив, где все заботятся обо всех.

Это звучало так правильно и убедительно, что никто не мог с Нэнси спорить. Постепенно Нэнси из Интернета занимала всё большее место в жизни каждого простоквашинца. Все постоянно только о ней и заботились.

Она сказала Шарику:

— Ох, я такая беспомощная, неприспособленная. Через полгода зима начинается, а я ни разу в жизни даже не видела ондатровой шубы. И меховых сапожек у меня нет.

Хотя у самого Шарика не то что шубы, драного тулупа никогда в жизни не было, он чувствовал себя перед Нэнси жутко виноватым. И Катя, которая всё это переводила, почувствовала себя виноватой.

«Ладно, — думал Шарик, — соберусь с силами, настрою ондатры. Пусть потом Матроскин ей шубу сошьёт».

Девочке Кате Нэнси однажды сказала:

— Тут в воскресенье большой бал в Простоквашиинске намечается, молодёжный, «Для тех, кому ещё нет сорока», а у меня мои бальные туфли совсем развалились ещё в прошлой жизни. Вот хожу и переживаю.

Пришлось девочке Кате у своей бабушки Веры, которая с веником, совсем новые кроссовки выпрашивать.

— Да ты что! — возмутилась бабушка. — Эти же кроссовки я себе на похороны берегу! Самые нарядные брала в сельпо.

— Да отдай ты, мама, Утренней Звезде свои кроссовки, — сказал ей профессор Сёмин. — Не беспокойся, босиком мы тебя не похороним. Мы тебе к этому времени ещё лучше приобретём. Я тебе каучуковые привезу из Африки. Они ещё удобней.

Так что Нэнси отправили на танцы в лучшем виде: в кроссовках, в оренбургском пуховом платке и с перьями. Отвёз на танцы её лично кот Матроскин на тр-тр Мите.

А что? Всё получалось правильно. Лично Нэнси не могла заботиться обо всех. У неё ничего своего не было, кроме бесконечной доброты. А у всех остальных была доброта и ещё кое-что, чем они могли с ней поделиться.

Все сильно переживали, что она без почтальона Печкина на молодёжные танцы поехала.

Все его успокаивали:

— Игорь Иванович, лучше вас она всё равно никого не найдёт. Она скоро в этом убедится.

А Печкин думал:

«Хоть бы она нашла кого-нибудь лучше меня, хоть бы она оттуда совсем не приехала. Хоть бы в неё какой обалдуй простоквашинский влюбился. Хоть бы её по кавказскому обычаю украли. Мы бы даже калым за неё заплатили».

Почему-то Утренний Полумесяц — дон Почтальон Печкин не очень-то ценил интернетскую Утреннюю Звезду.

Глава двенадцатая

Нэнси не перестаёт удивлять народ

С танцев Нэнси вернулась не одна. Она нашла себе подружку.

Подружку звали Кэт. Она была тех же лет, что и Нэнси. То есть совершенно непонятно каких. Но была ещё юнее и восторженнее в своих мыслях. Как только она увидела почтальона Печкина, она сразу сказала:

— Ой, как тут у вас красиво и весело. А я ещё с утра ничего не ела!

Печкин тоже с утра ничего не ел, у него медвежати́на вся вышла, а на «охоту» он больше не ходил — «патроны» кончились. Но ему не казалось, что кругом красиво и весело. Он даже растерялся.

А тут рядом Шарик оказался и кот Матроскин вместе с ним. И дядя Фёдор подошёл.

Кот Матроскин был жутко сердитый. Когда он Утреннюю Нэнси на танцы привёз, она ему сказала:

— Спасибо, голубчик! Заезжай за мной ровно в десять и машину помой как следует! Да не опаздывай!

Получилось так, что она — молодёжная глава администрации деревни Простоквашино, а он — её шофёр на побегушках.

Шарик вдруг говорит:

— Ой, вы знаете, как вам здорово повезло. У нас тут в посёлке новая ночная столовая открылась. Как раз рядом с автобусной остановкой.

Матроскин сразу подхватил:

— Вы и сами хорошо поедите, и Утреннюю Звезду Нэнси заодно покормите. Ведь о ней всем положено заботиться.

И вдруг стало сразу заметно, как дружба между этими трогательными тётеньками стала быстро испаряться. Они медленно пошли к автобусной остановке.

Дядя Фёдор рассердился:

— Вы что людей обманываете? Какая там столовая открылась? Это не столовая, это баня для начальников.

— Правильно, баня, — говорит Матроскин. — Но при бане бутерброды продают по сто рублей. Вот пусть они друг о друге и заботятся.

— А если у них денег нет? — сказал дядя Фёдор.

— А если у них денег нет, пусть они на танцы «до сорока» не ходят, а грибы до двенадцати собирают. Сейчас ночи светлые.

— Я чего боюсь, — сказал Шарик, который под влиянием Матроскина стал жутко практичным. — Что эта Звезда к нам из города ещё десять таких же тёток приведёт, и мы обо всех будем заботиться, потому что они такие трогательные.

Дядя Фёдор сказал:

— Я не знаю как быть. Я пойду с профессором Семиным поговорю и с девочкой Катей. И ещё я маме с папой позвоню. У них больше опыта общения с людьми.

От автобусной остановки вернулась одна Утренняя Звезда. Но она уже не сверкала, как обычно, всеми своими лучами. Она больше была похожа на Туманность Андромеды.

И она говорит Печкину, Матроскину и Шарик:

— Конечно, я совсем бедная, одинокая, беспомощная. Кроме друзей, у меня ничего нет. Я даже ничего не могу подарить вам на память.

И тут Матроскин говорит:

— Ой, подарите нам чистоту! Подметите нам Простоквашино. Это так просто! У меня даже и метёлка есть. Она совсем новая, ненюшенная. Ею так удобно подметать.

— Откуда у тебя метёлка? — спрашивает Шарик.

— Мне почтальон Печкин подарил. Это та метёлка, на которой его бабушка на партсобрания летала, когда колдуньей работала. Он мне её для музея сельского быта дал.

— Нет, я не могу! Я не могу взять такую ценность. Это же музейная вещь! — сказала Нэнси.

Потом она добавила:

— Вы меня извините, но меня девочка Катя ждёт на ужин. С моей стороны так жестоко быть невежливой, я не могу обидеть девочку опозданием.

Она быстренько удалилась в сторону дачи профессора Семёина.

Глава тринадцатая

Родительский педагогический совет про Нэнси из интернета

Дядя Фёдор позвонил маме с папой и всё им рассказал. Как они в Интернет входили. Как нашли там Утреннюю Звезду в перьях для Печкина. И как не знают теперь, что с этой Звездой делать.

Мама с папой в первое же воскресенье прилетели в Простоквашино на новой модели папиного «Запорожца». Очень хорошая модель попалась — сразу заводилась.

Они угостили дядю Фёдора вкусными бутербродами. Шарикуну специальный ошейник подарили — антиблошиный. С тех пор все шариковские блохи на Матроскина перепрыгивать стали. А Матроскину — новый передник синтетический, весь мышками вышитый.

— Очень у вас здесь хорошо, — сказал папа.

Потом папа с мамой к профессору Семёину пошли. Мама сразу сердито начала:

— Что же это получается? Мы вам детей под присмотр оставили. А вы им какую-то тётку в перьях выписали.

Профессор Семёин даже растерялся от таких сердитых слов и говорит:

— Это вовсе не тётка в перьях, а очень сообразительная личность — Утренняя Звезда. Она ищет братьев по разуму.

— А что, ей разума не хватает? — спросила мама.

— Боюсь, даже очень хватает, — сказал профессор. — Сейчас я вам её приглашу.

— Нет, нет, — сказала мама, — только не это! Мы сначала хотим на неё со стороны посмотреть.

— Хорошо, — говорит профессор Семин. — Идите смотрите. Вон там на берегу моя племянница Катя её портрет с булкой в руке на фоне белых ромашек пишет. Уже второй день.

— Почему так долго? — удивился папа.

— Булки быстро кончаются.

Папа с мамой взяли друг друга за руки и пошли вдоль берега гулять, как военные разведчики.

Папа целый букет ромашек собрал и для маскировки их маме подарил. Мама, для маскировки, им очень обрадовалась. Потом всё не знала, куда их пристроить.

Смотрят, сидит девочка Катя с мольбертом. А рядом с ней такая пухлая женщина мулатного цвета булку уплетает. Девочка говорит по-английски:

— Опять булка кончается. Мне не удалось её размер передать. Давайте я дядю Фёдора попрошу, он вам булку из глины сделает.

— Нет, нет, — говорит женщина мулатовой национальности. — Я лучше буду помедленнее кусать.

В общем, кроме повышенной поедательности булок, ничего плохого за этой женщиной замечено не было.

Папа с мамой к профессору Семину вернулись успокоенные. Мама спрашивает:

— Уважаемый профессор, почему вы по просьбе детей для них эту Утреннюю Звезду позвали? Они же не понимают, что делают. Они ещё себе через Интернет слона выпишут.

— Они понимают, что делают, — ответил профессор. — Слона они не выпишут. А Утреннюю Звезду по просьбе почтальона Печкина пригласили. Им её жалко стало за одиночество. И потом я люблю, когда дети делают ошибки... под моим наблюдением.

— Почему? — удивилась мама.

— Потому что они учатся.

— Это очень прогрессивно, — сказал папа. — Я тоже люблю учиться на ошибках.

— Это ты с успехом делаешь, — говорит мама. — Ты так много учишься, что у тебя одни ошибки.

— Послушайте меня, — сказал профессор. — Эта Нэнси так устроена, что умеет выглядеть беспомощной и несчастной. Всех так и тянет помочь ей и её спасти. В психологии такой тип людей называется «воронка». И мне интересно наблюдать, как наши дети с ней справятся.

— Вы как хотите, а я дядю Фёдора из этого эксперимента забираю, — сказала мама. — Я

боюсь, что эта воронка его с ушами затянет.

— Вы за вашего мальчика не беспокойтесь, — сказала бабушка с веником. — Вы лучше мужа из эксперимента заберите. О муже подумайте. Эти перьевые гражданки для мужей самые опасные. Она вашего мужа скорее затянет. Вы оглянуться не успеете, как он весь в перьях будет где-нибудь в Африке плясать.

Маму такая перспектива явно не устроила. Она спросила бабушку с веником:

— Значит, вы советуете к эксперименту не приближаться, со стороны наблюдать?

— Именно это я вам и советую, — ответила бабушка, обмахиваясь веником от мух.

— Да и я так советую, — сказал профессор Сёмин. — Явление Утренней Звезды очень полезное педагогическое испытание для ребят.

На этом взрослый педагогический совет был закончен.

Глава четырнадцатая

Детский педагогический совет

На следующее утро, совершенно независимо от взрослых, был собран детский педсовет. В который, в виде исключения, был допущен почтальон Печкин.

Педсовет был собран на почте.

Шарик и Матроскин очень важничали. Им так нравилось, что их позвали на педсовет, что они даже на девочку Катю посматривали свысока. А ведь она была выше их.

Дядя Фёдор сказал:

— Отгадайте загадку, что это такое — «Светит, но не греет»?

Все задумались, стали смотреть в стороны, но никто так загадки и не отгадал. Хотя все догадались.

— На этом педсовет заканчивается, — сказал дядя Фёдор.

Все огорчились, потому что каждый хотел что-нибудь важное всем другим по-педсоветовать.

Глава пятнадцатая

Романтическое утро в деревне Простоквашино

На другой вечер Утренняя Звезда предложила всем деревенским устроить весёлый романтический пикник на берегу реки. С прыжками через костёр, с вкусными пирожками, с весёлой музыкой, с танцами и играми.

Матроскин спросил:

— А во сколько мы начнём весело прыгать через костёр?

— Можно с раннего-раннего утра. Мы будем радостно встречать восход мирового светила, часов в девять, — сказала Нэнси.

— Я встречаю восход мирового светила каждый день часов в шесть с косою в руках, а не в девять, — сказал Матроскин. — Я сено для Мурки заготавливаю.

— Ну, тогда давайте мы ровно в двенадцать часов весело, босиком по траве, покрытой росой, побегаем вдоль речки, — предложила Утренняя Звезда.

— В двенадцать я босиком по траве, покрытой росой, бегом, вдоль речки почту разношу, — сказал почтальон Печкин. — Потому что роса уже высохла. Я в это время не могу, я в это время занят.

— А что, если в два часа дня, в самую жару, устроить День Нептуна? Мы будем плавать, нырять, доставать из воды конфеты, жвачки, разные мелкие морские подарки.

— В два часа я иду Мурку мою доить, — говорит Матроскин.

— А у меня урок музыки, — сказала Катя.

— А у меня и по росе и до росы огород! — сказал дядя Фёдор. — Картошку надо окучивать.

— И в День Нептуна? — спросила Нэнси.

— В День Нептуна ещё поливать надо.

— Но ведь так у вас вся жизнь пройдёт! — воскликнула Утренняя Звезда, подняв к небу руки.
— Почему вы совсем о себе не думаете?

Все растерялись и удивились:

— Действительно, почему мы о себе совсем не думаем?

— И обо мне не думаете, — продолжила Нэнси из Интернета. — Ведь я у вас вяну. Я у вас отцветаю. А ведь вы меня вызвали, вы меня приручили, и вы теперь за меня в ответе.

— Перед кем? — спросила девочка Катя.

— Перед природой. Перед Вселенной. Я думала, что я наконец-то нашла братьев по разуму.

— Я думаю, она промахнулась, — тихо сказал Матроскин Шарику. — Или у нас, или у неё

совсем другой разум, наши мозги не братские.

— Что мне теперь делать?! — со слезами говорила Нэнси.

— Может, вам продолжить поиски? — предложила девочка Катя.

— А как?

— А так же, через Интернет, — посоветовал Печкин. — Вы опять напечатаете объявление. И братья по разуму вас пригласят.

— А то какой я вам брат по разуму? — подхватил Матроскин. — Я уж скорее телёнку Гаврюше брат. Я до вас не дорос.

— И я вам не брат, — сказал Печкин. — У нас в Простоквашино к концу дня никакого разума вообще ни у кого не остаётся.

— Но если они меня пригласят, как я к ним доберусь? — подняла руки к небу Утренняя Звезда.

— А вы не бойтесь, — сказал Печкин. — Я половину почты продам. Я свой ваучер заложу, а денег раздобуду!

— А я своё фоторужьё заложу, — сказал Шарик.

— А я на скрипке играть стану на станции, — сказала девочка Катя. — Всё, что заработаю, на билет отдам.

— А я, — сказал дядя Фёдор, — половину своего клада спрятанного отдам на такое хорошее дело.

С этим девочка Катя, Утренняя Нэнси, дядя Фёдор, Матроскин, Шарик и дон Почтальон Печкин пришли к профессору Семину.

— Эрик Трофимович, — сказал дядя Фёдор. — Надо объявление в Интернет послать.

— Какое? — спросил профессор.

— Одинокая Утренняя Звезда ищет братьев по разуму! Братья по разуму, отзовитесь!

— Я вижу, вы готовы всё сделать, только чтобы я от вас уехала, — грустно сказала Нэнси.

— Но мы же должны думать о ближних. Мы всё должны делать для счастья других, — сказал дядя Фёдор. — Это мы твёрдо поняли из вашего учения. Это мы, как братья по разуму, уразумели!

— А чего там долго искать? — сказал дядя девочки Кати, профессор Семин. — У меня в памяти компьютера это объявление сохранилось. Вот оно.

Он нажал кнопку, и на экране возникло:

Легко ранимая, тонкая, интеллектуально настроенная натура ищет братьев по чувствам. Я пришла на Землю как Одинокая Утренняя Звезда.

Где вы, мои сомыслители?

Я задыхаюсь без товарищей по разуму.

Люди рождены для счастья, как рыбы для воды.

Разыщите меня для контактов, братья по мысли! Отзовитесь!

Присылайте ваши предложения. Мой адрес: «Нэнси — u@@ — 13200 С».

— Осталось только приписать новый адрес: «Usren@@@@ — 143120 Простоквашино», — сказал профессор. — И наш контактный эксперимент с другой цивилизацией будет закончен.

Глава шестнадцатая

Утренняя Звезда улетает на новое небо

Утреннюю Звезду провожали в аэропорт всем колхозом. Она улетала в Китай. Братья по разуму из города Шанхая срочно приглашали её для совместных размышлений о месте человека во Вселенной.

Как ни странно, всем было очень грустно. Хотя Утренняя Звезда была явно антипростоквашинским элементом, все к ней привыкли, как привыкают к больной, но уже заживающей болячке.

Впервые в жизни Звезда улетала с багажом.

Шарик, стесняясь, сказал ей:

— Это фотоальбом: «Утренняя Звезда над Простоквашино». Специально для вас.

Альбом был полон красивых фотографий, где разноцветные перья Утренней Звезды красиво сочетались с ёлочным и берёзовым вторым планом.

— Спасибо, мистер Шарик.

Дядя Фёдор подарил красивую старинную брошку из своего клада.

— Ой, мистер Фёдор. Я так счастлива!

Почтальон Печкин подарил ей маленькую метлу. Точную копию той, на которой летала его бабушка:

— Попробуйте, может, у вас получится!

А папа с мамой подарили ей целый чемодан платьев и туфель. Мама сказала:

— Это прекрасные платья и туфли. Мой Дмитрий покупал мне их в подарок в разные годы. Безошибочно мимо. Они годятся все и хороши для кого угодно, только не для меня.

Вот радиоголос простоквашинского аэродрома объявил:

— Внимание, внимание: совершил посадку самолёт компании «Дельта-Люкс», следующий рейсом № 5621 — Панама — Гайана — Амстердам — Хельсинки — Москва — Простоквашино — Китай. Встречающих просим встречать. Провожających просим провожать.

Все стали обниматься с Утренней Звездой, жать ей руки. А почтальон Печкин до того распоясался, что поцеловал её в щеку. И тёплая волна захлестнула его почтальонское одинокое сердце.

— До свидания!

— Гудбай!

И калитка аэродрома открылась перед этой таинственной женщиной. И не просто открылась, а распахнулась широкой звёздной дорогой навстречу новым, более достойным, братьям по разуму.

А через некоторое время взлетел и скрылся в бесконечной синеве неба самолёт компании «Дельта-Люкс», следующий рейсом № 5621 — Панама — Гайана — Амстердам — Хельсинки — Москва — Простоквашино — Китай.

Утренняя Звезда была снова на небе.

— Что, занятия по Интернету у нас прекращаются? — спросил Печкин Эрика Трофимовича.

— Ни за что. Сегодня ровно в восемь на веранде.

Ровно в восемь на веранде собрались все интернетчики: дядя Фёдор, Матроскин и Шарик, девочка Катя и почтальон Печкин.

— Продолжаем занятия, — сказал профессор Семин. — Сегодня мы поговорим о клубах по интересам. Об охотниках, собирателях марок, путешественниках, изобретателях.

— Почтальонах...

А ровно в восемь часов пять минут дверь веранды распахнулась и вошли папа с мамой.

— А можно нам тоже принять участие в занятиях? КОНЕЦ

Праздники в деревне Простоквашино

Рисунки А. Артюха

История первая

Наводнение в деревне Простоквашино

Весна в Простоквашине была бурной. Снег как начал таять, так и не останавливался, пока весь не растаял. Речка Простоквашка совсем из себя вышла, стала на деревню наступать. Уже и к домику дяди Фёдора подобралась.

Кот Матроскин говорит:

— Ребята, надо плавсредствами запастись: корытами всякими, брёвнами. Скоро вода до нашего дома дойдёт...

Дядя Фёдор и Шарик согласились. Полезли они на чердак, нашли там два старых корыта и один большой таз. С вечера они их достали, почистили и спать легли.

Утром дядя Фёдор в окошко выглянул:

— Караул!

Под самым окном льдины в стенку стучат. Того и гляди, вода в дверь зальётся.

Матроскин, Шарик и дядя Фёдор стали срочно все вещи с пола на чердак уносить. И коврики, и ботинки, и валенки всякие. Стали всё электричество выключать.

А кот зачем-то все окна в доме открыл.

— Зачем? — спрашивает дядя Фёдор.

— А затем! — отвечает Матроскин. — Это мой секрет. Всё равно полон дом воды будет. А так она быстрее выльется.

Потом они корыта и таз вытащили на крыльцо, сели в них и поплыли на сухое место — к дому Печкина. А гребли они чем бог послал: кто половником, кто доской овощной, кто прикладом от фоторужья.

Вдруг Матроскин развернулся на своём тазу и снова к дому поплыл.

— Ты чего? — спрашивает дядя Фёдор.

— Мурку забыли, — отвечает кот. — Не хочу, чтобы корова Мурка досталась чёртовым льдинам.

Он подплыл к сараю, вывел упирающуюся корову, снова прыгнул в таз и поплыл. Корова Мурка рядом шла. Она была бестолковая корова, но не до такой степени, чтобы в холодном сарае в холодной воде потонуть.

Дом почтальона Печкина стоял наверху деревни, и вода до него не добиралась.

Дядя Фёдор, кот и пёс подплыли к нему, с радостью выбрались из холодных корыт и к Печкину пришли.

— Ага, — сказал почтальон Печкин, — и от меня польза есть! Ладно, уж так и быть, поселяйтесь.

Два дня жили у Печкина дядя Фёдор, пёс и кот. (До Печкина вода не добралась.) Очень уютно жили: телевизор смотрели и почту на корытах развозили. На третий день вода стала спадать.

— Всё! Пошли домой! — сказал дядя Фёдор.

И они пошли к себе в дом по влажной земле. Сзади корова Мурка шла и старую рубашку почтальона Печкина дожёвывала. Она её с верёвки стащила.

Матроскин быстро Мурку в тёмный сарай запихал, потому что из дома много одежды и полотенце выплыло.

Когда они вошли в дом, дом у них был весь мокрый: занавески мокрые, печка мокрая, столы и табуретки тоже мокрые. А на полу у них несколько больших рыбин прыгало. Рыбы в открытые окна заплыли, а когда вода уходит стала, уплыть не сумели.

— Вот почему я окна в доме открывал, — сказал Матроскин. — Надо всегда вперёд смотреть. Надо, чтобы от всего польза была, даже от неприятностей.

Они быстро печку растопили и стали дом высушивать. У них в этот вечер была очень вкусная уха. Они Печкина позвали. И очень весело ужинали.

История вторая

День рождения коровы Мурки

Корова Мурка всю зиму в сарае прожила. Света белого не видела. И вот наступила весна. Пора всех коров в поле выпускать.

В небе солнце жёлтое, внизу трава зелёная, вся деревня чистая, как вымытая.

Дядя Фёдор говорит:

— Почему-то День птиц есть, День доярок есть, 8 Марта, а Дня коров нет. Надо для коровы Мурки праздник устроить.

И все в дело включились.

Кот Матроскин большой лозунг написал: БУДЬ ЗДОРОВА, РОДНАЯ КОРОВА!

Поставили маленький столик перед сараем. Накрыли скатертью, положили на него пирожные. Приготовили громкую музыку из проигрывателя. Позвали гостей: почтальона Печкина и профессора Семёна с бабушкой. Матроскин лично сплёл венок из одуванчиков. И дверь коровника открыли.

Они всё учли: и венок, и пирожные, и музыку. Но не учли того, что корова Мурка всю зиму в тёмном сарае без всякой зарядки простояла. Увидела она зелёный луг, синее небо и жёлтое солнышко и стала, как молодой телёнок, прыгать и скакать.

Как наступила она на журнальный столик — все пирожные во все стороны полетели! Кое-кому прямо в нос.

— Спасайся кто может! — закричал Шарик. И первым в свою будку забрался.

Бабушка профессора тоже тихонько в будку к Шарiku юркнула.

Кот Матроскин сразу на крыше оказался. А профессор Сёмин взял дядю Фёдора на руки и стоит бледный, прижавшись к забору. Ещё бы: столько килограммов говядины во все стороны летают, да ещё с такими рогами!

Тут кота Матроскина совесть подтолкнула. Он как вспомнит свою котовую молодость, как прыгнет с крыши, как схватит скатерть, как набросит её Мурке на рога! Мурка сразу успокоилась и затихла.

И только после этого праздник начался.

Жалко только, что Мурка как была бестолковой коровой, так ей и осталась. Она первым делом съела бумажную скатерть, а потом и прекрасный лозунг: БУДЬ ЗДОРОВА, РОДНАЯ КОРОВА!

История третья

Простоквашинские огороды

Однажды (это было в начале весны) дяде Фёдору в Простоквашино бандероль пришла из Москвы, а в ней письмо лежало.

Дорогой дядя Фёдор!

Пишет тебе твоя любимая тётя Тамара — бывший полковник Красной Армии.

Мне кажется, что тебе давно пора серьёзно заняться сельским хозяйством как для воспитательности, так и для урожая.

Я посылаю тебе семена разных плодов и овощей. Эти семена мне прислала моя боевая подруга Маша Колесникова из солнечной Кзыл-Орды. Там у них короткое лето, поэтому всё очень быстро растёт.

Запомни главные огороднические правила.

Морковь надо сажать по стойке смирно.

Капусту — в шеренгу через одного.

Тыкву — по команде вольно. Желательно около старой помойки. Тыква всю помойку высосет и станет огромной.

Подсолнух хорошо растёт на солнечном полигоне подальше от забора. (Чтобы его не съели соседи.)

Помидоры надо сажать с палками наперевес.

Огурцы и чеснок требуют усиленного спецпитания в виде удобрения.

Это всё я прочитала в уставе сельскохозяйственной службы для дачников.

Все семена я ссыпала в один мешочек, чтобы они занимали меньше места. Но ты на месте разберёшься.

Не увлекайся гигантизмом. Помни о трагической участи товарища Мичурина, который погиб, упав с огурца.

Всё.

Я и все мои тебя целуем.

От такой посылки дядя Фёдор пришёл в ужас.

Он отобрал себе несколько семечек, которые хорошо знал, и приступил к делу.

Он посадил на солнечном месте семечки подсолнуха. Посадил около помойки три семечка тыквы.

У дяди Фёдора было немного работы. Он только поливал свои семена и убирал сорняки.

Матроскин и Шарик занялись капустой. Шарик задними лапами землю вскопал просто лучше любого трактора.

Матроскин всё у соседей про уход за капустой узнал. И посадил рядом с каждым кочаном капусты огурец. И в середину каждого кочана запихнул один огурчик. Он знал, что когда осенью кочан закроется, внутри него всю зиму будет сохраняться свежий огурец.

В общем, они аккуратно себя вели, они не рвались к повышенному повышению урожайности.

Зато почтальон Печкин набил полные карманы семенами тёти Тамары и побежал их разбрасывать на свой участок. Разбросал их, не разбирая, и всё лето поливал.

Когда лето стало заканчиваться, у дяди Фёдора всё выросло вкусное, свежее, пахучее, как в учебнике, — и тыква, и капуста, и подсолнухи. Но урожай был не очень большой — средний.

А у Печкина выросло много чего. Прежде всего — отличные сорняки. Потом что-то похожее на морковь.

Только размер был какой-то невиданный. Каждая морковка была не больше спички. В один спичечный коробок можно было уложить десять морковок.

Что касается кабачков, их выросло больше тысячи. И все они поместились в одну кастрюльку.

Осенью дядя Фёдор собрал своих друзей и сказал:

— Теперь мы имеем два опыта: наш — правильный и печкинский — неправильный. И мы смело можем приступать к усиленной урожайности. Чтобы не только нам, но и папе с мамой овощей хватило. И в крайнем случае даже почтальону Печкину.

История четвёртая

День рождения кота Матроскина

Вообще-то никто не знал, когда кот Матроскин родился. Да и сам он не знал. Поэтому он решил себе выбрать самый лучший день в году и назвать его своим днём рождения.

Дядя Фёдор, пёс и кот сидели утром на нагретом солнцем крылечке и размышляли. Дядя Фёдор говорит:

— Самый лучший день в году — это Новый год. Это и праздник, и ещё подарки дают.

Шарик его поддержал:

— Мне в прошлом году Дед Мороз такой суповой набор костей подарил — закачаешься!

— Какие вы хорошие! — говорит Матроскин. — Вам два раза в год подарки дарят — и в Новый год, и в день рождения. А мне только один раз будут дарить, потому что мои дни совмещаются.

Тогда Шарик предлагает:

— Самый лучший день в году — это тридцатое сентября. В этот день охота открывается.

— Это у тебя охота открывается тридцатого сентября, — ворчит Матроскин. — А у меня она круглый год открыта. Потому что я на мышей охочусь. Не годится мне этот день.

Пошёл Матроскин к Печкину советоваться. Печкин — мужик практический. Он говорит:

— Надо день рождения к осеннему или зимнему сезону подгадать. Тогда тебе как раз вовремя тёплые валенки подарят или сапоги непромокаемые.

— Тёплые валенки или сапоги непромокаемые я и сам себе могу купить безо всякого дня рождения, — отвечает Матроскин. — А в день рождения особые подарки дарят, неправильные. Может быть, совсем даже и не нужные.

— Не надо нам ненужных подарков, — обиделся Печкин. — Нам нужны подарки хозяйственные: лопаты там, грабли всякие или дрова для зимы.

И тогда Матроскин решил:

— Чего тут долго тянуть? Скажу всем, что у меня день рождения завтра. Пусть все мне подарки несут. Не буду я подгадывать к осеннему или зимнему сезону.

Так он и сделал. Объявил всем, что завтра, в последний день мая, у него день рождения.

Испек Матроскин пирог с клубничным вареньем, стол накрыл разными вкусностями и всех в гости позвал. И все ему подарки принесли.

Дядя Фёдор ему заводную мышку подарил в коробочке. Видно, эта мышка самому дяде Фёдору нравилась. Он сказал:

— Ты, Матроскин, её береги, не играй в неё, а то она сломается.

Матроскин мышку два раза завёл. На третий эта ненастоящая мышка в настоящую норку уехала. Только её и видели.

Шарик Матроскину фотоаппарат подарил — «Полароид». Он сказал:

— Ты наведёшь его на человека, нажмёшь кнопочку — и тут же фотография выползет.

Матроскин ответил:

— Это неправильный подарок. Этот подарок для других хорош, а не для меня. Ведь фотографии не мои вылезают, а тех, кого я фотографирую.

— Ты же сам хотел неправильных подарков, — спорит Шарик. — И потом, ты же будешь друзей фотографировать, а не кого попало. Это и есть главный подарок — людям приятное делать.

Матроскину возразить было нечего, и он замолчал.

Зато почтальон Печкин самые правильные подарки подарил, самые нужные: две лопаты новёхонькие — одна для снега, одна для огорода, и грабли неношеные.

Матроскин тут же на эти грабли наступил. У него большущая шишка на лбу выросла. Хорошо, что был лёд в холодильнике и к шишке успели кусочек льда приложить.

Потом все дружно и вкусно обедали. Чокались кружками с молоком и кричали песенку, которую придумал дядя Фёдор:

Наш Матроскин —

Старший брат,

Старший брат.

Его видеть каждый рад,

Каждый рад!

И почтальон Печкин пел эту песенку, хотя он был старше Матроскина раз в десять.

А вечером Матроскин пошёл в сарай свои подарки осматривать. Посмотрел он на лопаты, на грабли и сказал:

— Правильно говорят: «В мае родиться — всю жизнь маяться!»

История пятая

Невесты почтальона Печкина

Вообще-то почтальон Печкин и не думал жениться. Это случайно получилось. Просто однажды летом Шарик в сельском журнале напечатал фотографию: «Рассвет. Почтальон Печкин полощет бельё в речке Простоквашке». И все женщины догадались, что Печкин неженатый. Мало того что он неженатый, он ещё очень хозяйственный и чистоплотный.

И к Печкину стали приходиться письма с фотографиями.

Дорогой Печкин, я тоже люблю полоскать бельё по утрам. Меня зовут Мария Ложкина.

Дорогой Печкин! У меня есть стиральная машина. Это намёк. Анна Вилкина.

Милый Печкин, я тоже люблю стирать бельё по утрам, но только дома и в горячей воде. Давайте стирать вместе. Глафира Ножкина.

Уважаемый Печкин! Почему вы стираете бельё в простокваше? Оно что — чище становится? Акулина Тарелкина.

Фотографии были тётенек толстых, худых, молодых и пожилых. Тётеньки были на фоне домов, машин, огородов. Очевидно, стирающий Печкин произвёл на них хорошее впечатление. Весь дом Печкина был обклеен фотографиями.

Одна тётя прислала письмо из Африки. Она сидела на слоне, и было написано: «Это моя слона». Печкин испугался этой фотографии больше всех. Потому что «эту слону» ни за что не прокормить в простоквашинских условиях.

Некоторые тётя сами стали приезжать в деревню знакомиться с Печкиным. Он от них прятался на чердаке. Потому что не хотел жениться. Он о себе-то не успевал заботиться, а тут ещё жена. Всё ей покупай, вари ей обед, ходи для неё в магазин.

Вот он и взмолился:

— Шарик, ты меня погубил, ты меня и спасай. А то из-за этих тётенек я не могу почту разносить.

— А давай мы тебе, Печкин, — говорит Шарик, — синяков и шишек нарисуем на лице, от тебя все тётяки убежать станут.

После этого от Печкина стали убежать не только приезжие тётя, но и местные.

А когда он, весь раскрашенный синяками и шишками, однажды в простоквашинский магазин зашёл, то продавщица тётя Зина Верёвкина от страха под прилавок забралась.

Тогда дядя Фёдор придумал, как быть. Он сказал Шарику:

— Ты, Шарик, напечатай новую фотографию. И напиши: «Рассвет в лесу. Охотник почтальон Печкин идёт на охоту добывать лису на воротник для своей родной жены Акулины».

Когда фотографию напечатали, все тётяки отпали. И Печкин по-прежнему стал счастливо

жить в одиночестве. А Шарика он даже поцеловал в лохматую морду и сказал:

— Шарикушечка ты мой дорогой!

История шестая

Как Матроскин крышу красил

Однажды кот Матроскин решил крышу дома покрасить. Очень она была облезлая. Это было в июле. Июль почему-то считается самым крышекрасительным сезоном.

Он пришёл в сельский магазин. Его продавцы спрашивают:

— Вам какую краску нужно: хорошую или дешёвую?

— Дешёвую, — сказал Матроскин.

Дали ему дешёвой жёлтой краски. Он сделал специальную лесенку, чтобы забираться на крышу, и покрасил крышу красиво, ярко. Краска была жидкая, красить было легко.

— Вот какой я молодец! — хвастался Матроскин. — И крышу покрасил, и деньги сэкономил.

Только на вторую же неделю от первого дождя вся краска с крыши слезла и на земле оказалась. Только кое-где её жёлтые куски по швам прилипли.

Матроскин снова в сельский магазин пошёл. Продавцы его спрашивают:

— Матроскин, а Матроскин, тебе какую краску надо: хорошую или дешёвую?

— Давайте среднюю, — просит Матроскин.

Дали ему среднюю краску, целую банку зелёного цвета.

Он снова на крышу полез, весь день бился: красил, красил и красил. Даже сам от старания зелёным стал.

Всё хорошо. Только через неделю предыдущая жёлтая краска, которая в швах оставалась, на дыбы встала и вся кудрями завилась. А вслед за ней стала завиваться и сползать на землю зелёная.

Шарик на землю упал и от смеха кататься начал. Катался, катался, пока весь в жёлто-зелёный цвет не выкрасился.

Тут дядя Фёдор вмешался:

— Вот что, Матроскин, сдери-ка ты все эти кудри и купи самой лучшей краски. Лучше всего красной. И снова покрась крышу как следует. И увидишь, что будет.

Так Матроскин и сделал. Пошёл в магазин, купил самую лучшую краску и начал работать. Эта красная краска была самой трудной: густой и липкой. Зато домик вышел загляденье — красивый, как новая сыроежка.

Матроскин после этого сразу успокоился и сказал Шарик:

— Шарик, на всю жизнь запомни: бедные люди должны покупать только дорогие вещи!

История седьмая

Колокольчик для Хватайки

Однажды ранним, ранним утром, ещё по росе, почтальон Печкин прибежал к дяде Фёдору и закричал:

— Вашего галчонка надо в милицию сдать! Я сейчас сам видел, как он около магазина у одного младенца в коляске изо рта соску вытащил.

— Подумаешь, соска! — говорит Матроскин. — Цена ей три копейки.

— И пусть младенец рот не разевает, — добавляет Шарик.

— Хорошо, — говорит Печкин. — Сегодня соска, завтра — кольцо золотое. Послезавтра — бумажник с долларами или сумка с продуктами. Так и до крупного преступления докатиться можно.

— Бумажник с долларами он не потянет, — говорит Матроскин. — Сумку с продуктами — тем более.

И тут как раз галчонок Хватайка через форточку в комнату влетел. В клюве он держал часы на цепочке.

— Вот, — говорит Печкин, — человеку за такую кражу три года дают! Надо вам вашему галчонку наручники на лапы надевать. Или соску, которая на шкафу лежит, на нос натягивать. Надо срочно меры принимать!

— А может, он эти часы на улице нашёл! — кричит Матроскин. — Или они в лесу на дереве висели! Какие такие меры?!

Тогда дядя Фёдор вмешался:

— Ты, Матроскин, не прав. Хватайка — он несмышлёный. Он что хочешь может утащить: хоть ключи от машины, хоть серёжку из уха у какой-нибудь бабушки.

— Представьте себе, — говорит Шарик, — галчонок серёжку у бабушки тащит, а бабушка на него клюшкой замахивается. Она же может его и треснуть!

— Вот и я говорю, — соглашается Печкин. — Надо ему клюв резинкой замотать.

— Нет, — не соглашается дядя Фёдор. — Не надо ему клюв резинкой заматывать. Мы что-нибудь другое придумаем.

Дядя Фёдор целый день думал. А потом пошёл в магазин и купил для Хватайки колокольчик.

С тех пор все люди в деревне на Хватайку внимание обращали. Как только Хватайка на что-нибудь нацелится, лишнее движение сделает, колокольчик на нём и зазвенит. И люди сразу говорили:

— Эй ты, крылатый, кыш!

Хватайка сразу улетал, и не надо было его клюшкой трескать. Так что всё очень хорошо кончилось.

История восьмая

Грибное лето

Однажды кот Матроскин пошёл в лес за грибами. Год выдался на редкость грибной.

В лесу птицы свистят, белки прыгают, зайцы пробегают. Лес чистый. Хорошо в простоквашинском лесу, как в парке.

Видит Матроскин сыроежки. Да такие красивые: и красные, и зелёные, и синенькие, как игрушечки.

— Ура! — закричал Матроскин и давай их собирать.

Набрал полную корзину и было домой собрался, да видит: лисички кругом. А лисички-то лучше!

Все они яркие, жёлто-оранжевые. И ещё тем они хороши, что червяков в них нет. Наверное, червяки — дальтоники, их глаза жёлтый цвет не воспринимают. Они мимо лисичек проползают и на белые грибы набрасываются.

— Ура! — закричал Матроскин.

Он сыроежки на тропинку кучкой высыпал и давай лисички собирать.

Лисички собрал и сам домой собрался. Да видит: подосиновики пошли. Один другого крепче, один другого подосиновее.

«Что ты будешь делать? — думает Матроскин. — Ну и природа у нас! То ни одного грибочка за весь день не найдёшь, то они целыми толпами собираются».

Матроскин все лисички на тропинку высыпал и подосиновиками занялся.

Набрал подосиновиков полную корзину, только собрался домой идти — на тебе: два белых гриба стоят.

Он подосиновики на тропинку высыпал — стал белые собирать.

Собирает, собирает... Да не больно-то они собираются. Он стал их искать всё дальше в лесу.

Тем временем пёс Шарик в лес за грибами пошёл. Видит, кто-то на тропинке сыроежки высыпал, целую корзину.

«Вот растеряха!» — подумал Шарик про кого-то и все грибы себе в корзинку забрал.

Следом почтальон Печкин за грибами вышел. Прошёл чуть дальше Шарика по дорожке — видит, прямо на дорожке лисички лежат.

«Ну и дела! — подумал Печкин. — Грибы такими кучками растут, что как раз на корзинку хватает».

И все лисички забрал.

Следом за Печкиным дядя Фёдор в лес отправился. Раз все из леса с грибами приходят, чем он хуже?

Идёт он по тропинке. Птички поют, белки с грибами в зубах прыгают. Вот заяц с грибом во рту проскакал. И вдруг прямо перед ним — целая гора подосиновиков!

«Удивительно! — думает дядя Фёдор. — Кто же мне такой подарок сделал?»

Он прокричал:

— Ау! Ау! Чьи это грибы?

Лес молчит. А тут дождик надвигается.

«Помокнут грибы, пропадут», — подумал дядя Фёдор и все грибы в корзинку сложил. Они как раз там поместились. И сам домой пошёл.

К вечеру приходит домой Матроскин, весь мокрый, с двумя белыми грибами на дне корзинки.

— Что же ты без грибов пришёл? — спрашивает Шарик. — Мы с дядей Фёдором целыми корзинками грибы брали.

— Вы потому их брали целыми корзинками, — говорит кот, — что это я их целыми корзинками раскладывал.

И рассказал всё как было. Потом он подумал и добавил:

— И верно говорят люди: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Обидно только, что одна корзина не нам, а почтальону Печкину досталась.

История девятая

День рождения почтальона Печкина

Только с днём рождения Матроскина разобрались, как день рождения почтальона Печкина нагрелся. И опять надо ломать голову над подарками.

Родители Печкина родили его ранней-ранней осенью — 1 сентября. В самое удобное время, когда созревают все фрукты и витамины, когда полно солёных грибов и огурцов.

И Печкин решил 1 сентября устроить приём для гостей: дяди Фёдора, Шарика и кота Матроскина.

«Интересно, что они мне подарят? — думал он. — Мне очень мотоцикла не хватает».

Ну откуда у дяди Фёдора мотоцикл? Дядя Фёдор решил на рынке купить пять цыплят Печкину в подарок. Пусть кур растит, а не подглядывает за всеми.

Кот Матроскин решил Печкину козлёнка подарить — козочку. А то он всё время приходит и бесплатное молоко у Матроскина пьёт.

Ну а Шарик много фотоплёнки приготовил, чтобы день рождения Печкина сфотографировать, а потом фотографии Печкину подарить.

Вот наступил день рождения. Кот Матроскин козочку вымыл, большим подарочным бантом перевязал и повёз её на тележке.

Дядя Фёдор цыплят в свою зимнюю шапку положил и пошёл с ним рядом. Шарик всё это фотографировал.

Когда они подошли, Печкин им навстречу вышел:

— Ой, какая красивая тележка! Спасибо вам за такой подарок. Ой, какая красивая шапка! Большое спасибо вам за такой подарок! — Хотя никто ему тележку и шапку дарить не собирался.

Но делать нечего, пришлось ему и тележку, и шапку отдать, а то он сильно огорчился бы.

Тут Печкин цыплят увидел:

— А это что?

— Цыплята.

— Нет, — говорит Печкин. — Мне цыплят не нужно. За ними уход требуется.

— Но это дорогие цыплята, — объясняет Матроскин. — Породистые. Они денег стоят.

— Вот вы мне деньгами и отдайте, — просит Печкин.

— И козочка вам тоже не нужна? — спрашивает Матроскин.

— Я подумаю два дня, — говорит Печкин, — а потом отвечу.

Делать нечего. Пошёл дядя Фёдор домой за деньгами. Пришёл и отдал их Печкину.

Потом они пили чай у Печкина, ели солёные огурцы, и Печкин играл им на гармошке народные песни. Шарик всё это фотографировал.

Когда шли домой, Матроскин очень сердито ворчал:

— Понимаешь, дядя Фёдор, получилось так, что мы два раза этих цыплят купили — один раз на рынке, один раз у Печкина. Хотя они нам ни разу не были нужны.

— Зато у нас теперь каждый день будет своя яичница, — ответил дядя Фёдор. — Мне продавец сказал, что это очень хорошие куры. Они по два раза в день несутся.

Больше всего Матроскин боялся, что через два дня к ним Печкин придёт и попросит козочку деньгами подарить.

Но Печкин с козочкой не пришёл. За два дня он к ней привык как к родной.

Скоро Шарик Печкину фотоальбом принёс: «Почтальон Печкин лично встречает гостей», «Почтальон Печкин лично принимает тележку», «Почтальон Печкин играет на гармошке».

А больше всего Печкину такая фотография понравилась: «Огурцы почтальона Печкина».

Печкин сказал:

— Ну просто как живые! Когда они у меня в банке кончатся, я буду на фотографию смотреть и огурцы вспоминать. Очень вкусная фотография!

История десятая

Кот Матроскин и мыши

У дяди Фёдора в доме вдруг мыши завелись. Всё грызут: и крупу, и валенки. Сунул дядя Фёдор ногу в тапочек, а оттуда мышка на него рычит.

Дядя Фёдор говорит:

— Матроскин, ты у нас кот — вот и лови мышей.

— Почему я? — спорит Матроскин. — Вот у нас Шарик — охотничий пёс. Пусть он и охотится.

— Вы как хотите, — говорит дядя Фёдор. — А чтобы мышей дома не было!

Пёс Шарик взял зимнюю удочку, привязал на конец лески кусочек сала, сел у норки и стал ждать, когда у него мыши клевать начнут.

А мыши сало склёвывают, а за верёвочку не цепляются.

— Да у тебя же крючка нет! — говорит Матроскин. — Ты же попусту время тратишь.

— А мне жалко их на крючок, — отвечает Шарик.

— Ладно, корми их, — говорит кот, — раз тебе делать нечего. Может, они такими толстыми станут, что не смогут из норы вылезать крупу есть.

Сам Матроскин пошёл в кладовку, взял большой и сильный пылесос, который мама с папой хозяйственному дяде Фёдору подарили, и два шланга к нему присоединил.

Он всасывающий шланг к одной норке приставил, а выдувающий — к другой. И как включит!

В подполе сразу сильная буря началась. Всё мелкое, что там было, немедленно к Матроскину в пылесос затянуло, в первую очередь всех мышей.

Матроскин взял пылесос, вышел далеко в поле и мышей из пылесоса в траву вытряхнул.

Мыши, совсем обалдевшие, из пылесоса выпали. Они потом два часа в себя приходили. И решили к Матроскину больше не возвращаться. Они сказали:

— Айда к почтальону Печкину в дом! У него таких вредных пылесосов, слава богу, нет.

Когда Матроскин домой вернулся, ему Шарик сказал:

— Ты знаешь, мне такая большая мышь попалась, что даже удочку мою утащила.

— Да, — ответил кот. — Бывают такие большие мыши, что могут удочку утащить. Крысы называются. Только в нашем доме их быть не может. Они от одного моего запаха за километр убегают, потому что я не из простых котов, а из крысоловских. А твоя удочка вон там, посреди поля в траве валяется.

Это он так сказал потому, что удочку Шарика вместе с мышами в пылесос затянуло. И Матроскин её вместе с мышами в траву вытряхнул.

С тех пор мыши в доме кончились.

История одиннадцатая

День рождения Шарика

Дело шло к осени, к сентябрю. Листва пожелтела, вода похолодела, скворцы уже начали «проводить совещания».

И тут Шарик:

— А у меня когда день рождения?

Все задумались.

И верно: День нефтяника в календаре есть, День строителя есть, даже День птиц в стране есть, а Дня собак нет.

— Чего тут думать? — говорит кот Матроскин. — Ты же сам говорил, что лучший день в году — 30 сентября, потому что в этот день охота открывается. Вот пусть у тебя днём рождения и

будет 30 сентября.

— Но охоту иногда отменяют, — говорит Шарик.

— И пусть, — говорит Матроскин. — Мы твой день рождения отменять не будем.

— А сейчас у нас какое число? — спрашивает Шарик.

— Сейчас август на дворе кончается, — отвечает дядя Фёдор.

— Ой! Сколько времени ждать!

Но делать нечего — и он согласился.

Тем временем сентябрь подступал.

Стали дядя Фёдор и Матроскин о подарках думать.

— Я ему ошейник от блох подарю, — говорит Матроскин. — И очень красивый подарок и очень полезный.

— Это очень обидный подарок, — возражает дядя Фёдор. — Все сразу догадаются, что у Шарика блохи есть.

— Тоже мне военная тайна, — спорит кот. — Кто ж этого не знает?

— Может, кто-нибудь и знает, а только как на нём ошейник появится, — говорит дядя Фёдор, — все сразу будут думать: «Ага, этот Шарик у них запаршивел совсем».

— Пусть он его по ночам носит!

— Не нужен ему такой подарок, который нужно носить по ночам, — решил дядя Фёдор.

Они стали потихоньку у Шарика выпытывать — что же ему подарить.

Кот Матроскин однажды так невзначай спрашивает:

— Вот, допустим, Шарик, ты тысячу рублей нашёл. Что ты с ней будешь делать?

— А тысяча рублей — это много?

— Очень много.

— Я бы дяде Фёдору рубашку красивую купил. А тебе, Матроскин, — сепаратор для молока.

Матроскин и говорит дяде Фёдору:

— А давай, дядя Фёдор, мы ему тысячу рублей подарим.

— Нет, — не соглашается дядя Фёдор. — Получится, что мы не Шарику, а себе подарки сделаем. Ты лучше испеки к его празднику хороший пирог с котлетной начинкой. Сверху мы косточки воткнём вместо свечек. Это будет здорово.

Так они и сделали — пирог испекли и косточки поставили вместо свечек. Только не знали, сколько косточек ставить — то ли пять, то ли пятнадцать.

Думали, думали и поставили ровно три — самый хороший собачий возраст.

А когда за стол сели, вдруг папа и мама приехали.

— Дорогой наш Шарик, мы тебя поздравляем!

Мама Шарику гребень подарила металлический с очень густыми зубцами — ни одна блоха не проскочит. А папа — ошейник с тремя медалями. Эти медали у него от дедушки остались: одна «За спасение утопающих», другая «Ветерану рыбного хозяйства» и третья «Двадцать пять лет „Трактороэкспорту“».

Шарик этим ошейником очень гордился и всегда по праздникам надевал.

А большой пирог с котлетной начинкой целых два дня ели.

История двенадцатая

Матроскин и Шарик ссорятся

Однажды Матроскин и Шарик поссорились.

— Знаешь что, — говорит Матроскин, — я свою родственницу рысь позову. У неё такие зубы — она тебе сразу покажет!

— А я свою родственницу собаку бультерьера позову. У неё ещё больше зубы. Она твоей рыси ещё больше покажет!

— А я леопарда позову! Он твоему бультерьеру одной лапой как даст!

— А я гепарда позову, — говорит Шарик. — Он твоему леопарду двумя лапами как даст!

— А гепард — это кошка, — говорит Матроскин. — И он за тебя заступаться не будет.

— Тогда я собаку Баскервилей позову! — кричит Шарик. — Она будет за меня заступаться. Она за меня жизнь отдаст. У неё такие зубищи — она твоего леопарда за две минуты перекусит!

— А я льва позову, — говорит Матроскин. — У него зубы ещё больше. Он твою собаку за одну минуту съест и ошейник выплюнет.

Дядя Фёдор слушал, слушал их разговор и вмешался:

— А я своего папу позову! У него таких зубов нет, зато ремень есть замечательный. Он вам обоим своим ремнём так задаст, что никакие зубы не понадобятся.

И Матроскин с Шариком сразу помирились. Они папиного ремешка больше всех зубов на свете боялись.

История тринадцатая

Вредная привычка почтальона Печкина

Почтальон Печкин с детства любил в засаде сидеть, подслушивать. Он всё хотел про всех знать.

Однажды осенью он заметил, что в доме дяди Фёдора по ночам всё свет горит. А свет горел потому, что кот Матроскин и Шарик подарок делали для родителей дяди Фёдора — фотоальбом. Альбом назывался «Жизнь дяди Фёдора и его замечательных друзей в деревне Простоквашино».

Они хотели, чтобы этот альбом был сюрпризом и для дяди Фёдора.

Печкин, чтобы узнать, что у них там ночью происходит, на дерево влез и сверху в окошко стал смотреть. И думает: «Вот они какие противные! Я из-за них и спать не должен!»

В это время по телевизору фильм показывали про смелых тётенок.

Шарику и Матроскину не до тётенок, они телевизор так, для маскировки включали. А Печкину интересно. Он со своего дерева видит половину экрана, а вторая ему не видна. Где самые смелые тётеньки. Он и стал тянуться, чтобы вторую половину экрана увидеть. И с дерева шлёпнулся прямо в бочку с водой.

На улице, надо сказать, осень уже холодная была. Пока бы Печкин до дома добежал, он бы простудился.

Он скорее к дяде Фёдору стучать:

— Ой, скорее пустите меня погреться и высохнуть!

Кот Матроскин «Жизнь дяди Фёдора» под стол спрятал и спрашивает:

— А где это вы плавали, дядя Печкин, что вы такой мокрый с ног до головы?

— Да у вас в бочке под окном.

— Да кто ж вас в эту бочку запихнул?

— Никто. Я сам в неё запихнулся. Я с дерева упал.

— А что вы на дереве делали — созревали? — ехидно спрашивает Шарик.

— Смотрел, все ли у вас электроплитки выключены.

— Или говорите правду, или мы вас сушить не станем, — твёрдо сказал Матроскин.

И Печкин сознался, что он из любопытства подсматривал.

— Ладно, сушитесь на печке, — разрешил кот. — А когда высохнете, поможете нам фотоальбом делать. От вас тоже толк может быть, потому что вы очень наблюдательный.

И Печкин быстро высох и стал коту и Шарику помогать.

Он действительно был очень наблюдательный. Он говорил:

— Вот эта фотография называется «Вечер в Простоквашине». А это не вечер. Видите, коровы вправо мимо почты идут, рогами вперёд. Значит, их только в поле выгоняют. Значит, это «Утро в Простоквашине». А здесь написано: «Дядя Фёдор в лодке развозит почту во время наводнения». А почту он в корыте развозил. Значит, эта фотография должна называться так: «Дядя Фёдор катается в лодке в свободное от работы время».

Никогда почтальон Печкин так доволен не был, как в этот мокрый день.

История четырнадцатая

День рождения дяди Фёдора

Дядя Фёдор твёрдо знал, когда у него день рождения. Он родился осенью — в октябре.

В день рождения дяди Фёдора кот Матроскин решил сочинить ему стихи. Он сидел за столом и писал:

Я добрых слов не пожалею

И дяде Фёдору к юбилею

Стихотворение создам,

А потом ему отдам.

Пёс Шарик всё это время вертелся рядом и мешался.

Матроскин дальше сочиняет:

Дорогой мой дядя Фёдор,

Ты красив, как... как...

— Помидо?дор! — кричит Шарик.

— Какой такой помидо?дор? — возмущается Матроскин. — Не лезь уж!

И продолжает:

Дядя Фёдор, милый друг,

Ты нам дорог, как...

— Утюг! — кричит Шарик.

— Какой такой утюг! — спрашивает Матроскин.

— Электрический! — говорит Шарик. — Очень дорогой.

Матроскин просит:

— Слушай, Шарик, уйди, пожалуйста, не мешай.

И продолжает:

Никогда не унывай,

Будь блестящим, как...

— Трамвай, — подсказывает Шарик.

— Отвяжись, — говорит Матроскин и дальше сочиняет:

Шагаем вместе мы вперёд,

И очень любим мы...

— Компот! — кричит Шарик.

Матроскин спрашивает:

— Больше ты ничего не придумал?

— Суп, котлеты, — говорит Шарик.

— Ну вот что, — плюнул Матроскин, — ты эту ерунду можешь и без меня сочинять. Я лучше фотоальбом для дяди Фёдора сделаю.

Он ушёл.

А Шарик взял все черновики Матроскина, переписал и подарил дяде Фёдору.

Дорогой наш дядя Фёдор,

Ты красив, как помидо?дор!

Никогда не унывай,

Будь блестящим, как трамвай.

Шагаем вместе мы вперёд

И очень любим мы компот,

А также и котлеты,
Их любят все поэты.

Дядя Фёдор никогда в жизни так не смеялся. Особенно его помидодор развеселил.

В день рождения к дяде Фёдору в Простоквашино папа с мамой приехали и подарили ему настоящую игрушечную железную дорогу. Вся деревня приходила к дяде Фёдору играть. И почтальон Печкин тоже.

История пятнадцатая

Тр-тр Митя проголодался

Однажды зимой в Простоквашине много снега выпало. Так много, что из дома даже выйти было нельзя.

— Что будем делать? — спрашивает дядя Фёдор.

— А ничего, — говорит кот. — Будем дома сидеть, пока продукты не кончатся.

День они сидели, два сидели, три сидели. Всё, продукты кончились.

Дядя Фёдор говорит:

— Надо тр-тр Митю заводить, за едой ехать.

Тр-тр Митя — это был такой трактор особый, который не на бензине, а на продуктах работал: на картошке там, на огурцах, на котлетах.

Вылезли они на улицу через форточку, снега вокруг по пояс. Кое-как до сарая добрались и трактор завели.

— Едем! — говорит дядя Фёдор.

— Стойте! — кричит кот. — Самое главное забыли. — Он в сарай вернулся и зачем-то удочку взял.

Дядя Фёдор рулит вправо, туда, где большой магазин продуктовый, а тр-тр Митя в другую сторону едет. В сторону кафе деревенского. Там блины пекут.

Ладно. Подъехали, в кафе зашли, блинов поели.

— Теперь надо блинов трактору дать. А то он с места не стронется, — говорят дядя Фёдор и Шарик.

— Ишь чего надумали! — сердится кот. — Трактор блинами кормить! Вы ему ещё пирожных в бак накидайте!

— Как же быть? — спрашивает дядя Фёдор.

— А вот как, — говорит кот. — Я всё продумал.

Он сел на трактор, последний блин на удочку нацепил и перед носом у трактора подвесил. Трактор за ним и потянулся. Так они до продуктового магазина доехали.

— Теперь другое дело, — сказал Матроскин. — Теперь мы его накормим.

И он засыпал в бак трактора пол-мешка гречневой крупы.

Матроскин всегда и всё экономил. Особенно он экономил продукты. Потому что он в жизни всякого навидался.

История шестнадцатая

Как Шарик на фотоохоту ходил

Как известно, пёс Шарик был очень охотничий пёс. А стрелять зверей ему было жалко. Вот он и охотился с фоторужьём. А фотоснимки посылал в разные газеты.

Однажды в канун года Свиньи он получил заказ из журнала «Охота и собаководство» сфотографировать кабана в лесу зимой.

Шарик взял ружьё и в лес отправился.

Нюхает воздух — ничуть кабаном не пахнет. А тут ему егерь-лесник Кузнецов, старый знакомый, встретился и спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

— Да вот, просили меня кабанов сфотографировать.

Этот егерь Кузнецов был большой шутник. Он говорит:

— Какие кабаны?! Они зимой на юг уходят.

— А как же быть? — спрашивает Шарик.

— А так, — говорит егерь. — У меня есть свинья большущая, канадская. Мы её гуталином накрасим, клыки привяжем, в лес заведём — и фотографируй сколько хочешь.

Так и сделали. Раскрасили свинью гуталином. Клыки из пластмассы привязали. Привели свинью за ошейник в лес и в кусты завели. Ну чистый кабан!

И стал Шарик «кабана» фотографировать.

Только успел два снимка сделать, как вдруг — караул! — волки из леса прибежали, целых

пять штук. (Они, как известно, свинью за километр чувят.)

Тут началось! Свинья визжит, к дереву прижалась. Шарик с Кузнецовым на дерево залезли. А волки со всех сторон зубами щёлкают.

Только то Шарика спасло, что у него фоторужьё со вспышкой было. Как он засверкал в сумерках на волков, как засветил! Волки сразу испугались и отступили.

Кузнецов свинью за ошейник схватил, и они с Шариком бегом в лесниковую сторожку по сугробам бросились.

Зато снимки у Шарика получились замечательные: «Кабан в засаде», «Волки окружают добычу», «Зимний лес зимой» — корреспондент Шариков из Простоквашина.

Когда Шарик всё рассказал дяде Фёдору, дядя Фёдор заметил:

— Ну, сейчас ты, Шарик, положим, выкрутился. А если следующий год будет годом Тигра? Кого ты будешь под тигра раскрашивать, уж не Матроскина ли?

— Дам ему я себя раскрашивать! — сказал Матроскин. — Я сам его так раскрашу, что мать родная не узнает.

А мать родная никогда бы Шарика и без раскраски не узнала бы. Она его практически никогда в жизни и не видела.

История семнадцатая

Новогодний праздник в Простоквашино

К Простоквашину всё ближе и ближе подступал Новый год. И все ликовали — и пёс, и кот, и сам дядя Фёдор.

А почтальон Печкин грустный ходил. Он однажды сказал дяде Фёдору:

— Вам хорошо. Вас много, целых трое и ещё галчонок у вас. А я живу один, как на помойку выброшенный. К вам родители приедут, а ко мне никто не приедет.

Поэтому дядя Фёдор сразу написал письмо маме и папе: Дорогие мои родители!

Когда вы ко мне приедете, вы, пожалуйста, и к почтальону Печкину приезжайте. А то он один живёт, совсем грустный стал. Ваш сын дядя Фёдор.

И вот в день Нового года утром папа с мамой в Простоквашино приехали. Они первым делом всех расцеловали, даже Шарика, а потом всем подарки вручили.

Дяде Фёдору — новый костюм лыжный вместе с лыжами. Коту Матроскину — набор для вышивания. А Шарика папа с мамой подарили новое фоторужьё со снайперским прицелом.

Папа сказал:

— Ты, Шарик, теперь можешь не то что орла — муху за километр сфотографировать.

— Мы ни про кого не забыли? — спрашивает мама.

— Забыли, — говорит дядя Фёдор. — Про почтальона Печкина забыли.

— И вовсе мы про него не забыли, — сказал папа. — Мы ему очень нужный подарок привезли — костюм парашютного десантника.

— Моя сестра Тамара из армии на пенсию уходила, — объяснила мама. — И ей много подарков военных дали: и сапёрную лопату, и бинокль, и плащ-палатку, и многое другое. Все вещи ей пригодятся. А вот парашютным десантником она быть не собирается в свои шестьдесят.

— А разве Печкин собирается? — спросил ехидный Матроскин.

— Может, Печкин и не собирается. Только, чтобы почту разносить, этот костюм очень полезный. Ему никакой ветер не страшен и никакой дождь, — объяснила мама.

Тут же папа сел и пригласительный билет для Печкина написал: ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ (на одно лицо)

Уважаемый Печкин!

Приглашаем Вас на Новый год. Начало Нового года в десять часов.

Форма одежды нарядная.

Шарик взял письмо и к Печкину побежал. Постучал в дверь. Печкин спрашивает:

— Кто там?

Шарик отвечает:

— Это я. Почтальон Шариков. Принёс для вас пригласительный билет.

Печкин мрачно ему отвечает:

— Не буду я дверь открывать! Не знаю я никакого почтальона Шарико-ва!

Шарик ни с чем и вернулся.

Тогда кот Матроскин билет ему понёс.

Пришёл он, в дверь постучал. Печкин спрашивает:

— Кто там?

Матроскин говорит:

— Это я. Почтальон Котовский. Принёс для вас пригласительный билет.

— Не знаю я никакого почтальона Котовского, — говорит Печкин. — Не буду я дверь открывать!

Кот тогда решил исправиться и говорит:

— Ой, я всё перепутал! Я почтальон Матросов.

— Что-то больно много у вас почтальонов, — говорит Печкин. — У вас, наверное, заговор. Отстаньте вы от меня!

Тогда сама мама дяди Фёдора к Печкину пошла. Когда почтальон Печкин спросил: «Кто там?», она без всяких выкрутасов ответила:

— Это я. Мама дяди Фёдора.

Печкин сразу дверь отворил.

— Ой, заходите, заходите, пожалуйста! Приятно видеть нормального человека. А то меня почтальоны одолели.

Мама всё ему объяснила — какие это были почтальоны. И билет пригласительный вручила.

Когда Печкин прочитал про одно только лицо, он испугался:

— А как же всё остальное?

— Вы не беспокойтесь, Игорь Иванович! Просто так в билетах говорится — «одно лицо». Это значит одна персона, один человек. А если бы вас с женой приглашали, написали бы на «два лица».

Печкин быстро успокоился. Но потом опять заволновался:

— Тут написано: «Форма одежды нарядная». А у меня никакой формы вообще нет, телогрейка одна.

Мама и тут его успокоила:

— Вы приходите. А нарядную форму мы вам в подарок привезли.

Печкин был счастлив, как никогда в жизни.

Новый год в этом году был очень праздничным. В доме дяди Фёдора горели свечи, переливались лампочки, звучала музыка и, как это ни странно, пахло весной.

Неприятности в Простоквашино

Рисунки А. Артюха

Глава первая

Подруга галчонка Хватайки

Жизнь в Простоквашино была всё краше и краше. Вовремя приходило лето, вовремя уходила зима. Дожди шли тогда, когда надо, а не так, чтобы когда ни попадя. И птицы прилетали, и рыба ловилась, — никто речку Простоквашку не отравлял.

Только в народе говорят:

— Если всё хорошо, это значит, что не всё хорошо.

Некоторые пессимисты заостряют:

— А если всё очень хорошо, это значит, что скоро всё будет совсем плохо.

Совсем плохо не вышло, но кое-какие неприятности в Простоквашино про-изошли.

Сначала сложности с Хватайкой начались.

Как-то раз пёс Шарик прибегает в поле к коту Матроскину, который там свою корову Мурку пас, и кричит:

— Хватайка жену привёл!

Матроскин ведро с молоком схватил, и вместе с Шариком побежал разбираться — что это за жена такая.

И верно, Хватайка жену привёл. Да та-кую носатую, клевачую, что другой такой и за сто вёрст не найти. Она своим носом больше в попугая пошла, чем в галку.

Попытался Матроскин её тихонько со шкафа к окну повыталкивать — какое там! Шипит и кусается!

А сам Хватайка сбоку поглядывает: мол, я что, я ничего — так вот случилось! Хотите — выталкивайте, хотите — не выталкивайте, только я сам её выталкивать не буду!

И она осталась. Твёрдо так она у Хватайки на шкафу поселилась. Назвали подругу Хватайки — Тащилка. И конечно, стала она всякий мусор к себе на шкаф тащить, чтобы гнездо вить.

Пока она основу гнезда из старых авторучек устраивала и из окурков уличных, всё было сносно. Но когда она стала гнездо мягким пухом покрывать, то выяснилось, что самый мягкий пух находится у кота Матроскина на животе.

И началось!

Только Матроскин возле своей коровы Мурки на полянке разляжется, лапы на солнышке в разные стороны разбросит, эта крылатая хулиганка как подскочит, как хватит его за пух на пузике — и бежать!

Матроскин буквально из себя выскакивал:

— Караул! Кыш! Поймаю! Сварю! Утоплю!

Он гонится за ней, а за ним гонится и сам «летающий пинцет» Хватайка. И тоже норovit из спины у кота клочок шерсти вытащить.

Ой, как Матроскин прыгал, ой, как страшно рычал!

Шарик, всё это видя, себя по животу лапами хлопал и вопил:

— Ой, как смешно! Ой, как смешно! Ой! Кто это меня в спину клюнул! Ой, кто это из меня

шерсть выклёвывает?! Поймаю — сварю!

Через некоторое время в гнезде на шкафу яйца появились.

Матроскин с одной стороны гордился:

— Вот мы какие! У нас любая живность разводится!

А с другой очень боялся:

— Когда эта эскадрилья из яиц вылупится, нам же из дома бежать придётся. Домашние куры — это я понимаю. Но домашние галки — это перебор, это уже слишком! Это всё равно, что мышей в доме разводить.

Глава вторая

Визит дедушки Кадушкина с чемоданом

Как-то утром в солнечную погоду в калитку к дяде Фёдору кто-то постучал.

Все, конечно, быстро обрадовались и наперегонки побежали калитку открывать.

За калиткой стоял некрепкий такой, дохловатый дедушка с белой бородой, в соломенной шляпе и старым кожаным чемоданом на колёсиках.

— Здравствуйте. Я ваш дедушка.

— В каком смысле дедушка? — спросил Матроскин.

— В том смысле, что вы живёте в моём доме.

Все так и оторопели и глаза на дедушку вытаращили.

— А кто может подтвердить, что мы живём в вашем доме? — спрашивает кот.

— Никто не может, — говорит дедушка. — Все подтверждальщики умерли.

— Значит, это не ваш дом! — говорит Матроскин.

— Нет, мой!

— Раз подтверждальщиков нет, — спорит кот, — значит, дом не ваш.

— Нет, мой, — спорит дедушка. — Я даже скажу, что в нём есть. Печка, стол и две лавки. И картина на стене «Три богатыря на лошадях».

— Никаких «Богатырей» у нас нет, — говорит Шарик. — У нас только «Три медведя на деревьях».

— Значит, одичали, — говорит дедушка.

— И лавок у нас нет! — кричит Матроскин. — У нас только стулья.

— Значит, вы мои лавки перепилили и сожгли.

Тут Шарик раскипятился:

— Это как понимать? Раз мы живём в этом доме, значит, это наш дом. А вы можете смело дальше идти, вплоть до горизонта. Там ещё много таких домов встретится и все ваши!

Тут дядя Фёдор вмешался:

— Вы, дедушка, расскажите нам, кто вы? Как ваша фамилия? Откуда вы взялись? Где вы раньше жили?

— Раньше я жил здесь, — говорит дедушка. — И взялся я отсюда. Фамилия моя очень благородная и трудовая. Моя фамилия — Кадушкин Нил Силыч.

Тут дедушка задумался.

— Нет, наоборот: Сил Нилыч. Но Кадушкин — это точно.

Матроскин тихо так говорит Шарику:

— Сбегай к почтальону Печкину. Пусть он скажет — знает ли он этого дедушку Кукушкина... нет: Какош..., нет: Кадушкина с чемоданом.

Шарик побежал, а Матроскин дальше так сурово спрашивает:

— Документы у вас есть?

— Какие такие документы? — говорит дедушка. — Возраст и борода — вот мои документы.

Матроскин застеснялся. Ему как-то неловко было о документах говорить: у него самого документов отродясь не было. Но он всё равно настаивает:

— Ну, такие документы, с номером, печатью, с фотографией... паспорт, что ли, там.

— Нет у меня никакого паспорта, — говорит дедушка.

— Ладно, — говорит дядя Фёдор. — Проходите пока в дом. Мы вас чаем напоим.

Глава третья

Визит продолжается

Тут почтальон Печкин поспешно пришёл с Шариком. Он, видно, себе яичницу готовить собирался, потому что у него в руке три яйца куриных было.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Знаете ли вы этого дедушку с чемоданом?

Печкин задумался и думал очень долго. А дедушка вмешался:

— Откуда он может меня знать, этот юноша, — ему в те времена ещё и десяти лет не было.

Печкин обрадовался, что его юношей назвали и говорит:

— Я такого дядю припоминаю. Был у нас похожий. Только у него на руке никакого самовара нарисовано не было.

— Это не самовар! — обиделся дедушка. — Это маяк к новой жизни.

— Маяк — это хорошо, — говорит Печкин. — А всё-таки какие у вас есть документы? Сегодня время такое, как в революцию: людей без документов не бывает.

Дедушка понял, что Печкин — человек серьёзный и так просто от него не отделаешься. Он открыл свой чемодан и говорит:

— Вот у меня есть справка с последнего места работы.

Печкин взял справку и стал читать, а яйца, чтобы они ему не мешали, на шкаф положил:
Справка

Дана Кадушкину Силу Нилычу, что во время пребывания в лесотундре Министерства внутренних дел проявил себя как инициативный работник. Лесонорму выполнял ежедневно. Досрочно освобожден по зачёту.

Печкин сразу понял, какая к ним «птица» прилетела, и спрашивает:

— Ну и чего вам там не сиделось в Министерстве внутренних дел? И зачем вам новая жизнь понадобилась? Чем это вас старая не устраивала? Работник вы инициативный, лесонорму выполняли.

Дедушка Кадушкин даже разозлился:

— А ты сам когда-нибудь пробовал выполнять лесонорму в лесотундре?! Тебе бы тоже там не особенно сиделось!

Дядя Фёдор решил его успокоить:

— Вы лучше чаю выпейте, отдохните и всё о себе по порядку расскажите.

И дедушка Кадушкин стал рассказывать.

Глава четвёртая

Жизнь дедушки Кадушкина

Жизнь у дедушки была как у Колобка. Он, когда был маленьким, от дедушки ушёл, от бабушки ушёл и пошёл по плохой дорожке.

Он говорил:

— Меня шоколад сгубил. Я с детских лет конфеты люблю. Как пойду я по улице, как увижу магазин шоколадно-ювелирных изделий, так пройти мимо спокойно не могу, обязательно

утащу коробку.

— То есть вы были воришкой? — говорит дядя Фёдор. — Значит, вы в тюрьме сидели?

— Да, сидел, — согласился дедушка.

— А конкретно, за что вы сидели?

— Как — за что? За правду сидел.

— Как — за правду? — удивился Печкин. — У нас за правду не сажают.

— Ещё как сажают, — говорит дедушка.

— Приведите убедительный пример.

— И приведу, — говорит дедушка. — Меня, например, в милиции спрашивают: «Ты шоколад украл?» Я говорю: «Украл». Вот меня за правду и сажают.

Все задумались над такой несправедливостью. А дедушка добавил:

— Мало того, я и за неправду сидел.

— А уж это как? — поразился Печкин.

— А так. Я, например, залезу в ларёк и утащу ящик фанты, а когда меня поймают, хозяин ларька говорит, что у него два ящика фанты пропало. А вообще мне у вас очень нравится. Я у вас жить буду. Я вас многому научу: и как в форточки залезать, и как интересные вещи утаскивать, и куда интересные вещи девать.

— Нет уж, — говорит дядя Фёдор. — Это мы вас многому научим. И как дрова заготавливать, как крышу чинить, и как корову пасти.

— И как почту разносить, — сказал почтальон Печкин.

Он взял два яйца со шкафа, а третье забыл. Хватайкина жена Тащилка яйцо тотчас же к себе в гнездо укатила. И со страшным старанием начала высиживать.

Глава пятая

Новая жизнь со стареньким дедушкой

Утром проснулись оттого, что Хватайка со своей женой сильно ругались. Хватайку очень смущало большое яйцо в гнезде. Он его всё время из гнезда выталкивал, а Тащилка яйцо обратно закатывала.

И оба они кричали как ненормальные.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Где же наш дедушка?

Смотрят все — нет дедушки.

Тогда кот Матроскин спрашивает:

— Да, где же наш дедушка и где наш телевизор со стола?

Смотрят все — и верно: дедушки нет и телевизора на столе нет.

Пришла очередь Шарика спрашивать. Он и спрашивает:

— Где наш дедушка? Где наш телевизор со стола? И где моё фоторужьё?

Вышли во двор. Тут дядя Фёдор ещё одну пропажу заметил:

— И где моя тачка для огорода с двумя колёсами?

Шарик подумал, подумал и понял:

— Наверное, их дедушка в ремонт понёс, — решил Шарик. — На тачку погрузил и понёс.

— А чего их на тачку грузить, — возражает кот. — Они и так хорошо работали.

— Может, он решил их на профилактику отнести, — предположил дядя Фёдор. — Сейчас всем пылесосам и автомобилям профилактику делают.

Ждали дедушку час, ждали два, на третий Шарик сказал:

— Ну, если он сюда через полчаса не вернётся, я ему такую профилактику сделаю! Его два года в больнице ремонтировать будут.

Но ремонтировать дедушку не пришлось. В этот день он не появился.

Не появился он и на другой день, и на следующий, и вообще исчез. И скоро о нём забыли как о неприятном сне.

Глава шестая

Письма от тёти Тамары

Всё шло своим чередом. Галки ругались на шкафу, — видно, Хватайка никак не мог понять, откуда на них свалилось такое большое яйцо. Корова давала молоко, а дядя Фёдор из-за отсутствия телевизора много читал. И ещё очень много времени у дяди Фёдора огород отнимал.

Дело в том, что его тётя — тётя Тамара стала большим деятелем в Государственной Думе. Она по нашей стране и по всем другим не нашим странам с делегациями ездила. И отовсюду по почте присылала дяде Фёдору семена и разные огородные сюрпризы.

Например, она писала из Индии: Дорогой дядя Фёдор!

Посылаю тебе семена гигантской моркови из индийского штата Пенджаб. Одной такой

морковью можно накормить целый детский сад и ещё одного поросёнка. (Потому что остаётся много непрожёванного.)

Главное — эту морковь вовремя посадить (она любит солнце) и вовремя собрать (пока она не задеревенела).

До свиданья,

до встречи на огороде. Твоя тётя — тётя Тамара.

Потом она писала из Америки: Дорогой дядя Фёдор!

Могу тебя обрадовать — я нахожусь в США. Я посылаю тебе из штата Алабама невероятные удобрения. Один пакетик удобрений заменяет машину навоза. Если этим порошком посыпать грядки, то всё начинает расти в десять раз быстрее. Я сама видела у них клубнику размером с футбольный мяч.

Дорогой дядя Фёдор! Больше читай книг и учись.

Мне в молодости трудно давалось учение. Но однажды я узнала: «Тяжело в учении — легко в бою!» — и пошла в армию. Я потеряла много лет и стала всего лишь полковником. А если бы я много читала, я бы достигла большего. Я бы сейчас была не простым депутатом, а командиром взвода депутатов — или, как у нас в Думе говорят, начальником фракции.

И ещё. Больше воспитывай себя сам. Самовоспитание — это великая вещь.

У нас в армии говорили так: «Ни один боец без самовоспитания не жилец».

И запомни, мой дорогой дядя Фёдор: надо больше читать. Никакой телевизор не заменит тебе чтение художественной литературы.

С телевизором у дяди Фёдора всё было ясно. Не было телевизора. Он много читал. А с остальными советами он просто не знал, что делать.

Тётя Тамара была из тех тёт, которые ни в чём не имеют сомнений. Она всегда разговаривала командирским голосом. Всегда была права. Когда она входила в комнату, она первым делом говорила:

— Вольно!

Как ни странно, после этой команды все наоборот вставали по стойке смирно.

Однажды тётя Тамара прислала дяде Фёдору сельскохозяйственное письмо прямо из Парижа: Дорогой дядя Фёдор!

Находясь в трудной и ответственной поездке во Франции, я нашла для тебя то, в чём ты больше всего нуждаешься — складную карманную огородную лопату. Она хороша тем, что умещается в нагрудном кармане пиджака. В любой момент за полчаса её можно собрать из разных частей и пустить в ход. И весит она совсем немного — всего три килограмма.

Желаю тебе хороших урожаев. Твоя любимая тётя Тамара. Париж, Елисейские Поля.

И все её подарки, как нарочно, давали обратный эффект — не упрощали труд дяди Фёдора, а усложняли. Например, из семян гигантской индийской моркови вырос крепкий деревянный кустарник с колючками.

Французскую складную лопату дядя Фёдор с папой неделю собирали. У них то домик получался с трубой, то сковорода. В конце концов, они все части в пакетик целлофановый сложили и решили ждать тётю Тамару.

— У неё лучше получится. Может быть, у неё ещё и инструкция есть.

Порошковый навоз из Америки дядя Фёдор решил Печкину подарить. У Печкина тоже свой огород был.

Печкин, когда увидел порошок, сказал:

— До чего наука дошла! Целую машину навоза в один пакетик запихнули! Если то же самое с машиной картошки сделать, сколько же из пакетика картофельного пюре можно будет вытряхнуть!

Дольше всего дядя Фёдор с индийским кустарником сражался, который из семян гигантской моркови вырос. Никакая коса его не брала. Дядя Фёдор даже устал его срубить и спиливать.

— И чего ты, дядя Фёдор, мучаешься? — сказал Матроскин. — Позови почтальона Печкина с козой. Зря, что ли, мы ему козочку дарили! Она в пять минут тебе любой кустарник уничтожит.

Дело в том, что в день рождения Печкина в прошлую осень дядя Фёдор и Матроскин ему козочку маленькую подарили. Печкин имя ей дал почтовое — Марка. Козочка выросла и превратилась в большую козищу. Она всё время ела зелень. Очень быстро ела. Очень торопилась. Видно, боялась, что скоро зима придёт и всё зелёное закончится.

— И верно, — сказал Шарик. — У нас в Простоквашине из-за этой козы ни одной клумбы целой не осталось. Никаких цветов — одни корешки торчат. На всей деревне ни одного деревца нет не обглоданного. Она даже всю ветеранскую рощу Победы сгрызла, которую школьники растили. Стыдно пожилым людям в глаза смотреть!

Коза Марка самому почтальону Печкину много неприятностей доставляла. Мало того что она была на диво жевачая, она была ещё и на диво прыгучая. Она даже на чердак его дома залезала.

Полез Печкин как-то вечером на чердак за веником для бани, чтобы попариться, а там никаких веников нет — один навоз козий рассыпан и верёвочки висят.

Дядя Фёдор позвал к морковному кустарнику Печкина, чтобы он со своей козой пришёл.

Печкин сразу пришёл, и коза Марка два дня кустарник грызла.

Почтальон Печкин сначала радовался, а потом жаловаться стал:

— После вашего кустарника у моей козы молоко горькое стало, как осиновая кора.

Дядя Фёдор никогда осиновою коры не ел, поэтому он совсем не расстроился.

Матроскин тоже осиновую кору не ел, но он очень огорчился. Ему даже чужое молоко было жалко.

А тем временем дедушка Кадушкин вновь объявился.

Глава седьмая

Явление блудного деда

Пришёл дедушка ещё больше обтрёпанный и поношенный.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я — ваш дедушка. Я так сильно без вас скучал!

— Здравствуйте, — говорит дядя Фёдор. — Если вы — наш дедушка, скажите — где наш телевизор со стола?

— Да, — спрашивает Шарик. — И где мое фоторужьё с фотоприцелом?

— И где наша замечательная тележка на двух колёсах? — добавил Матроскин.

— Понимаете, — говорит дедушка. — Тут такая беда случилась — я под влияние плохих людей попал. Это они меня подговорили телевизор у вас украсть. Зато я столько вам шоколадных конфет принёс!

Он наклонился и высыпал с головы в соломенную шляпу четыре крохотные замусоленные шоколадки.

— Спасибо, — сказал кот Матроскин. — Мы не любим ювелирно-шоколадные изделия.

— Ну и не надо!

Дедушка опять наклонился, вставил голову в шляпу, и конфеты снова высыпались туда. А все стояли вокруг него и молчали.

— Значит, мы будем милицию вызывать, — сказал наконец дядя Фёдор.

— И прокуратуру! — добавил страшное слово кот Матроскин.

— Ой, нет! — закричал дедушка. — Только не это! Мы по другому сделаем. Дайте мне шанс исправиться. Дайте мне последнюю возможность начать новую жизнь. Дайте мне немного денег, — и я у этих плохих людей всё обратно выкуплю.

Дядя Фёдор, кот Матроскин и Шарик встали в кружок, как команда телевизионной программы «КВН», и стали совещаться.

— А что? — говорит Шарик. — Давайте дадим ему деньги. Пусть он наш телевизор обратно купит.

— Ага, — говорит кот. — Мы ему деньги дадим — и больше никогда ни денег, ни его не увидим.

— Может быть, это и хорошо, — говорит дядя Фёдор. — Может быть, в этом и есть главный смысл, чтобы этого Кадочкина никогда больше не видеть.

— Не Кадочкина, а Бочкина, — поправил его Шарик.

— И не Бочкина, а Кадушкина, — сказал кот.

— И много вам денег надо? — спросил дядя Фёдор дедушку.

— Нет, немного. Давайте все, какие есть.

— Хорошо, — сказал дядя Фёдор. — Вот вам сто рублей, идите к плохим людям и без телевизора оттуда не возвращайтесь.

«И с телевизором тоже», — подумал про себя Матроскин.

Глава восьмая

У Хватайки появляются птенцы

Конечно, дедушка с телевизором, фоторужьём и тачкой не вернулся. Видно, он опять попал под влияние плохих людей. И они теперь вместе с увлечением ели шоколадные конфеты.

Но о нём никто и не вспоминал — у Хватайки вывелись птенцы. Все чёрные, а один жёлтый, с гребешком. Он из того яйца вывелся, который почтальон Печкин на шкафу оставил.

С самого утра семья Хватайки начинала устраивать базар. Птенцы тянули вверх жёлтые клювы, качали ими, разевали их, как дамские сумочки, и кричали:

— Кар-кар-кар! Ку-ка-ре-кар!

Хватайка с Тащилкой запихивали в них червяков размером в километр.

— Нет, это невыносимо, — сказал Матроскин. — Надо их на улицу переселить.

— Куда на улицу? — спросил дядя Фёдор.

— Куда угодно, хоть в собачью будку.

— Спасибо, — сказал Шарик. — А я что, буду на шкафу жить?

— Зачем на шкафу, — говорит Матроскин. — Под кроватью. Или на коврик у дверей.

— Вот ты сам и спи на коврик у дверей, а я свою будку никому не отдам.

Решили для Хватайки квартиру построить, то есть скворечник, а вернее галчатник.

Дядя Фёдор сразу признался:

— Я не очень умею галчатники строить. Давайте Печкина позовём.

Печкин был человек деревенский, мастеровой, он и топором, и рубанком, и пилой очень хорошо работал.

Он пришёл и сказал:

— Ага, не можете без меня! Как чай пить, как день рождения отмечать, как телевизор смотреть, так без меня, а как скворечники строить, сразу — Печкин.

— Какой такой телевизор? — говорит Шарик. — Нашему телевизору ноги приделали.

— Чьи ноги, кто приделал? — спрашивает Печкин.

— Я не знаю как сказать, — замялся дядя Фёдор. — Тут наш дедушка Кадушкин попал под плохое влияние.

— Какое там влияние! — кричит Матроскин. — Просто этот дедушка в кадучке спёр наш телевизор и продал на рынке, вот и всё влияние.

— Я его в городе видел, в парке около скамейки, — говорит Печкин. — Он был весь потёртый и шоколадом вымазанный. Он что-то под скамейкой искал.

— Что он мог там искать? Наверное, какое-нибудь ювелирно-шоколадное изделие закатилось, — решил Матроскин.

Печкин принялся за галчатский скворечник и скоро его смастерил. У него получилось что-то среднее между обычным скворечником и собачьей будкой.

Потом он долго пил чай с конфетами и беседовал с котом Матроскиным о политике.

Почтальон Печкин спрашивал:

— Интересно, будут ли у нас в Простоквашино выборы губернаторов?

Матроскин отвечал:

— А кто его знает!

Дядя Фёдор спросил:

— Как там у вас американский порошок, который машину навоза заменяет?

Печкин очень обрадовался:

— У меня теперь в огороде всё хорошо растёт. Особенно морковь и свёкла. Уже почти по пояс выросли. Американцы зря ничего не придумывают. Я уверен — американский навоз самый витаминный в мире.

Прежде чем верхнюю крышку скворечника приколотить, взяли всё Хватайкино семейство и вместе с гнездом в скворечник запихнули.

— А теперь куда их? — спрашивает дядя Фёдор.

— Как куда? — говорит Печкин. — На чердак, к слуховому окну. Где веники для бани сушат.

Хватайка и Тащилка не хотели переезжать в другой район. Они кричали и клевались, аж до крови. Пришлось им вход в скворечник старым тапочком заткнуть.

Тогда они утихомирились и мирно на чердак переехали.

Глава девятая

Что ни день, то интереснее

Галчатский петух на чердаке рос не по дням, а по часам. Ближе к июню он уже начал кукарекать. Но не так как все петухи: ку-ка-ре-ку, а как-то по особому: ку-ка-ре-кар-кар!

Скоро он начал с чердака слетать и по огороду разгуливать. Но если обычные куры ищут зёрна и червяков, то этот искал, с кем бы подраться.

Дрался он с воронами, с дворняжками, с другими петухами и с каждым разом всё удачнее.

Хватайка пытался его урезонить, но куда там! Петух вырос в три раза здоровее папы и в десять раз клевачее мамы.

Дядю Фёдора, Матроскина и Шарика он не трогал. Но на всех остальных людей бросался точно ворон и клевал их в голову.

Из него настоящий сторожевой петух получился. Почтальон Печкин к ним почту приносил в трофейной немецкой военной каске с ро?жками.

Он заявлял:

— Хорошо, что у меня каска есть, которая от дедушки досталась. А то бы мне пришлось почту под корытом разносить. Ползал бы я под ним, как настоящая черепаха.

Кот Матроскин часто так говорил:

— Всё! Новое поколение выбирает петухов. Шарик у нас теперь отдыхает.

Долго думали, как петуха назвать.

И решили сделать как всегда: пусть каждый своё имя придумает и на бумажке напишет. Чьё имя из шапки вытащат, так петуха звать и будут.

Кот Матроскин придумал имя Штурмовик. Очень грозное имя для врагов.

Шарик ещё дальше пошел. Решил назвать его Истребитель.

А дядя Фёдор придумал простое и красивое имя — Сокол Ясный. Как из сказки.

И всё очень хорошо получилось. Сокола Ясного из шапки и вытащили.

Обычно Сокол Ясный сидел на крыше у трубы.

Стоило только постороннему человеку войти во двор, как он немедленно поднимал голову вверх, кричал своё галчато-петухайское ку-ка-ре-кар-кар, коршуном слетал вниз и садился прямо на голову этого человека.

Однажды к ним за спичками пришёл сосед — профессор Сёмин. Только он вошёл на участок, как Сокол Ясный закукарекокаркал как ненормальный, и с клёкотом бросился вниз.

Он сел на профессора Сёмина и стал сердито клевать его в шляпу. Бедный профессор забегал, забегал по участку, замахал руками, но петух всё не слезал.

Профессор в ужасе забился в будку Шарика, одни только тапочки торчали.

Сокол Ясный схватил один тапок, улетел с ним на чердак и стал рвать на кусочки и верёвочки.

Пришлось профессора Сёмина под кастрюльной охраной домой провожать в одном тапочке.

И тут, как раз в это петухово-истребительное время, дедушка Кадушкин заново объявился.

— Здравствуйте, я — ваш дедушка.

Только он подошёл к калитке, как Со-кол Ясный закричал своё ку-ка-ре-кар-кар и прямо на голову ему спикировал. Он так долбанул дедушку в затылок, что из затылка искры посыпались.

Дедушка закричал:

— Спасите! Убивают! — И бросился бежать на почту.

Он забежал в помещение, закрыл за собой дверь и спрашивает у Печкина:

— Что это было? Кто это такой с отбойным молотком мне на голову сел?

— Как кто? — говорит Печкин. — Это петух штурмовой. Дядя Фёдор новую породу кур вывел. Это такая смесь с воронами. У нас теперь по деревне без кастрюли на голове спокойно пройти нельзя.

Дедушка выпросил у почтальона Печкина старый таз и снова к дяде Фёдору явился.

— Здравствуйте, я ваш дедушка. Я понял: вы — очень хорошие люди, потому что у вас хорошо кормят котлетами. Я хочу вас обрадовать — я буду жить у вас всегда.

Дядя Фёдор отозвал Матроскина в сторону и спросил:

— Что будем делать?

— А что мы можем сделать? Будем радоваться. Он здесь прописан, пусть живёт. Больше он ничего у нас не утащит. У нас больше и нет ничего, только кровати остались да печка.

И стал дедушка Кадушкин дальше с дядей Фёдором жить. И никак от него дядя Фёдор не мог избавиться.

Тут дяде Фёдору сильно стал Ясный Сокол помогать. Как он увидит дедушкину лысую голову, сразу на дедушку пикирует и хлоп его клювом по затылку!

Кот Матроскин и Шарик каждый раз немного подхихикивали: мол, так тебе и надо, противному. А дядя Фёдор дедушку жалел — противный, а всё-таки дедушка.

Дядя Фёдор всё собирался петуху на голову специальный колпачок надевать и на руке его носить, как охотничьего сокола. Чтобы выпускать его только на плохих людей, на мафию там, на жуликов.

Но дедушка был не просто противный, он был хитро-противный. Он говорил:

— Я тебя, несчастная курица, проучу!

Однажды утром, когда все спали, он вытащил на улицу свой чемодан на колёсиках, раскрыл его и поставил посередине лужайки перед домом.

Потом он насыпал туда яровой пшеницы, привязал к крышке длинную верёвку и, прикрываясь корытом, заполз в траву. Ну, чистый Конёк-Горбунок.

Он стал кричать из травы:

— Цып-цып-цып! Орл-орл-орл! Петя-петушок!

Петуховый сокол высунулся из чердака, увидел чемодан с яровым зерном, обрадовался и полетел зерно клевать.

— Ага, — сказал дедушка. — Попался!

Он потянул за верёвку, чемодан за-крылся, и петух оказался в ловушке.

Дедушка схватил чемодан и скорее побежал за горизонт к тем плохим людям, под чьё влияние он попал.

Глава десятая

Письмо домой

Село Простоквашино. Поздний вечер. Солнце уже ушло, но звёзды ещё не вышли. Может быть, они уже и вышли, но их ещё не видно. А может быть, их уже и видно, только на них никто не смотрит.

Дядя Фёдор сидит у окна и пишет письмо домой родителям: Дорогие мама и папа!

У нас всё хорошо. Особенно природные условия: нет никаких дождей и снегопадов. И в огороде у нас всё прекрасно растёт, особенно...

Тут он остановился:

— Матроскин, что у нас хорошо растёт в огороде?

— Крапива, — подсказал Матроскин.

Дядя Фёдор дописал и получилось:

И в огороде у нас всё прекрасно растёт, особенно крапива...

Он стал писать дальше:

Передайте тёте Тамаре, что из её индийской моркови вырос отличный деревянный забор. Такая морковь принесёт большую пользу дачникам, чтобы огораживать участки.

Он прочитал это Матроскину и спросил:

— Правильно, Матроскин?

— Правильно, — ответил кот. — Если она пришлёт нам ещё семена съедобных строительных столбов, хотя бы два семечка, мы совсем обрадуемся.

— Почему? — спросил дядя Фёдор.

— Тогда у нас вырастут качели.

Дядя Фёдор так и написал:

Если она пришлёт нам ещё семена съедобных строительных столбов, хотя бы два семечка, мы совсем обрадуемся. Тогда у нас вырастут качели.

Ещё передайте тёте Тамаре, что американский навозный порошок мы подарили почтальону Печкину. Он просто ликует.

Дядя Фёдор спросил:

— Матроскин, что наш Печкин сказал про подарок тёти Тамары?

— Он сказал, что никогда не носил в кармане целую машину навоза.

Получилось так:

Он просто ликует. Он сказал: «Никогда не носил в кармане столько навоза».

Дядя Фёдор стал заканчивать письмо:

Ещё передайте тёте, что карманную огородную лопату весом в три килограмма собрать нам так и не удалось. Ждём тётю Тамару с инструкцией по сборке. Может быть, вместе с ней мы эту лопату осилим.

А теперь самое интересное. Сейчас у нас в доме поселился дедушка Кадушкин, который и раньше жил в этом доме. Он очень хороший, только...

Здесь дядя Фёдор остановился:

— Матроскин, как правильно писать слабАвольный или слабОвольный?

— Пиши «плохой», — сказал Матроскин.

Дядя Фёдор дописал. И получилось:

Он очень хороший, только очень плохой.

Дядя Фёдор стал писать дальше:

Из-за него у нас стали пропадать вещи. Но теперь уже ничего не пропадает...

— Правильно?

— Правильно, — говорит кот. — Потому что всё уже пропало, кроме печки.

Дядя Фёдор так и продолжил:

Потому, что всё пропало, кроме печки.

И стал опять заканчивать письмо:

Мы просто не знаем, что делать с этим дедушкой Кадушкиным. Но ничего, я думаю, что мы с ним справимся, мы его перевоспитаем. А в остальном у нас всё хорошо. Особенно хороши

природные условия.

А ещё у нас на чердаке вывелся петух Ясный Сокол. Он всех посторонних клюёт. Недавно мимо нас шёл профессор Сёмин. Так этот петух налетел на него, стал клевать в причёску и загнал профессора Сёмина в собачью будку. Хорошо, что там не было Шарика, а то они вместе там бы застряли и пришлось бы будку разламывать, чтобы они вышли наружу.

Да, чуть-чуть не забыл. Раньше этот дедушка Кадушкин сидел в тюрьме за правду. Теперь не сидит. Пока. Ваш сын — дядя Фёдор.

У него получилось:

Раньше этот дедушка сидел за правду. Теперь не сидит пока.

Дядя Фёдор оставил письмо на столе, чтобы утром отнести на почту.

Кот Матроскин дописал два слова: «Молоко» и «Намёк». Потом налил молока в блюдечко и, макая спичку в молоко, молоком дописал:

Дорогие наши папа и мама. Приезжайте скорее. Избавьте нас от этого «дедушки в кадушке». А то нам с ним не справиться. Кот Матроскин.

Молоко высохло, и ничего не стало заметно.

Глава одиннадцатая

Страдания пожилого Печкина

Почтальон Печкин очень доволен был своим огородом. Он ходил и пел всё время слова на мотив песни знаменитого поэта Танича:

На дальней станции сойду,

Ботва по пояс.

Как хорошо

С ботвой наедине,

Бродить в полях,

Ничем не беспокоясь,

По сельско-огородной стороне.

Он потому так пел, что от американского увеличительного порошка и свёкла и морковь у него выросли большие-пребольшие. В них заблудиться можно было. А что там в земле было на том конце ботвы, Печкин не знал. Пришла пора посмотреть. Он попробовал вытянуть себе к обеду одну свёклу — ничего не получилось! Тянет он, потянет — вытянуть не может. Сил не хватает.

Печкин понял, что тянуть свёклу надо не одному, а коллективом, как в сказке «Репка».

Он позвал дядю Фёдора.

Тянут они вдвоём, тянут-потянут — вытянуть не могут. Позвали Матроскина.

Тянут-потянут — вытянуть не могут.

Позвали Шарика.

То же самое: тянут-потянут — вытянуть не могут.

Пошли профессора Сёмина звать. Его дома не было. Позвали его бабушку. Стали тянуть.

Все вместе они ухватились за листья, тянут-потянут — шлёпнулись.

— Вот тебе раз! — говорит Печкин. — Никакой свёклы, одни только корни выросли.

И верно, корней у этой свёклы, как у хорошего дерева. Коврик из них сплести можно.

— А где же свёкла? — спрашивает Печкин.

— Убегла! — отвечает Шарик.

Подёргали ещё немного, на морковь перешли. Караул! И свёкла и морковь одинаковые — корни одни! Только цвет корней разный: у моркови — фиолетовый, у свёклы — коричневый.

Печкин разозлился, он даже заикаться начал, косу схватил:

— Я се-се-йчас возьму ко-косу и всё это аме-ме-ри-каканское у-у-родство у-у-ничтожу!

Но Матроскин его остановил:

— Дядя Печкин, не уничтожай. У тебя коза Марка имеется. Вот она и будет всё это есть. Пусть у тебя свёкла не получилась, зато молоко получит-ся.

Печкин сразу успокоился.

— Это хо-хорошая мысль. Я свою козу очень люблю. Пусть он съест это аме-ме-риканское бе-бе-зобразие. Может из неё йогурт фиолетовый польётся.

Глава двенадцатая

Папа с мамой читают письмо

Тем временем письмо дяди Фёдора в город пришло. Папа с мамой очень обрадовались письму и стали его читать:

«Дорогие мама и папа. У нас всё хорошо. Особенно хороши природные условия. У нас нет никаких дождей и снегопадов. И в огороде у нас всё прекрасно растёт, особенно крапива».

Папа с мамой очень порадовались за дядю Фёдора. И стали дальше читать:

«Передайте тёте Тамаре, что из её индийской моркови вырос отличный деревянный забор. Такая морковь принесёт большую пользу дачникам, чтобы огораживать участки.

Если она пришлёт нам ещё семена съедобных строительных столбов, хотя бы два семечка, мы совсем обрадуемся. Тогда у нас вырастут ещё и качели».

Здесь папа с мамой посмеялись. Мама сказала:

— Наша Тамарочка такая забавная.

К чему она ни прикоснётся, всё наоборот выходит. Единственное, что она умеет по-настоящему — это дисциплину наводить. Она ещё когда девочкой была, как посмотрит строгим взглядом на какого-нибудь драчуна, он сразу же смиреет и сам ей рогатку в руки отдаёт.

Папа стал дальше читать:

«Ещё передайте тёте Тамаре, что американский навозный порошок мы подарили почтальону Печкину. Он просто ликует. Он сказал: „Никогда не носил в кармане столько навоза“.

Ещё передайте тёте, что карманную огородную лопату весом в три килограмма, собрать нам так и не удалось. Ждём тётю Тамару с инструкцией по сборке. Может быть, вместе с ней мы эту лопату осилим».

— Ой, — вспомнила мама, — у нашей Тамары скоро день рождения. Ты ей должен что-то подарить. Лучше всего что-нибудь военное, для кухни.

Папа подумал и решил:

— Я ей противогаз подарю. У неё всё время котлеты подгорают.

Потом мама спохватилась и добавила:

— Ой, и мне ты должен что-нибудь подарить для кухни, что-нибудь такое красивое, с намёком.

— Хорошо, — говорит папа, — я тебе соковыжималку подарю.

— За такие намёки ты у меня без обеда останешься, — говорит мама. — Лучше ты мне новый уют подари, наш старый совсем износился.

«А теперь самое интересное, —

стал дальше читать папа. — Сейчас у нас в доме поселился дедушка Кадушкин, который и раньше жил в этом доме. Он очень хороший, только очень плохой. Из-за него у нас стали пропадать вещи».

— Какой ужас! — сказала мама.

Но папа её успокоил:

— Подожди, кажется там всё налаживается.

И он прочитал:

«Но теперь уже ничего не пропадает, потому что всё пропало, кроме печки».

— Ничего себе налаживается, — говорит мама. — У них там, кроме печки, и не осталось ничего.

Папа дальше читает:

«Мы просто не знаем, что делать с этим дедушкой Кадушкиным. Но ничего, я думаю, что мы с ним справимся, мы его перевоспитаем. А в остальном у нас всё хорошо. Особенно хороши природные условия».

Это папу с мамой немного успокоило. Они стали дальше читать:

«У нас на чердаке вывелся петух Ясный Сокол. Он всех посторонних клюёт. Недавно мимо нас шёл профессор Сёмин. Так этот петух налетел на него, стал клевать в причёску и загнал профессора Сёмина в собачью будку. Хорошо, что там не было Шарика, а то бы они застряли там надолго и пришлось бы будку разламывать, чтобы их достать».

Да, чуть-чуть не забыл. Раньше этот дедушка Кадушкин сидел в тюрьме за правду. Теперь не сидит. Пока. Ваш сын — дядя Фёдор».

— Ничего не понимаю, — сказал папа. — Почему этот дедушка сидел в кадушке за правду?

— Да не в кадушке он сидел. Это у него такая фамилия — Кадушкин. Это жулик какой-нибудь. Ой, здесь ещё что-то написано: «Молоко» и «Намёк», что это значит.

— Это значит, — говорит папа, — что кот Матроскин нам намёк подаёт, что дальше письмо молоком написано.

— И как же его читать, — спрашивает мама, — если оно молоком написано? Его же не видно.

— Если письмо молоком написано, его надо подогретым читать.

— Это как так подогретым?

— А так, над свечкой. Или горячим утюгом проглаживать.

— Утюг у нас совсем износился, и свечек нет. Давай мы его в микроволновую печь положим.

Положили письмо в печку электрическую, ждали час, а оно никак не нагревается.

Тогда папа стал его при помощи спичек читать. Он так неосторожно пламенем под письмом водил, что чуть половину письма не сжёг. Но, наконец, на письме буквы стали появляться и слова:

«Дорогие наши папа и мама... (дырка)... Приезжайте... как можно... (дырка)... корей. Избавьте нас от этого (дырка)... души в кадушке. А то нам с ним не справиться... (дырка)... Кот Матроскин».

— Всё, — сказал папа, — первым делом выезжаем. Будем спасать мальчика от этого «душки в кадушке».

— Нет, — сказала мама, — первым делом посылаем телеграмму «Срочно выезжай!»

— Кому? Дяде Фёдору?

— Нет.

— Дедушке? «Душке в кадушке»?

— Нет.

— Так кому же?

— Как кому? Конечно же тёте Тамаре.

Глава тринадцатая

В дело вмешиваются войска

Тётя Тамара в это время находилась в армии, на военных сборах. Она, правда, была пенсионеркой. Но её, как всех старших командиров, часто снова в армию забирали для переподготовки.

В это раз её с новыми видами оружия знакомили. Она секретный подводный танк осваивала «Т-334-В». «В» означало — водонепроницаемый.

Как только она телеграмму про дедушку Кадушкина получила, она сразу отпуск на два дня по личным делам попросила и сразу собираться стала.

Взяла всё самое необходимое: полевой бинокль, сапёрную лопату, парашют шёлковый, новый, неношенный, и кое-что из мелочей: компас, складной нож финский, фонарь и радиотелефон — огонь на себя вызывать.

И попросила командира боевого вертолёт майора Крылышкина при учебном полёте учебно выбросить её с парашютом над деревней Простоквашино.

Майор, конечно, возражать не стал.

Так что с одной стороны к Простоквашино папа с мамой приближались, с другой — тётя Тамара на боевом вертолёте.

Глава четырнадцатая

Разные виды воспитания

А в это время дядя Фёдор и Матроскин пытались дедушку Кадушкина перевоспитать. Дедушка Кадушкин снова к ним явился, почему-то с забинтованной головой.

Дядя Фёдор спрашивал:

— Дедушка Кадушкин, где наш петух Сокол Ясный? Зачем ты его утащил?

Дедушка отвечал:

— Это я сгоряча сделал, неподумавши! Ваш Сокол Ясный всех моих друзей поклевал и поцарапал, а больше всех — меня. Мы не успели даже кастрюлю подходящую найти.

— Вы что, его варить хотели? — ахнул Матроскин.

— Нет, мы хотели его искупать, — сказал дедушка. — От пыли очистить, от мусора.

— Какой такой мусор! — говорит пёс Шарик. — Он у нас всегда чистый был, как бриллиант.

— Да, пока этот бриллиант ко мне в чемодан не забрался. А там много мусора было. Мы чемодан открыли — он как выскочит, как выпрыгнет, как станет всех клевать! А потом в окно, стекло разбил — и в бега. Сейчас где-то залёг.

— Дедушка Кадушкин, — спрашивает дядя Фёдор, — почему вы не хотите дрова в дом носить или огород пропалывать? У вас есть совесть?

Дедушка задумался.

— Совесть у меня есть, — говорит он, — но немного. Для дров и огорода не хватает.

— А на что у вас совести хватает?

— На половину кухни подмести. Только я и этого не могу сделать. У меня все пуговицы отрезаны. У меня штаны спадают.

— Кто же вам все пуговицы отрезал? — спрашивает кот.

— Я сам.

— Зачем же вы их обрезали?

— Чтобы половину кухни не подметать.

И все увидели, что он стоит и штаны руками поддерживает.

— А раз так, — кричит Матроскин, — мы вас отсюда выгоним!

— Меня выгнать нельзя, — говорит дедушка. — Я здесь прописан.

Ну, что ты будешь делать с этим дедушкой-жуликом. Хоть плачь! Дядя Фёдор совсем загрустил.

И тут мама с папой приехали. Мама со всеми долго обнималась по очереди.

И с дядей Фёдором, и с котом, и с Шариком, а потом всех папе передавала обниматься.

Потом мама увидела дедушку и говорит:

— Это вы и есть тот самый уголовный элемент? Давайте я вас тоже обниму.

Дедушка руки расставил и штаны у него упали.

Мама сразу рассердилась:

— Я о вас и так не очень хорошо думала, а теперь и вовсе плохо думаю. В таких трусах по колёно с дырками приличные люди ещё в прошлом веке перестали ходить.

Дедушка так хулигански говорит:

— А вы мне свои подарите.

Мама совсем рассердилась, не знает, что придумать:

— Уходите отсюда! Это дом моего сына.

— Это мой дом.

— Ну, хорошо, — зловеще сказала мама. — Придётся ждать тётю Тамару.

Она сказала это таким строгим голосом, что дедушка сразу понял, что от ожидаемой тёти Тамары ему ничего хорошего ждать не придётся.

И тут все услышали, что в небе зелёный вертолёт шумит и сверху синий парашют падает.

Это тётя Тамара прилетела. Она не стала ни с кем обниматься. Она как парашют сложила, сразу увидела дедушку в спадающих штанах.

Она осмотрела его с ног до головы и военным голосом приказала:

— А ну, равняйся! Смирно! Отсюда в милицию шагом марш!

Дедушка сразу как-то весь сник, штаны поднял и, никуда не сворачивая, как загипнотизированный, отправился прямо в Простоквашино в милицию сдаваться.

Все сразу обрадовались, стали веселиться и первым делом пошли Простоквашино осматривать.

Всё папе, маме и тёте Тамаре нравилось. И новые дома кирпичные новых дачников. И цветы в каждом дворе. И огороды ухоженные.

— А это что? — спросила мама. — Кто это там у почтальона Печкина за забором? Неужели Печкин корову купил?

— Нет, — объяснил дядя Фёдор. — Это коза Марка.

— Таких огромных коз не бывает, — сказала тётя Тамара. — Я почти весь мир с трудными визитами объездила, но таких коз не видела.

— Так это потому, — ответил кот Матроскин, — что она ботву от моркови ела, которую американским порошком посыпали, от которого всё увеличивается. Ботва выросла до крыши, а коза — до забора.

Навстречу им почтальон Печкин вышел и каждому по трёхлитровой банке молока подарил. Он сказал:

— Я теперь другой человек стал, совсем невредный и добрый. Вот что благосостояние с людьми делает.

Так что все счастливы были.

Заключение и выводы

На другой день вечером, когда все дома чай пили и телевизор смотрели, который милиция им вернула, дядя Фёдор маме сказал:

— Не надо было нам помогать. Мы бы сами с этим дедушкой справились. Мы бы сами его перевоспитали.

— Нет, — сказала мама. — Дядя Фёдор, никогда бы вы его не перевоспитали. И запомни: для каждой работы свой человек нужен. Матроскин может с животными работать, особенно с коровами. Он — прирождённый фермер. Шарик — охотничий пёс. Его дело — фотоохота. Ты можешь людьми руководить, ты со временем будешь прекрасным директором большого завода. А тётя Тамара — прирождённый наводитель дисциплины. А дисциплину наводить пускай будет наша тётя Тамара. Она ничего не боится.

И тут вдруг громкий крик раздался:

— Ой, караул! Ой, спасите!

Это тётя Тамара вопила — на неё петух Ясный Сокол сел и стал клеваться.

Тётя Тамара была наземной военной, а это был воздушный десант, совершенно неожиданный. Поэтому она и закричала. А может быть, тётя Тамара просто щекотки боялась, а петух её крыльями защекотал.

Но так или иначе, всё хорошо кончилось.

И с этого дня дядя Фёдор жил спокойно, как всегда. Он только по петуху Ясному Соколу скучал. Уж больно это необычный петух был. КОНЕЦ

И вдруг, откуда ни возьмись, письмо! Пришло письмо на имя дяди Фёдора.

Оно было в таком сером конверте из твёрдой бумаги с опилками. Пришло оно из города Оймякона из исправительного учреждения № 111/100/345.

И было оно такое:

Дорогой гражданин начальник

дядя Фёдор!

Пишет тебе твой старый и верный друг Кадушкин Сил Нилыч! Тот самый, который у тебя телевизор украл и фоторужьё!

И пишет тебе он потому, что принял твёрдое решение начать новую, в этот раз честную жизнь. (Хотя жить ему осталось немного, каких-нибудь лет пять, из которых шесть он проведёт в неволе.) А начать её он решил в Простоквашине.

Дорогой дядя Фёдор!

Шарик и Матроскин!

Возьмите меня к себе жить — жильцом или сторожем.

А это моя фотография. Меня, как лучшего заключенного исправительного лагеря, сфотографировали на фоне красного знамени нашей колонии.

В письмо ещё была вложена красивая цветная грамота. На ней было написано: ГРАМОТА

Выдана родственникам/воспитателям (ненужное подчеркнуть) в благодарность за воспитание правильного бойца/заключённого (ненужное подчеркнуть).

Боец/заключённый (ненужное подчеркнуть) проявил себя как отличный товарищ, всегда

выполнявший задание точно и в срок.

За хорошее поведение ему в этом первом году службы/отсидки (ненужное подчеркнуть) будет предоставлено увольнение на семь дней, при условии принятия его на этот срок в гости родственниками/воспитателями (ненужное подчеркнуть).

Тут все надолго задумались. Им стало жалко дедушку Сила Нилыча, начавшего новую жизнь.

— Ну и что будем делать? — спросил гражданин начальник дядя Фёдор граждан-воспитателей кота Матроскина и пса Шарика. — Может быть, согласимся на принятие заключённого/бойца Кадушкина на этот короткий срок?

— Я за! — сказал Шарик.

— Я тоже за! — сказал Матроскин.

Потом он подумал и добавил:

— Пусть приезжает на этот срок... сторожем. **ВОТ ТЕПЕРЬ КОНЕЦ**

Привидение из Простоквашино

Рисунки А. Шевченко

Глава первая

Письмо дяди Фёдора

Весна в Простоквашино всегда приходила неожиданно. Вчера ещё зима была — метели там, морозы. И вдруг солнце на всё небо, лучи, ручьи, гололёд и всё — тепло стало. Однажды ближе к весне кот Матроскин и пёс Шарик получили письмо из города от дяди Фёдора:

Московская область, деревня Простоквашино, Шарик и Матроскину.

Они очень обрадовались письму. Шарик надел очки, которые у них забыл почтальон Печкин, и начал читать:

«Дорогие мои друзья, лохматый Шарик и полосатый Матроскин!

Недавно мы с мамой и папой побывали в отпуске за границей, в Финляндии...»

Здесь Шарик сделал замечание:

— Некоторые в отпуск уходят, а некоторые даже не знают, что это такое.

— Это ты не знаешь, что это такое?! — поразился Матроскин. — Да ты всю жизнь в отпуске: хвостом вертишь и по полям бегаешь.

Он забрал письмо и сам стал читать:

«За границей жить очень интересно. Там очень чисто, и там всё есть. Но больше всего меня удивило, как много там сделано для детей. Есть детские водяные парки, где все плавают и качаются на искусственных волнах. Там есть музей Мумми-троля и „Диснейленд“. Это такой развлекательный городок».

— Знаю, — сказал Шарик. — Я по телевизору видел.

— Конечно, — съехидничал кот, — ты у нас даже спишь без отрыва от телевизора.

Он стал продолжать:

«И ещё меня катали на специальной тележке, в которую был запряжён верблюд».

Шарик снова удивился:

— Почему это в Финляндии на верблюде катают? Там должны на оленях катать.

— Эх, ты! — говорит кот. — Это для экзотики. Оленей там каждый ребёнок видел, а верблюдов нет. У них верблюды редко встречаются. Как примерно у нас страусы. Вот они на верблюдах и катаются.

Дальше Шарик письмо до конца читал:

«Дорогие мои друзья, когда я приеду к вам на лето, мы должны в Простоквашино тоже что-то интересное устроить, чтобы дети могли развлекаться, а родители отдыхать. Правильно?»

— Всё, — сказал Матроскин. — Дожили. Наша спокойная жизнь в Простоквашино закончилась — будем Финляндию догонять.

Глава вторая

Собачка для почтальона Печкина

Почтальон Печкин много лет мечтал маленькую собачку завести. Но такую, чтобы была не очень кусачая, не из сторожевых, и чтобы была не очень лизучая, не из комнатных. Так, серединка на половинку.

— Мало ли что? — говорил Печкин. — Уйду я в деревню почту разносить, а кто-нибудь придёт и мой велосипед утащит.

Он всё время просил маму дяди Фёдора купить ему такую собачку.

Наконец мама дяди Фёдора собралась Печкину такой подарок сделать. Они с папой и с дядей Фёдором приехали на Птичий рынок.

На Птичьем рынке было очень скользко. Там продавцы и покупатели все за руки держались, чтобы не упасть. А упасть можно было только на собственную попу, потому что такая толкучка была.

Там много было собак всех сортов и всех размеров. Собаки прыгали, лаяли и скулили.

И продавцов было много самых разных: толстых и худых, причёсанных и непричёсанных,

аккуратных и совсем драных. Они всё время своих собак расхваливали:

— Купите мою овчарку, не пожалеете. Лучший друг. Буквально от сердца отрываю за сто рублей.

— Нет, лучше возьмите моего ротвейлера. Замечательная собака, прекрасный сторож, очень строгая. Всю семью перекусала.

Мама папе говорит:

— Собаку надо покупать, глядя не на собаку, а на продавца. Мне вон тот гражданин в серебряных очках очень нравится. Давай подойдём к нему.

Гражданин в серебряных очках держал за пазухой плотную рыжую собачку — совсем щенка.

Мама спросила его:

— Что вы можете сказать об этой собачке? Чем она хороша?

Продавец ответил:

— Эта собака всем хороша. Это собака многоцелевого назначения. И охотничья, и сторожевая, и домашняя. Это особая порода тибетско-монгольская, ши-цу-цы называется. Её тибетские далай-ламы^[1] для жизни в суровых континентальных условиях вывели.

— Расшифруйте, пожалуйста, — просит папа.

— Тут и расшифровывать нечего, — говорит продавец. — Она может в мороз спокойно на снегу спать, и в жаркий день так же спокойно может по пустыне с верблюдами ходить.

— Нам именно такая собака и нужна, — решила мама. — У нас в Простоквашино другой погоды просто не бывает. Будет она и зимой, и летом Печкину помогать.

Дядя Фёдор тихо говорит маме:

— Мама, ты спроси фотографию родителей.

Мама спрашивает продавца:

— У вас фотография родителей есть?

— Есть, конечно, — говорит продавец. — Только дома. Я фотографию родителей с собой не ношу. Только фотографию жены, и то не всегда.

— Я про фотографию родителей собачки спрашиваю, — говорит мама.

— К большому моему сожалению фотографии нет, — отвечает продавец в серебряных очках.
— У меня кто-то дома фотоаппарат сгрыз.

А собачка вертелась, вертелась в руках у продавца, потом как высунется, как лизнёт маму в нос. Мама и растаяла.

— Берём!

— Берите, берите, не пожалеете. Эта собака много, много радости вам и вашим детишкам

принесёт. Таких собак во всей Европе, может быть, всего две штуки.

Дядя Фёдор спрашивает:

— А у вас родословная есть на собаку?

— Какая родословная, — говорит гражданин в серебряных очках, — если этих собак всего две штуки на Европу. Я вам говорю: берите, не пожалеете. Не раз вы меня добрым словом помянете.

— А как вас вспоминать добрым словом? — спросила мама.

— Очень легко запомнить: кандидат биологических наук Юрий Николаевич Колесников. Вот вам моя визитная карточка.

Мама купила собачку за сто рублей, и они с папой домой пошли.

В первый же день мама дяди Фёдора вспомнила Юрия Николаевича. Потому что собачка породы ши-цу-цы как только в доме оказалась, сразу у неё две пары самых дорогих туфель сгрызла.

Тогда мама сказала:

— Вот что, дядя Фёдор, ты уже не маленький, тебе девять лет скоро. Пока у тебя каникулы, бери-ка ты эту собачку и скорей отвези её Печкину в Простоквашино. Если она у нас ещё два дня проживёт, мы с папой на работу босиком будем ходить.

Глава третья

Преображение собаки Каштанки

Печкин очень обрадовался собачке и назвал её в честь писателя Антона Павловича Чехова Каштанкой. Он постоянно её обучал:

— Каштанка, ко мне! Каштанка, лапу! Каштанка, голос! Каштанка, принеси мне валенки.

Каштанка все команды выполняла с удовольствием, но почему-то всё делала на бегу. Она ни минуты не могла стоять на месте.

Она приносила Печкину валенки, но сразу же уносила их обратно. Потом снова приносила и снова утаскивала, а отдавать никак не хотела.

— Отдай валенки, кому говорю!

Ноль результата. Приходилось Печкину за своими валенками долго босиком по холодному полу гоняться.

Если рано утром Печкин начинал шевелиться, собака немедленно прыгала к нему на печь и

начинала его облизывать. Снизу вверх и сбоку на сторону — Печкину и умываться не надо было.

Каштанка всё время бегала за Печкиным со своей алюминиевой миской — просила еды. И поэтому она очень быстро росла. У неё вытянулись ноги, вытянулся вперёд нос — и все как-то вдруг увидели, что это не Каштанка, а целый Каштан.

— Батюшки! — сказал Печкин. — Да это же кобель!

Так собачку Каштаном и назвали.

Хотя собаки обычно почтальонов не любят, Каштан своего Печкина сильно уважал и любил.

Глава четвёртая

Новое дело кота Матроскина

Весенние каникулы были в самом разгаре. Дядя Фёдор в Простоквашине жил. Днём дядя Фёдор Матроскину к лету готовиться помогал.

Они из сарая навоз вывозили, который корова Мурка за зиму наработала, и остатки снега убирала. А потом навоз по огороду раскладывали.

Дядя Фёдор сильно загорел. Ещё он всё время книжки читал, по тридцать страниц в день. Иногда и по шестьдесят, если интересно было. Он очень исторические книги любил читать и книги про зверей. А вечером всей компанией они телевизор смотрели.

Однажды все они сидели в домике дяди Фёдора и телевизор смотрели.

Диктор говорит:

— Больших производственных успехов добились труженики хозяйства «Новый прогресс», занятые выращиванием страусов.

Кот Матроскин насторожился и телевизор погромче сделал. Диктор продолжал:

— От одного страуса можно получить больше дохода, чем от двух коров, потому что страусы дают мясо, яйца и перья.

— Интересно, как они дают мясо? — спросил дядя Фёдор.

— Очень просто, — ответил Шарик. — Зовут парочку охотников с ружьями. Они — ба-бах! И всё!

— Не нравится мне это ба-бах! — говорит дядя Фёдор.

— И мне не нравится, — говорит кот. — Только вопросы заготовок — это не наши вопросы, наши вопросы — вопросы производства.

— Почему ты так говоришь? — спрашивает дядя Фёдор.

— Потому, что я хочу начать страусов разводить. От одного страуса больше дохода получается, чем от двух коров. Пойдём со мной, дядя Фёдор, в книжный магазин.

— Зачем?

— Книжку про страусов покупать.

— Книжки по любому вопросу полезно покупать, — говорит дядя Фёдор. — А ты не подумал, Матроскин, сколько расходов идёт на одного страуса? Может быть, столько же сколько на двух коров.

Этим вопросом дядя Фёдор здорово испортил настроение Матроскину. Но кот всё равно на своём настаивал.

Он сказал:

— Ты же сам, дядя Фёдор, решил «Диснейленд» строить. Так знай, что детей интереснее катать не на верблюдах, а на страусах.

Глава пятая

Похудательные таблетки почтальона Печкина

Весна в Простоквашино всем радость приносила. Например, почтальону Печкину неожиданно зарплату повысили, и у него сразу интерес к жизни резко возрос.

Он сразу стал все рекламные журналы покупать и внимательно прочитывать. А когда его старшая сестра — Акулина Ивановна Печкина ему старый телевизор из города привезла, он и вовсе рекламой увлёкся. Сидит себе на солнышке на завалинке у своей почты и журналы рассматривает.

Как только он увидит любую рекламу, сразу ей верит. Увидит рекламу, что наши автомобили самые лучшие, верит. Увидит рекламу, что от сосательных конфет «Чупа-чупс» зубы улучшаются, верит. Увидит рекламу, что «Витамин А+Б» мужчинам резко настроение поднимает, верит. И сразу бежит «Витамин А+Б» покупать.

Вот как-то вечером прибежал он к дяде Фёдору и кричит:

— Ой! Ой! Сегодня по телевизору опять новые таблетки для похудения показывали. Съешь такую таблетку — и по килограмму в день теряешь. Пять таблеток принял — и от тебя ничего не осталось.

— Да зачем вам, дядя Печкин, от себя ничего не оставлять? Вы и так у нас худощавый сверх всякой меры, — говорит дядя Фёдор.

— А как ещё таблетку для похудения примете, — добавил Шарик, — так вообще в одних трусах из аптеки уйдёте.

— Почему? — спрашивает Печкин.

— Потому что брюки у вас на пол упадут, — ответил Шарик. — От моментальной похудалости.

И тогда Печкин дяде Фёдору и Матроскину, как своим, признался:

— Это оттого я такой худощавый стал, оттого похудел, что меня зависть берёт.

— Какая зависть, к кому? — спрашивают Шарик и Матроскин.

— К соседке моей, Капустиной Пелагее.

— Почему вы ей завидуете? В чём?

— В том, что у неё всё растёт быстро. И в саду, и в огороде, и в сарайчике.

— Что у нее растёт в сарайчике? — спросил кот Матроскин.

— В сарайчике у неё кабанчик растёт, Борька. С большой скоростью, по два килограмма в день набирает. А у меня мой поросёнок Мишка никак больше килограмма в день прибавлять не хочет.

— Так вы ему таблетки для потолстения ищите, — говорит Матроскин. — Вот и догоните вашу соседку.

— Таких таблеток не изобрели ещё, — говорит Печкин. — Вот для похудения таблеток сколько хочешь. По всем телевизорам показывают. А давайте я одну вещь скажу по секрету. Только вы никому ни слова.

— Говорите, — сказал дядя Фёдор. — Мы умеем секреты хранить.

— Я хочу Пелагеиному кабанчику через окошко таблеток для похудения набросать.

— Зачем? — спрашивает Шарик.

— Чтобы справедливость восстановить.

— Ладно, — сказал дядя Фёдор. — Восстанавливайте вашу справедливость. Мы никому ничего не скажем.

Когда почтальон Печкин ушёл, кот Матроскин с Шариком на дядю Фёдора набросились:

— Как тебе не стыдно, дядя Фёдор, такие вещи ему разрешать! Надо принимать какие-то меры!

— Не надо, — говорит дядя Фёдор. — Во-первых, мы слово дали, а во-вторых, я ни разу в жизни не слышал, чтобы от похудательных таблеток кто-нибудь похудел.

Дядя Фёдор добавил для разъяснения:

— Помните вы тётю Тамару — сестру моей мамы?

Все тётю Тамару вспомнили. Она была очень толстая женщина — военный полковник. Для неё в армии даже парашюта не нашлось, хотя к тому времени на парашютах в десантных войсках уже танки сбрасывали.

— Так вот, — сказал дядя Фёдор. — Она была очень умная женщина — кандидат военных наук. И всю жизнь она похудеть старалась. Если бы где-нибудь во всём мире придумали похудательные таблетки, она бы первая их приобрела. Значит, нет таких таблеток.

И про происки Печкина быстро все забыли. Потому что более важные дела стали надвигаться: создание «Диснейленда» и увлечение кота Матроскина страусовыведением.

Глава шестая

Новое дело кота Матроскина

(Продолжение)

Кот Матроскин целыми днями читал толстую книжку «Вопросы страусоведения и страусовыведения». Выпуск Берлинской академии. Издание второе и дополненное.

К сожалению, дядя Фёдор оказался прав: расходы на одного страуса превышали расходы на двух коров.

Для страусов нужен был большой загон, чтобы они могли бегать. Страусам нужно было тёплое помещение для стабильной яйценоскости и выведения птенцов. Страусам нужны были корма повышенной калорийности.

Дядя Фёдор говорит Матроскину:

— Ну ты сам подумай. Спрос на яйца в нашем районе никакой, своих кур хватает. А что касается перьев на шляпки...

— Что касается перьев на шляпки, это я скажу, — вмешался Шарик. — В нашей местности для женщин не шляпки с перьями требуются, а платки шерстяные, чтобы с головы до пяток закручиваться.

— Ну и что? — спорит Матроскин. — Зато из одного страусиного яйца можно яичницу для целого детского сада сделать.

Кот Матроскин так серьёзно страусами увлёкся, что целыми днями только страусами и бредил.

Он узнал, что температура высиживания у страусов 36,4 градуса. Что птенцов они высиживают сорок два дня. И что лучше всего выводить страусят стайкой не меньше трёх.

Он всё на Шарика посматривал: можно ли страусов при помощи Шарика высиживать.

А тут в журнале «Природа и усадьба» была напечатана маленькая реклама: **НОВОЕ В РАССЫЛОЧНОМ ДЕЛЕ: ЯЙЦА ПОЧТОЙ! СТРАУСИНЫЕ ЯЙЦА В КАЖДЫЙ ДОМ!**

ВНИМАНИЕ: Предприятие «Новый прогресс» обеспечивает население страусиными яйцами.

Посылаем страусиные яйца по любому адресу.

Срок доставки не более трёх дней, после предварительной оплаты!

Имеются яйца страусов Нанду, Эму и большого африканского страуса.

Стоимость одного яйца 100 руб.

Матроскин сразу разгорячился. Он написал письмо директору страусиного хозяйства «Новый

прогресс»:

Уважаемый господин не знаю как Вас зовут!

Я мечтаю разводить страусов. Но у меня нет денег для предварительной оплаты.

Может быть, Вы пришлёте мне несколько страусиных яиц бесплатно?

А потом, когда я получу от них дохода вдвое больше, чем от одной коровы, я с Вами рассчитаюсь.

Вы можете мне прислать даже самые-самые маленькие яйца, чтобы их больше вошло в одну посылку.

До свидания. С горячим сельскохозяйственным приветом, кот Матроскин.

Матроскин понёс это письмо на почту.

Только почта была закрыта. На ней висела записка:

Почта не работает по причине весеннего размыва дорог. Ближайший трактор пойдёт через неделю. Я ушёл домой. Печкин.

Матроскин очень расстроился. Но дядя Фёдор сказал:

— Не горюй, Матроскин. Мы твоё письмо по электронной почте отправим, через Интернет.

— Но у нас нет Интернета, — сказал Матроскин.

— У нас нет, а у профессора Сёмина есть.

И они пошли на дачу профессора Сёмина.

Профессор Сёмин недавно перебрался на дачу из города. У профессора Сёмина не было трактора, но у него были сапоги по пояс. И любимая племянница Катя, которую он на плечах принёс.

Профессор Сёмин очень уважал кота Матроскина.

И скоро письмо Матроскина уехало в «Новый прогресс» по электронной почте.

Глава седьмая

Деловые размышления дяди Фёдора

Зима всё дальше уходила. Одни следы от неё оставались в теневой стороне леса. А кое-где уже трава зазеленела. Только что была серой и прошлогодней, и вдруг раз — зелёной стала.

Дядя Фёдор всё время размышлял — чем можно народ привлечь в Простоквашино и как развлекать детей, если они летом приедут. Какие аттракционы придумывать.

Он к этой работе Матроскина привлёк и Шарика. Они сидели втроём, размышляли и составляли список.

— А чего тут придумывать, — сказал Шарик. — Я уже один аттракцион знаю, он «Чапаев и

Анка»[2] называется. Чапаевым будет почтальон Печкин, а Анкой — Пелагея Капустина.

— А пулемёт? — спросил Матроскин.

— Пулемёт пусть Печкин из фанеры вырежет.

— Ага, — иронизирует кот. — И будут они от туристов из пулемёта отстреливаться.

— Верно, — соглашается Шарик. — Ещё лучше не фанерный пулемёт сделать, а фотографический и потом туристам фотокарточки раздавать.

Когда они потом эту идею Печкину рассказали, он сказал:

— Я готов быть Чапаевым, только Анку мне помоложе подберите.

Тут к ним девочка Катя зашла, племянница профессора Сёмина.

— Чего это вы тут делаете? Почему гулять не выходите?

Они ей всё объяснили:

— Мы «Диснейленд» в Простоквашино создаём.

— Ой, как интересно! Я тоже хочу создавать. Давайте мы дом с привидениями сделаем.

— Это как?

— Я в Америке видела. К нам автобус такой приезжал специальный. Там из каждого окна скелет торчал, а внутри всё ухало и выло. Дети доллар отдадут, войдут, а потом выходят и плачут.

— Почему?

— Страшно. Там со всех сторон на них привидения бросаются и пугают. Потом они снова берут доллар и снова идут. И так раз десять.

— А что же родители? — спрашивает дядя Фёдор.

— А ничего. Они, наверное, считают, чем больше ребёнок в детстве страшного увидит, тем закалённее будет.

— Где же мы такой автобус возьмём? — спросил кот Матроскин.

— А зачем автобус? — сказала Катя. — Он нам не нужен. Мы сделаем «Сарай с привидениями». Вон у нас на берегу речки какой сараище пустой стоит.

— Знаю я этот сараище, — сказал кот. — Я давно его под страусятник присмотрел. Да больно он мрачный какой-то.

Дядя Фёдор вот что придумал:

— Надо стариков поспрашивать. Может быть, у нас и в самом деле где-нибудь привидение живёт.

— Ой, — говорит Катя, — надо с моей бабушкой поговорить. Она здесь родилась, она всё про Простоквашино знает. И про привидения, и про жи-вых.

Чтобы время не терять, Катя и дядя Фёдор сходу отправились к Катиной бабушке. А Матроскин с Шариком хозяйством занялись. Они в привидения не верили.

— Бабушка, — спросила Катя, — ты всё знаешь, скажи, есть на свете привидения?

— Конечно, есть. А как же без привидений, — ответила бабушка.

Катина бабушка никогда с веником не расставалась. Она всё время в доме чистоту наводила. Хотя дом и так сверкал чистотой, как поликлиника.

— Вот я недавно в «Сельскохозяйственной газете» читала, — сказала она, размахивая веником, — что в деревне под Переславлем-Залесским есть одно колхозное привидение — Бешеный барин называется. Я даже газету сохранила.

Бабушка пошаркала ногами, принесла газету и стала читать:

«Недавно нашему ярославскому корреспонденту Коркину стало известно, что в деревне Большие Бремболы под Переславлем-Залесским живёт привидение Бешеный барин.

Оно регулярно появляется в туманные дни и ходит вдоль покосов. Считается, что это привидение бывшего председателя колхоза Баринава.

— Он при жизни никому покоя не давал и сейчас не хочет успокоиться, — говорят пожилые колхозники.

Мы просим всех, кто что-нибудь знает о привидениях, немедленно сообщать нам».

Бабушка передохнула и дочитала до конца:

«На снимке — старая часовня, около которой похоронен неотпетый председатель. Справа от часовни крест, слева — контуры привидения».

— Вот, — закончила бабушка. — Даже читать страшно. А уж увидеть — не приведи, господа!

— Бабушка, — спросил дядя Фёдор, — а вы сами привидение видели?

— Нет, не видела. А вот Пелагея Капустина видела, и не так давно. Она потом от этого вида на три дня в больницу слегла. Сходите к ней, поспрашивайте, что она вам расскажет.

Ребята прямо с места побежали к Пелагее Капустиной.

Глава восьмая

История Пелагеи Капустиной

Пелагею Капустину в Простоквашино не столько любили, сколько уважали — как очень серьёзную женщину.

Простоквашинцы про неё говорили:

— Она какая-то не наша. Она всё время работает.

И действительно: бабушка Пелагея с утра до вечера не разгибала спины. То в огороде, то в поле работала, то дрова пилила.

Зато и в огороде у неё всё цвело и выросло, как ни у кого в деревне. И астры были размером с капусту.

Когда ребята прибежали к ней, Пелагея бельё развешивала.

— Тётя Пелагея, — спросила девочка Катя. — Говорят, вы живое привидение видели.

— Живое — не живое, а видела. Совсем голое и с косой в руках.

— А давно это было? — спросил дядя Фёдор.

— Да нет. Летось. То есть прошлой осенью.

— Расскажите нам, — попросила Катя.

И Пелагея Капустина рассказала детям историю о голом привидении с косой.

Однажды она со своим приятелем Матвеем Звербоевым пошла на романтическую прогулку вдоль реки.

Время было вечернее, полутревожное. Солнце уже опускалось. Где-то вдалеке выли волки и беспокойно кричал дергач.

— И вот, когда мы прошли мимо часовни, туда, где кладбище маленькое, и подошли к большому сушильному сараю...

— Зачем? — спросил дядя Фёдор.

Пелагея слегка застеснялась и ответила:

— Укрыться от дождя... Оттуда выскочило страшное привидение с косой и как закричит на нас: «У-у-у-у-у-у!»

— Может, это смерть была? — спросил дядя Фёдор.

— Может быть, и смерть, — сказала тётя Пелагея. — Только какая-то не очень костлявая.

— И что вы сделали? — спросил дядя Фёдор.

— Ничего! — сказала Пелагея. — Мы быстро убежали. Я потом заболела с этого ужаса на три дня.

Потом она добавила:

— Кроме нас это привидение и другие люди видели. И все очень боялись.

Катя и дядя Фёдор, наоборот, совсем не испугались — им сразу захотелось узнать ещё что-нибудь про привидения.

Дядя Фёдор всё пересказал коту Матроскину. Матроскин очень расстроился:

— Я сейчас жду ответа из «Нового прогресса» о страусах. Этот сарай я для страусиной фермы присмотрел. А если там привидения с косою бегают, они моих страусов распугают.

Вечером дядя Фёдор написал письмо в «Сельскохозяйственную газету»:

Дорогой корреспондент Коркин!

Вы просили писать о привидениях. Так вот, у нас в Простоквашино есть привидение, которое живёт в старом сарае у реки.

Оно выскакивает из сарая под видом смерти с косою и кричит: «У-у-у-у-у-у!»

Оно так напугало одну местную женщину Пелагею Капустину, что она попала в больницу.

Его видели многие другие люди.

Напишите о нём, чтобы к нам в Простоквашино больше туристов приезжало. Ваш читатель дядя Фёдор.

Глава девятая

Собачьи страдания Печкина

Почтальон Печкин человек был вредный, но грамотный. Он решил через книги узнать, что это за порода такая ши-цу-цы, которой его мама дяди Фёдора наградила. Да всё времени у него добраться до книг не было.

Но Каштан всё больше и больше его донимал.

Никогда раньше в жизни Печкин не встречал столь неуправляемых и столь грызучих собак.

Он говорил:

— Каштан, ко мне!

Каштан немедленно бежал в другую сторону. Если он не говорил ничего, Каштан постоянно лаял и скрёб Печкина лапами. У Печкина в ушах стоял звон, а на брюках появились дырки.

А в начале весеннего охотничьего сезона он начал снабжать Печкина охотничьей добычей — то курицу принесёт ему соседскую, то селезня здорового. И Печкин не знал: радоваться ему или плакать.

Однажды вбегает в дом весёлый и счастливый Каштан, а в зубах у него петух прикушенный.

А за ним — какая радость! — бежит соседка Пелагея Капустина с большой скалкой в руках.
— Твой ирод моего петуха загрыз! Плати за него двести рублей!

Печкин просто ошалел:

— Да мой ирод таких денег отродясь и не стоил, — отвечает Печкин Пелагее. — Его-то самого всего за сто рублей купили. И потом откуда я знаю, кто на кого напал. А может, твой петух сам напал на моего кобеля. Вот Каштан и загрыз его в качестве самообороны.

Тут Пелагея не выдержала и как треснет скалкой Каштана по голове.

Только Каштан был сделан из такого крепкого материала, что скалка рассыпалась в кусочки, а ему хоть бы чихнулось. Правда, он зарычал. Пелагея сразу замолкла и ушла.

— Ну вас к лешему!..

Каштан не мог ни секунды оставаться без Печкина. Если Печкин уходил и закрывал его в доме, Каштан немедленно принимался выгрызть дыру во входной двери и скоро в этом преуспел.

Однажды Печкин пришёл домой, смотрит — весь дом в пуху и перьях. Печкин подумал:

— Опять мой умелец чьего-то петуха притащил!

Но в этот раз всё было, на счастье, не так. Просто Каштан решил себе нору сделать, и стал её делать в перине Печкина.

Весь вечер Печкин был при деле: пух из перины собирал и дырку зашивал.

И он твёрдо решил, что на следующее утро к профессору Сёмину отправится для консультации: что это за порода такая ши-цу-цы. И для чего бы её приспособить, чтоб от неё польза была, а не вред.

Глава десятая

Страусиные страдания кота Матроскина

Коту Матроскину очень скоро пришёл ответ из страусинового хозяйства «Новый прогресс».

Ответ был довольно ехидный:

Уважаемый господин Матросов!

Нам очень приятен Ваш интерес к получению доходов от страусинового производства.

Мы тоже хотим иметь доход и поэтому направо и налево яйца бесплатно не рассылаем.

Впрочем, мы можем послать Вам перепелиные яйца. Они такие маленькие, что в один

спичечный коробок можно уложить несколько штук.

А когда Вы разбогатеете на перепелиных яйцах и приобретёте опыт птицеводства, Вы сможете приступить к производству страусов.

Кого-нибудь такой ответ мог бы обескуражить или выбить из колеи, но не кота Матроскина.

И тут ему повезло. Письмо для него пришло по электронной почте, и принёс его профессор Сёмин.

Он сказал:

— Если у вас, уважаемый господин Матросов, нет денег на страусиное яйцо, я, пожалуй, смог бы вам добавить. Или одолжить.

Первое предложение — «добавить» — понравилось Матроскину больше, чем второе — «одолжить». Он сказал:

— А что. Добавьте, сколько можете, на всю сумму. У меня совсем денег нет.

Пришлось профессору Сёмину добавить все сто процентов.

— Почему вы хотите добавить? — спросил дядя Фёдор.

— Я приступаю к изучению языка птиц, — ответил Сёмин. — Страусы в этом смысле — очень выигрышный материал. У них очень мало слов в языке. Птицы эти не самые разумные.

— Так, может, с курей начать, — вмешался Шарик. — Куры совсем уж дурочки.

— Это-то и плохо, — сказал Сёмин. — У кур полная отключка сознания наблюдается. У них мыслей совсем нет, одни инстинкты. А у страусов есть разум. Не зря же их в тележки запрягают, и гонки на них устраивают.

Матроскин так обрадовался тому, что Сёмин с ним вместе в страусовыведение включился, что обнял и расцеловал профессора.

Профессор отстранился:

— Простите, вы мышей сегодня не ели?

— Нет.

— Хорошо, — сказал Сёмин. — А то бы мне умываться пришлось.

— Каких мышей! — закричал Шарик. — Он у нас даже ливерную колбасу не ест. Он даже «Китикет» выплёвывает. Он только свежую рыбу употребляет и то нехотя.

К концу дня новая фирма по производству страусов «Матроскин и Сёмин» была создана.

И приступила к работе.

Между прочим, дядя Фёдор тоже ответ получил на своё письмо в газету, в котором он про привидения писал.

Уважаемый господин-дядя Фёдоров!

Спасибо за письмо про привидения.

Мы понимаем Ваше желание привлечь в деревню туристов. Но мы не можем напечатать его,

потому что сведений недостаточно.

Вам надо опросить многих сельских жителей и взять у них показания. Нам необходим ещё снимок привидения.

На наше с Вами счастье в Вашей деревне живёт наш общественный фотокор господин Шариков. Он регулярно присылает нам снимки про природу.

Наш главный редактор Кукушкин А. Ф. послал ему распоряжение сфотографировать это привидение. Оно вложено в Ваш конверт.

Передайте это распоряжение господину Шарикову. Ваш друг корреспондент Коркин.

В конверте лежал вкладыш: Приказ-распоряжение

Господину товарищу Шарикову!

Предлагаем Вам сфотографировать привидение с косой. Материал обещает быть очень занимательным.

В таком материале чрезвычайно заинтересован отдел науки и отдел увеличения тиража. В случае удачи Вас ожидает большая премия. Главный редактор Кукушкин А. Ф.

Господин дядя Фёдоров, то есть дядя Фёдор, немедленно вручил распоряжение-телеграмму господину-товарищу Шарикову.

И господин Шариков немедленно приступил к изучению местности около страусинового сарая. А дядя Фёдор приступил к изучению вопроса с опросом.

Глава одиннадцатая

Почтальон Печкин у профессора Сёмина

На следующее утро после разгрызания перины собакой неизвестной породы Печкин прямо с печки решил к профессору Сёмину отправиться.

Он долго думал, на чём ему двигаться: на лыжах или на велосипеде. Потом пошёл пешком в больших калошных валенках.

Он знал, что у профессора Сёмина есть большая дачная библиотека и можно будет посмотреть по книгам — что это за порода такая загадочная ши-цу-цы и как с ней справляться.

Профессор Сёмин очень обрадовался Печкину:

— Заходите, заходите, великий труженик почты. Чем вы меня порадуете?

— Я за знаниями пришёл, — сказал Печкин. — Меня очень ши-цу-цы беспокоит.

— В каком смысле беспокоит? — спросил профессор Сёмин. Он подумал, что ши-цу-цы —

это такая болезнь, как, например, ишиас или цыпки.

— Да во всех смыслах. И в смысле грызучести, и в смысле кусаемости. И в смысле поедаемости соседских кур. Это собака такой породы — ши-цу-цы.

Печкин долго объяснял профессору свои проблемы. В конце концов профессор понял, что беспокоит Печки-на.

Он пошёл в библиотечную комнату и принёс ему «Справочник служебного собаководства».

Печкин начал внимательно его изучать.

В справочнике были овчарки, ризен-шнауцеры, ротвейлеры и даже гёте-шпицы — редкие шведские собаки, которых используют для разыскивания людей при завалах. Но никаких ши-цу-цы не было.

— Слабоватый справочник, — сказал Печкин. — Нет здесь ши-цу-цы.

Профессор Сёмин принёс Печкину другой справочник — «Справочник охотничьего собаководства». Печкин стал его внимательно читать.

В этом справочнике всяких собак было как собак нерезаных. И собаки по уткам, и собаки по зайцам, и собаки по волкам и даже там были собаки, воспитанные для ловли тигров.

Но там не было даже ни капельки про ши-цу-цы.

Печкин расстроился:

— Нет ши-цу-цы. Хоть плачь.

Тогда профессор Сёмин сказал:

— А мы с вами, дорогой мой исследователь быта, вот как поступим. Мы в Интернет залезем. Там любые сведения можно получить.

Между прочим, когда сельский народ узнал про Интернет, к профессору Сёмину не зарастала народная тропа.

То придёт глава администрации и спросит:

— Когда и где можно купить билет на Париж или Лондон? И сколько такой билет стоит? Мы хотим полететь на съезд администрации всей Европы.

То придёт Капустина Пелагея с вопросом:

— Какие кормовые добавки полагаются йоркширским чёрным свиньям в сентябре месяце при картофельном питании?

А то приплетётся совхозный сторож Матвей Зверобоев и попросит:

— Профессор, найдите мне в Интернете слово из пяти букв, означающее зимнюю болезнь чукотских следопытов, начинающееся на «цин». Мы всей бригадой не можем кроссворд решить.

Или школьник-кавезэнщик примчится и спросит:

— Какой великий русский поэт написал стихи: «Прохожие, я вас люблю, в дупло кладите по рублю»? Мы это ни в одной книге найти не можем.

И профессор Сёмин, желая помочь сельскому населению, часами не отходил от компьютера, выискивая добавки к свиньям, авторов стихов и стоимость билетов в Париж.

Чтобы помочь Печкину в его страданиях, Сёмин подсоединился к Интернету, и скоро на экране появились страницы специального, очень редкого издания. Это была «Ежегодная сводная таблица собак редких пород».

Здесь-то Печкин обрадовался. Там в таблице было даже несколько ши-цу-цы.

Ши-цу-цы монгольские, степные.

Ши-цу-цы тибетские, горные.

Ши-цу-цы смешанные.

Профессор Сёмин внимательно просмотрел таблицу, поколдовал в компьютере и скоро выдал Печкину на руки отпечатанные сведения:

Ши-цу-цы монгольские — собаки, выращенные в монгольских степях для охраны пастбищ от степных волков. Шерсть рыжеватая. В холке 40 см. Грудь широкая. Челюсти чрезвычайно развитые. Некоторые монгольские ши-цу-цы способны перекусить лошадиную кость.

— Ничего себе! — ахнул Печкин и посмотрел на свои валенки. — Я надеюсь, что у меня не монгольский ши-цу-цы.

— Я тоже надеюсь, — сказал профессор Сёмин.

Он отпечатал на принтере Печкину следующий кусок статьи:

Ши-цу-цы — тибетские собаки, выращенные для охоты на кабанов в предгорьях Тибета. В отличие от монгольских, чрезвычайно подвижные, с отличнейшим обонянием (они могут чуют кабана за километр). Легко передвигаются как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Несмотря на кажущуюся легкость, необычайно сильны. Их можно запрягать в сани и повозки. Плохоуправляемы и трудно поддаются дрессировке.

— Годится? — спросил профессор Сёмин.

— А куда деваться? — ответил Печкин.

Он сразу понял, что у него именно тибетский ши-цу-цы. По плохоуправляемости его собака была первой в деревне.

А то, что они легко передвигаются в горизонтальном и в вертикальном направлении, Печкин знал и без справочника. Он ни разу в жизни не встречал такой собаки, которая запросто могла бы залезть на шкаф.

Его немного порадовало то, что они могут чуют кабана за километр.

— Хорошо, что хоть в этом повезло, — сказал Печкин. Хотя он ни разу в жизни даже не помышлял об охоте на кабанов.

У него настолько всё в голове прояснилось, что про смешанных ши-цу-цы он даже читать не стал.

Он поблагодарил профессора Сёмина за сведения и отправился домой.

Глава двенадцатая

Поросячьи страдания Капустиной Пелагеи

У Капустиной Пелагеи кабанчик всё больше терял в весе. Было надувался, как воздушный шар. Потом вдруг притормозил, а потом и вовсе худеть начал.

— Не иначе сглазил кто, — думала Пелагея. — Надо пойти к Печкину. У него бабка когда-то колдуньей была. Может, он что ответит мне. Пойду-ка я схожу к нему.

На двери у Печкина висела записка: Ушёл на почту.

Пелагея пошла на почту. Там тоже висела записка: Ушёл домой.

Пелагея Капустина никак не могла понять, как это он ушёл одновременно во все стороны.

Она снова вернулась к Печкину.

Дверь у Печкина никогда не закрывалась, потому что воровать у него было нечего, кроме собаки Каштана. Который, пожалуй, никому не был нужен.

Пелагея вошла в сени, прошла в комнату и прокричала:

— Иваныч!

Никого нет.

— Иваныч, ты дома?

Ответа не было, и стыдливая Пелагея повернулась, чтобы выйти.

Но на пороге лежал Каштан.

— Каштан, Кашташа, — ласково сказала Пелагея Капустина, — выпусти меня.

Кашташа даже не подумал пропустить её.

От нечего делать Пелагея села на табуретку у стола и стала рассматривать журналы и газеты на столе. И везде она видела рекламу похудательных таблеток.

— Почему это наш Печкин этой темой интересуется? Он и без того у нас такой тощий, словно гвоздь.

Ей и в голову не могло прийти, почему Печкин этим интересуется.

От нечего делать Пелагея подмела в избе у Печкина. Потом перемыла как следует

шершавую печкинскую посуду.

Потом растопила печку и сделала обед. И очень ей Печкина было жалко:

— Бедный Печкин! Такой запущенный живёт и неухоженный.

Когда Печкин домой явился, он просто потрясён был чистотой и порядком. Он даже Пелагею домой выпускать не хотел.

— Всё, Пелагея, сиди здесь. Считай, что арестованная.

И тут арестованная Пелагея увидела в окно, что её тощий кабанчик Борька из под двери сарая выполз, в огород к Печкину через штакетник пролез и молодой чеснок, посаженный на зиму, доедает.

Она хотела сказать:

— Смотри, Печкин, что мой кабанчик в твоём огороде делает.

Но сразу поняла, что если она так скажет, у них вся дружба с Печкиным враз закончится.

Пелагея шторочки на окне так незаметно закрыла и домой собралась.

Сразу она своего кабанчика отзывать не стала, чтобы лишнего шума не поднимать. Она его к вечеру отозвала, уже в темноте. К тому времени он так печкинский огород перепахал, что на нём живого места не осталось.

Когда Пелагея Капустина домой пришла, она очень задумалась:

— Почему это у Печкина столько похудательных таблеток на столе лежит?

Она все события в один узел связала и многое поняла. Она сказала сама себе:

— Хорошо, что я у Печкина не спросила, кто это моего кабанчика сглазил. Да сам он его и сглазил своими таблетками.

Потом она сама себе ещё сказала:

— Интересно, целы ли у меня в сарае ходули детские племянницкие? Интересно, а ходить на них я не разучилась?

Что-то Пелагея задумала.

Глава тринадцатая

Яичница приехала

Между тем к коту Матроскину посылка пришла из «Нового прогресса».

В посылке лежало три страусиных яйца и была приложена инструкция:

Страусиные яйца высидиваются 42 дня при температуре 36,4 градуса. Выкармливать страусят можно так же, как и обыкновенных цыплят, но в сто раз больше.

Страусиные яйца обратно не принимаются и не обмениваются. Всхожесть яиц десять дней.

Кот Матроскин с этой бумажкой к профессору Семину побежал:

— Что будем делать?

— Как что? Высидивать.

— А кто будет высидивать? — спросил Матроскин.

— Ну, не я же, — сказал профессор Семин. — Профессора яйца не высидивают.

— Коты тоже не высидивают.

— Может, на столе, под лампой их вылупить, — предложил профессор. — Как в книжке у писателя Носова.

— А как в книжке у писателя Носова? — спросил Матроскин.

— Там ребята яйца под лампой на столе держали двадцать один день.

— Так это ж сколько электричества нужно! — испугался кот. — А если лампочка ночью перегорит, тогда всё вообще пропадёт.

Тут бабушка профессора вмешалась:

— Может, яичницу сделать на всё Простоквашино — и дело с концом?

Кот от таких слов даже за сердце схватился.

— Не может быть, чтобы мы не нашли решение!

И они нашли решение. Решили высидивать при помощи Шарика.

Профессор Семин:

— Где теперь ваш Шарик?

— Он к засаде с фоторужьём готовится, привидение с косою хочет сфотографировать, — объяснил кот.

— Вот пусть на яйцах и сидит. Мы ему в засаде гнездо совьём.

Только Шарик высидивать птенцов категорически отказался:

— Я вам не курица!

Пришлось дядю Фёдора в дело включать.

Дядя Фёдор сказал:

— Эх, вы! Зачем же вы страусиные яйца взяли? Надо было брать готовых цыплят страусиных. Берите сейчас эти яйца, садитесь на тр-тр Митю и поезжайте их на цыплят обменивать. Да поспешите, пока у них всхожесть не кончилась.

— А так можно?

— Конечно, можно. У них наверняка инкубатор есть. Правда, за электричество придётся доплатить.

Они так и сделали. Сели на тр-тр Митю и в страусиное хозяйство поехали.

А кот Матроскин сказал:

— Когда я на страусах разбогатею, я себе тоже инкубатор куплю.

Глава четырнадцатая

Печкин выходит на тропу войны с кабанами

Когда Печкин утром вышел в свой огород, он был потрясён:

— Кто такой танковый полигон мне устроил?

Он к Пелагее Капустиной побежал:

— Слушай, это не твой кабанчик у меня в огороде поработал?

— Да что ты, Иваныч! Да разве ж мой кабанчик сможет в твой штакетник пролезть? Ты же знаешь, какой он у меня толстый. Это всё дикие кабаны устроили.

— Дай я на твоего кабанчика взгляну, — просит Печкин. — Может, он у тебя и не такой уж толстый сейчас, как тебе кажется.

— Толстый, очень толстый, — сказала Пелагея. — А взглядывать на него нечего — сглазить можно. Ты лучше дикими кабанами займись. Вот и собака у тебя для этого специальная есть. Ты сходи посмотри — нет ли там у тебя следов кабаньих из леса.

Печкин пошёл смотреть. И точно, видит: целое стадо кабанов к его забору ночью приходило.

— Ничего себе! Да тут целый налёт был!

Пелагея Капустина была женщина простая, но предусмотрительная. В ту самую ночь, когда её кабанчик весь огород Печкину перекопал, она на невысоких детских ходульках два раза по полю прошла от леса до огорода Печкина.

— Ну, кабаны, я вам покажу! — решил Печкин.

Он пошёл к охотничьему псу Шарику ружьё для охоты просить.

Между прочим, Печкин уже не ходил по селу, а ездил в старой детской коляске. Он научился в коляску Каштана запрягать и ездить на нём в сухую погоду по деревне.

Глава пятнадцатая

Опрос населения

Дядя Фёдор тем временем население опрашивал по поводу встреч с привидениями.

Населения в Простоквашино было немного. Всего-то жителей и было что: почтальон Печкин, Пелагея Капустина, дед Сергей с горушки с бабкой Евсеевной, бабушка Сергеевна с дедом Александром за церковью и хромой сторож Шуряйка с лесопилки — гармонист свадьбешный.

Остальные все дачники были.

Правда, там был ещё сторож Матвей Зверобоев. Только он из другой деревни сторожить приходил. Из Троицкого.

Опрос немного дал дяде Фёдору.

Дед Сергей с горушки сказал:

— Что тебе, сынок, сказать про привидения. Привидения — это барские штучки. Они у господ бывают, у графов разных, у генералов. А у нас, у колхозников, какие привидения: так, бригадир какой довоенный во сне явится.

— А почему довоенный? — спросил дядя Фёдор.

— Потому, что до войны бригадиры были больно сердитые. И председатели.

— Что, совсем нет никаких привидений? — спросил дядя Фёдор.

— Ну, не совсем, чтоб никаких, — сказал дед Сергей. — Бывает порой, привидится тебе чёрт с рогами или дьявол, а оказывается, это баран в окно заглянул или козёл. Дашь ему по рогам сковородкой, вот и всё привидение. Да говорят ещё, что бабке Евсеевне нашей как-то видение было. Видела она красную птицу в небе в форме трусов мужицких.

Примерно так же говорили и остальные колхозники:

— Каки таки привидения? Так, померещится что в кустах, а это корова заблудшая.

— Нет. У нас здесь ничего интересного не бывает. Это только в кино привидения. У нас, в лучшем случае, приводы.

Бабушка Евсеевна о красной птице в виде трусов мужицких говорить категорически отказалась.

— Не буду я ничего говорить. Люди скажут, что это мне с одиночества примерещилось! И всё!

Самые интересные показания дал хромой сторож Шуряйка — гармонист с лесопилки.

Он сказал:

— Был случай, когда я привидение видел.

— Ой, расскажите, пожалуйста, — попросил дядя Фёдор.

— Отчего не рассказать. Расскажу. Помню, мне зять с тестем бинокль подарили. Я решил его опробовать. Решил я за Матвеем Зверобоевым понаблюдать с Пелагеей Капустиной. Они дружили тогда, только совсем неправильно.

— Как так неправильно?

— Ты ещё маленький, не поймёшь. У него своя жена была в Троицком, а он с Пелагеей всё время за грибами ходил. Мне всё это не нравилось. И решил я их на чистую воду вывести.

— Зачем? — спросил дядя Фёдор.

— Не зачем, а почему.

— Почему? — спросил дядя Фёдор.

— Потому что я — совесть народная. Я всё время за ними наблюдал. И вот...

Глава шестнадцатая

И вот...

— Залёг я на крыше лесопилки с биноклем, с биноклем всё видно, и смотрю.

Хромой Шуряйка подумал и предложил дяде Фёдору:

— Давай залезем на крышу, я тебе всё и расскажу.

Шуряйка вытащил из-под навеса деревянную лестницу, приставил её к крыше лесопилки, и они влезли наверх.

Им сверху было видно всё. Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, лежали остатки снега. Прозрачный лес один чернел голыми берёзовыми ветками. И сквозь утренний иней зеленели в лесу ёлки.

Речка Простоквашка, скрюченная как лента гимнасток, то исчезала в поле, то появлялась.

— Хорошо здесь! — сказал дядя Фёдор. — Птички! Природа!

— Хорошо, — согласился народная совесть Шуряйка. — Всё про всех видно!

Крыша лесопилки была тёплая и нагретая солнцем. За кирпичной трубой лесопилки у Шуряйки был спрятан завернутый в целлофан бинокль. Он дал его дяде Фёдору и стал рассказывать:

— Видишь тот берег речки?

— Вижу.

— Видишь сарай?

— Вижу.

— Точно так же всё и было в прошлый раз. Только был вечер такой затуманенный. И вижу я в свой бинокль, как Матвей и Пелагея к сараю подходят. Вдруг оттуда как выскочит привидение, как начнёт косой размахивать! Мне самому страшно стало. А уж Пелагея с Матвеем сразу наутёк бросились. Вот только что были на берегу — и уже нет, как не было!

— А что привидение? — спросил дядя Фёдор.

— Оно обратно в сарай утянулось.

— А что потом?

— А ничего потом. Потом сумерки сгустились и вечер наступил.

— И больше вы это привидение не видели? — спросил дядя Фёдор.

— Не видел и не хотел, — ответил сторож Шуряйка. — Вот, говорят, под Переславлем есть привидение так привидение — Бешеный барин называется.

Но про Бешеного барина дядя Фёдор уже слышал.

Он договорился с Шуряйкой, что будет здесь дежурить по вечерам вместе с Шариком, чтобы Шарик своим фоторужьём привидение мог сфотографировать. Скоро полнолуние приближалось, а в полнолуние привидения большую активность развивают.

Глава семнадцатая

Страусы приехали

Кот Матроскин и профессор Сёмин очень гордые приехали. Им в «Новом прогрессе» вместо трёх яиц трёх страусят выдали. Причём доплачивать совсем мало пришлось — всего лишь десять процентов.

Страусята сидели в ящике с сеном. Они были толстые, с длинными шеями и всё норовили Матроскина в чёрный нос клюнуть. Нос у Матроскина даже распух сильно, будто он боксом занимался — против мастера боксировал. А у профессора Сёмина страусята все пуговицы от пальто отклевали.

К дяде Фёдору в дом вся деревня сбежалась страусят смотреть.

— Вот это индюки!

У бедного Матроскина вместо доходов сразу расходы начались. Кроме пуговиц страусятам надо было давать яйца, сваренные вкрутую, творог, пшённую кашу, тёртую морковь и всякие витамины. Короче, всё то, что Матроскин сам бы мог преспокойно есть.

— Ничего, ничего! — говорил Матроскин. — Года не пройдёт, как вы все меня благодарить будете.

Но его благодарить стали значительно раньше. Дело в том, что страусята вовсе не собирались сидеть в ящике. Они стали как угорелые носиться по дому, склёвывая всё, что ни

попада и производя большое количество помёта.

Помёт, он потому помётом и называется, что его метают в разные стороны. Скоро все окна, столы и полы были забросаны этим самым помётом.

Девочка Катя, которая над страусятами шефство взяла, не успевала окна и столы вытирать.

— Ну, вот что, — сказал Шарик. — Ты своим орлам в попки затычки сделай. Как в курятнике живём!

— Так они затычками стрелять начнут, — ответил Матроскин. — Думаешь, лучше будет?

— И правда, — сказал дядя Фёдор. — Есть же большой сарай у реки. Делай там себе страусятник.

— Там привидение с косой живёт, — возразил Матроскин.

— Страусы привидений не боятся, — заметил Шарик.

— А я очень боюсь, — сказала девочка Катя.

— Я не очень, но тоже боюсь, — сказал Матроскин.

— А я боюсь, что у вас не будет другого выхода, как переехать в сарай, — сказал дядя Фёдор.

— Шарик прав, здесь у нас не курятник.

И тут к ним почтальон Печкин явился.

Глава восемнадцатая

С Печкиным шутки плохи

— Шарик, — сказал он. — Дай мне твоё ружьё, с которым ты по полям бегаешь.

— Зачем? — спросил Шарик.

— Я хочу кабанями заняться. Житья от них нет.

— Вам какое ружьё нужно, — спрашивает Шарик, — фотографическое или настоящее?

— Конечно, настоящее, — говорит Печкин. — То самое, из которого ты мне в шапку стрелял.

Был такой случай, когда Шарик на охоту шёл, а Печкин его на телеге подвозил. Он тогда Шарику сказал:

— Как, охотник, стреляешь — хорошо?

— Хорошо, — ответил Шарик.

— Если я шапку подброшу, ты в неё попадёшь?

Шарик на задние лапы встал:

— Бросайте, — сказал, — вашу шапку. Сейчас от неё ничего не останется, одни дырочки.

Конечно же Шарик эту шапку Печкина подстрелил. С тех пор Печкин так в этих дырочках и ходил.

— А вы кабанов не боитесь? — спрашивает дядя Фёдор.

— Чего мне их бояться, — говорит Печкин. — Пусть они меня боятся. У меня против них собака есть специальная, породы ши-цу-цы. Каштан называется.

— А если ваша собачка вас на лося выведет? — спрашивает кот Матроскин.

— Я такой горячий, — отвечает Печкин. — Я при случае и лося завалить могу.

— А охота на кабанов разрешена? — спрашивает Шарик.

— А кто его знает, — говорит Печкин. — И вообще, вы меня не отговаривайте. Я не охотиться хочу. Я хочу этих кабанов напугать и выгнать из нашего леса. Они с моим огородом чёрт-те что сделали. Одни окопы да рытвины остались.

Шарик достал Печкину ружьё из-под шкафа. Дал патроны против зайца и уток, других у него не было, и сказал:

— Кабана убить этими патронами нельзя, но напугать можно как следует. А если вам настоящие патроны нужны, идите к сторожу совхозному — Матвею Зверобоеву. У него любые патроны должны быть.

У Матвея Зверобоева патроны и вовсе безобидные были, солью заряженные, чтобы всяким хулиганам, которые яблони трясут, заднее место подстреливать.

Когда таким зарядом хулигана подстреливали, хулиган долго не мог своим солёным местом никуда присаживаться.

Кабанчику Борьке так понравился чеснок в огороде почтальона Печкина, что он снова туда залез и снова всё перепахал.

Он теперь не был такой тощий, как от таблеток Печкина, поэтому он забор между Пелагеей и Печкиным просто повалил.

Бедная Пелагея Капустина еле-еле его обратно в сарай затолкала. Он так в огороде в удобрениях перемазлся, что из рук выскользывал.

Когда Печкин пришёл, он закричал:

— Пелагея, Пелагея, кто это был в моём огороде? Ты не видела?

— Как не видела! — ответила Пелагея. — Два кабанища были размером с танк и кабанёнок маленький размером с тумбочку.

— А почему забор цел? — спросил Печкин. — Они что — через забор перепрыгивали?

— Это тебе кабаны, а не лоси, — ответила Пелагея. — Ну ты сам подумай. Как они могут через забор перепрыгивать! Они через калитку вошли.

— Через какую калитку? — ещё больше удивился Печкин. — Калитка же у меня на защёлке!

— Ой, я совсем забыла, — хватилась Пелагея. — Это я твой забор поправила, когда кабанов выгоняла. А так он — твой забор — на земле валялся.

— Ну, всё! — решил Печкин. — Сегодня же иду на охоту!

Глава девятнадцатая

События сгущаются и соединяются

Дядя Фёдор и пёс Шарик лежали на крыше лесопилки с разрешения сторожа Шурайки. Крыша была тёплая, хорошо прогретая.

Дядя Фёдор смотрел на сарай в бинокль, а Шарик — в прицел фоторужья.

— Чует моё сердце, что что-то будет! — сказал дядя Фёдор.

— И мой нос чует! — согласился Ша-рик.

Почтальон Печкин в эту минуту выходил на тропу войны с кабанями. Вернее не выходил, а выбегал. Потому что антикабаний ши-цу-цы Каштан так рванул, что Печкин никак не мог затормозить и побежал за ним. И бежал всё быстрее и быстрее.

Как неопытный собачник, он намотал поводок на руку и теперь не мог его отпустить.

Сначала Каштан тащил его по зелёным полянам. Потом — через еловые посадки. Там Печкин потерял охотничью куртку. Потом он бежал через ореховые кусты. Там он потерял ружьё. Потом — через крапиву и малину. Там он потерял патронташ. Потом он бежал через болото и борщевик. Там он потерял охотничьи сапоги.

Каштан нигде ни на секунду не тормозил. Наконец он протащил Печкина через еловый бурелом. Там Печкин потерял последние трусы и нашёл трёх кабанов.

Увидев кабанов, Печкин так же быстро побежал обратно. Потому что кабаны побежали за ним.

Он пробежал через болото, где потерял сапоги. Но он не стал задерживаться. Потом он побежал через малину и крапиву, где потерял патронташ, но патронташ подобрать не успел. Потом он рванул через ореховые кусты. Где успел подхватить ружьё, но стрелять в кабанов не стал, было некогда. Он бежал буквально быстрее лани.

На его счастье тренированный на кабанов Каштан бежал сзади и всё время кусал их за ноги. Он буквально повисал на них. Кабанам неудобно было бежать с Каштаном на ноге, и они один за одним отставали.

Таким образом, к реке Печкин выбежал абсолютно без одежды только с ружьём в руках. Бежать в деревню в таком виде было неудобно, и Печкин бросился к «страусиному» сараю.

Он влетел в сарай, закрыл за собой скрипучую дверь, упал на сено, сваленное в углу, и решил ждать вечера.

Глава двадцатая

Страшное привидение выходит на простор

Вечер был совсем, совсем весенний. Земля уже просохла и по ней можно было быстро бегать.

Кот Матроскин оставил своих страусят на попечение девочки Кати и отправился к заброшенному сараю поразмыслить на предмет создания там страусятника.

Лёгкие сумерки начинали надвигаться со стороны леса. Восемь сумерков уже кружились в воздухе. Где-то жутко подвывала сова.

Матроскин подошёл к заброшенному сараю и стал осматривать его снаружи.

Сарай был прочный, крыша железная, много окошек. Матроскин решил зайти внутрь.

— Ой! — сказал дядя Фёдор Шарику, лёжа на крыше лесопилки и глядя в бинокль сторожа Шурайки. — Вижу, Матроскин к сараю приближается. Очевидно, пришёл по страусиным делам. Вот ворота открывает, вот в сарай входит. Видишь?

— Вижу, — отвечал Шарик, глядя в фотоприцел. — Может, он своих какающих куриц туда переведёт.

— Ой, что это? — удивился дядя Фёдор. — Он обратно бежит.

Матроскин вошёл в сарай и стал ходить, осматривая стены и пол. Вдруг он наступил на что-то живое и мягкое. Кто-то под ним дико завопил:

— у-у-у-у-у!

И бросился вон из сарая.

— Привидение! — завопил Матроскин и тоже бросился из сарая, но уже через окно.

Это было не привидение. Это был почтальон Печкин. Ему показалось, что на него наступил кабан, поэтому он подскочил, как укушенный, и полетел в сторону деревни!

— Фотографируй! — кричал дядя Фёдор Шарику. — Привидение бежит!

Шарик успел несколько раз щёлкнуть своим фоторужьём, прежде чем привидение скрылось из глаз.

— Всё, — сказал Шарик, — не зря мы здесь сидели. Привидение у нас в кармане.

Глава двадцать первая

Простоквашинское привидение выходит на большую дорогу

Кот Матроскин прибежал домой весь взволнованный, шерсть дыбом. Он сказал девочке Кате:

— Нет, ни за что в этом сарае я со своими страусятами не поселюсь. Лучше я их в Шариковой будке держать буду и сам буду греть их по ночам.

— Почему?

— Потому что там привидение живёт. И не простое, а звуковое.

— Звуковых привидений не бывает, — сказала девочка Катя.

— Ещё как бывает! — возразил кот. — Я своими ушами слышал, как оно вопило. Почтище твоей электрички!

Скоро и дядя Фёдор с Шариком вернулись.

— А мы привидение видели, — радостно сообщили они.

— Подумаешь, — сказал кот. — Вы его только видели, а я на него наступил. Хорошо, что у меня нервы крепкие и я героически оттуда ушёл твёрдым шагом.

— Видели мы, как ты героически ушёл оттуда твёрдым шагом, — сказал Шарик. — Ты хоть оконную раму с себя сними.

Матроскин стал страусят в конуру Шарика перетаскивать, чтобы они не стрелялись какашками. Шарик в город помчался фотоплёнку проявлять, а сам дядя Фёдор сел и стал заметку писать в «Сельскохозяйственную газету»:

Уважаемый корреспондент Коркин!

Наконец-то мы выполнили Ваше задание. Мы опросили местных жителей про привидение, и они подтвердили, что оно у нас живёт.

Показания дали сторож Шуряйка с лесопилки, и колхозница Пелагея Капустина, и другие.

Пелагея Капустина из-за этого привидения чуть не померла в сарае вместе со сторожем Матвеем Зверобоевым.

Привидение имеет вид скелета с косой.

Сегодня мы сфотографировали это привидение. Сейчас плёнка проявляется. Когда она будет окончательно проявлена, мы её Вам пришлём. Дядя Фёдор и господин Шариков — фотограф.

Глава двадцать вторая

Вся деревня лечит Печкина

Когда кот Матроскин на Печкина наступил, Печкин сразу в поле бросился и в копне сена зарылся. Копна была крепкая, хорошо перевязанная. Она хорошо на Печкине сидела. Так в ней Печкин домой перебежками и отправился, чтобы не светиться на всю деревню.

Печкин был весь исцарапанный. Во время охоты на кабанов его и ветки хлестали, и крапива кусала, и бурелом царапал. Он всё время охал и ахал:

— Ох! Ах! Ох! Ах! Не любят кабаны почтальонов! Ох! Ах! Ох! Ах! Зато теперь и почтальоны не любят кабанов!

Одно Печкина обрадовало. У входа в его дом сидел Каштан и в зубах держал его куртку. Рядом лежали охотничьи сапоги и патронташ. Видно, Каштан времени зря не терял — по запаху вещи находил и притаскивал.

А вокруг Каштана маленький кабанчик бегал. Его Каштан впопыхах во время охоты прихватил и в зубах принёс самым первым.

Печкин вошёл в дом и рухнул на кровать. К нему Пелагея Капустина пришла. Спрашивает:

— Ну, как, охотник, добыл кабана?

А охотник еле жив лежит.

— Какое там добыл! Это меня кабаны добыли. Вон я на кого похож, будто мне Бешеный барин сто плетей выписал. Из меня занозы во все стороны торчат, как из ежа.

— Какой такой Бешеный барин? — спрашивает Пелагея.

— Да Бешеный барин, из газеты, который привидением стал.

— Бедный Печкин, — сказала Пелагея, — совсем заплохел.

И начала Печкина смазывать и перебинтовывать, и занозы из него вытаскивать. Потому что она чувствовала себя виноватой, ведь это она Печкина на охоту отправила.

Печкин между тем всё сильнее и сильнее заболел. У него температура поднялась.

Пелагея Капустина в окно вылезла, чтобы Каштан ей не мешал, и к профессору Сёмину побежала. Всё-таки учёный человек, может быть, вылечит Печкина.

Профессор Сёмин даже глаза вытаращил от изумления:

— Где это видано, чтобы профессора этологии, которые язык зверей изучают, лечением занимались?

— А как же быть?

— Вызовите «скорую помощь». Вот как быть.

— Это у вас в городе вызывают «скорую помощь», — сказала Пелагея. — У нас можно только

катафалк вызывать, такие у нас дороги.

Профессор Сёмин сразу про тр-тр Митю вспомнил:

— Вот что, идём к дяде Фёдору!

Тот час же дядя Фёдор и кот Матроскин выкатили из сарая тр-тр Митю, накормили его супом вчерашним и в город отправились — доктора привозить.

Тр-тр Митя лучше всякого механизма работал...

Очень скоро они к Печкину доктора привезли.

И Печкин очень быстро на поправку пошёл. И очень Печкина радовал кабанёнок трофейный в сарае. Вместе с кабанчиком Мишкой они капустинопелагеиною кабанчика Борьку килограммов на двадцать перетянули.

Глава двадцать третья

Всероссийская слава простоквашинского привидения

Через несколько дней рано-рано утром с первыми криками петухов и мычанием коровы Мурки в Простоквашино испуганные папа с мамой приехали.

Вернее, не приехали, а пришли. Из-за плохой дороги весенней им пришлось «Запорожец» недалеко от деревни, за десять километров бросить.

— Дядя Фёдор, мы приехали тебя забирать.

— Почему? Зачем?

— Как это зачем? — сказала мама. — А вот это ты читал?

Они показали мальчику «Сельскохозяйственную газету». Дядя Фёдор стал читать:
СТРАШНОЕ ПРИВИДЕНИЕ ИЗ ПРОСТОКВАШИНО

Сенсация! Нашим корреспондентам наконец-то удалось сфотографировать настоящее привидение.

Это привидение начало терроризировать деревню Простоквашино ещё в прошлом году.

Однажды молодая колхозница Пелагея Капустина (42 года) со своим юным другом Матвеем Зверобоевым (50 лет) дружно собирали грибы. И вдруг из тёмного леса, навстречу им, из огромного сенного сарая выбежало чудовище с косою и с диким криком набросилось на них. Еле-еле нашим героям удалось убежать.

С тех пор колхозники обходили сенной сарай за пять километров. Даже сено осталось нетронутым.

И вот совсем недавно корреспондент Шариков, сидя в засаде пять дней, сумел схватить привидение своим фотообъективом.

Вот оно, это привидение, на фотографии! И, как вы видите, уже с ружьём. (Впрочем, это может быть автомат Калашникова.) Очевидно, прогресс не чужд и привидениям.

Многие колхозники в ужасе хотят покинуть Простоквашино и переехать в село Троицкое, которое стоит в трёх километрах от Простоквашина.

— Уж там оно нас не достанет, — говорят они. Корреспондент Коркин и фотокорреспондент Шариков.

— Многие колхозники хотят переехать в Троицкое, а ты, дядя Фёдор, переедешь в город, — сказала мама.

— Я не боюсь привидения, — сказал дядя Фёдор.

— Ты не боишься, а мы с папой боимся, — сказала мама. — Тем более что ваше привидение с автоматом Калашникова бегаёт.

Делать нечего, дядя Фёдор понял, что мама с папой его заберут, что с привидением вышел перебор. Мама, может быть, была не права, но она была мама, а мама всегда права. И он пошёл прощаться со всеми колхозниками.

Сначала он простился с профессором Сёминым и девочкой Катей.

Профессор Сёмин сказал:

— Жаль, что вы уезжаете, молодой человек. Без вас жизнь в Простоквашине станет скучнее. Одно меня радует, что страусята заговорили. Я начинаю словарь страусиный составлять.

Потом дядя Фёдор простился с Пелагеей Капустиной и её потолстевшим кабанчиком Борькой и пошёл прощаться к почтальону Печкину.

Выздоровливающий Печкин лежал на чистой-пречистой кровати, а рядом на табуретке стоял чугунок со свежими щами, которые ему Пелагея Капустина из капусты сварила.

— Всё, Печкин, я уезжаю. И всё из-за привидения. Оно моих маму с папой напугало.

— Какое такое привидение? — спросил Печкин.

— Про которое в газете написано.

— В какой газете?

— В «Сельскохозяйственной». В сегодняшней.

Печкин сегодняшней газеты ещё не получал. Она в деревню позже приходила, чем в город. Он попросил:

— Дядя Фёдор, принеси ты мне эту газету.

— Игорь Иванович, к вам же два километра идти. А мне вещи собирать надо.

— Я некоторым всю жизнь газеты разношу, — сказал Печкин. — Больше тысячи газет разнёс. А некоторые мне одну газету принести не могут.

Дяде Фёдору стало неудобно, и он сказал:

— Хорошо, уважаемый Печкин. Я пошёл за газетой.

Глава двадцать четвёртая

Возвращение дяди Фёдора

Дело близилось к обеду. Грустный дядя Фёдор укладывал свои вещи в рюкзак. В углу Матроскин вытирал слезу лапой. Папа, как всегда, искал свои автомобильные права.

Дядя Фёдор не хотел уезжать, но строгая мама твёрдо велела ему ехать домой.

Пели дневные птицы. Куковала кукушка. Вдалеке были слышны вопли электричек.

И вдруг послышался стук. Кто-то тархтел колёсами по камням.

Это был Каштан, запряжённый в старую детскую педальную машину. В машине сидел гордый почтальон Печкин — не зря он дрессировал своего тибетского ши-цу-цы на ездовую собаку. Печкин кричал:

— Стойте, стойте! Не увозите дядю Фёдора! Я вам всё про привидение расскажу.

Папа с мамой пригласили Печкина в дом. Быстро вскипятили чай и начали слушать искренний рассказ почтальона Печкина. Дело было так.

Однажды Печкин на берегу реки Простоквашки косил зелёную траву. А был одет он в любимые красные трусы по колено, которые ему по окончании школы старшая сестра Акулина подарила.

День был жаркий и безлюдный.

— И вот я решил искупаться, — говорит Печкин. — Снял я эти красные трусы и полез в воду голышом.

Потому что никакого народа вокруг не было. Светило жаркое солнце, вокруг была сельская благодать.

И вдруг прилетел огромный ястреб или коршун, схватил эти подарочные трусищи по колено и унёс их в небо.

— Ой! — в ужасе воскликнул папа.

— Ой! — воскликнула мама.

— Так я и остался голышом и с косой, — сказал Печкин. — Как мама родила. И полдня в таком виде около деревни скрывался. Люди изредка меня видели и боялись: думали, что это смерть с косой. Многие по погребам попрятались. Вот откуда взялось привидение.

— А это что за фотография? — спросила мама про фотографию из газеты.

— Это тоже я, — сказал Печкин. — Это когда я на кабанов ходил, которые мой огород разворовали. Меня мой Каштан бегом через весь лес протащил, а лес с меня всю одежду ободрал. Я ещё и сейчас весь в занозах, как тёс пересохший.

— Значит, не было никакого привидения? — спросила мама.

— Не было, — ответил Печкин.

— Жалко, — сказал папа.

— Дядя Печкин, — попросил мальчик, — только вы никому всё это не рассказывайте. Пусть будет так, как будто привидение есть.

— А зачем? — спросил папа.

— Мы в нашей деревне хотим «Диснейленд» построить. Привидение будет к нам туристов привлекать, — объяснил дядя Фёдор.

— Какая прекрасная идея! — сказал папа. — Оказывается, я всю жизнь мечтал детский городок строить, только я об этом не догадывался. Давайте скорее эту идею разрабатывать!

Глава двадцать пятая

Большое совещание в верхах

На следующее утро был собран большой хурал[3] в лице основных жителей деревни Простоквашино. Ставилась задача выработать генеральный план превращения Простоквашина в большой туристский детский городок.

В инициативную группу колхозников вошли:

1. Житель деревни почтальон Печкин.
2. Дачник дядя Фёдор.
3. Дачник папа Дима.
4. Дачница мама Римма.
5. Дачник профессор Сёмин.
6. Дачница девочка Катя.
7. Жительница деревни колхозница-ударница Пелагея Капустина.
8. Глава администрации района товарищ Сундуков-Васильев.
9. Житель деревни кот Матроскин.
10. Житель деревни пёс Шарик.

Главным излагателем идеи был папа дяди Фёдора.

Он сказал:

— Дорогие простоквашинцы, надвигаются другие времена. Сейчас уже государство не заботится о нас, как в пионерское время. Сейчас мы должны заботиться сами о себе и о нашем государстве. Мы должны привлечь в Простоквашино туристов. Для примера расскажу, что в бедной дореволюционной Румынии ничего не было выдающегося, кроме

вампира-полупокройника — графа Дракулы. Этот тип по ночам выходил из кладбища и кусал прохожих. Так вот, на базе этого Дракулы румыны сейчас создают целый туристский комплекс.

— Так у них Дракула, — сказал Сундуков-Васильев. — А у нас что?

— А у нас собственное привидение с косой. У нас природные просторы, — возразил папа. — У нас чистая река.

— Как только туристы приедут, у нас ни просторов, ни чистой реки не будет, — сказал Сундуков.

— Тогда мы их штрафовать начнём, — предложил Печкин. — С одних штрафов хорошо заживём.

— А туристы пьют козье молоко? — спросила Пелагея Капустина.

— Пьют, — ответил папа. — Что вы ещё можете предложить?

— Я могу молоко предложить и ещё грибы, — сказала Пелагея. — Могу и картошку жареную.

— Я говорю о конструктивных предложениях для детского городка, — заметил папа.

— Мы можем предложить сарай с привидениями, — сказала девочка Катя.

— Не можете, — сказал Матроскин. — Потому что в этом сарае будут страусы жить.

— Страусы там будут жить ночью, — сказал дядя Фёдор. — Днём они в страусиных бегах будут участвовать.

Матроскин шепнул Шарику:

— А ты говорил, что от страусов доходов не будет. Вот они доходы-то!

— Какие ещё мы знаем аттракционы? — спросил папа.

— Надо небольшой зоопарк организовать, — предложил Печкин. — У меня уже есть один лесной экземпляр в доме, кабан обыкновенный называется. Вон, в огороде на цепочке сидит. И название у меня есть замечательное — «Русские звери на свободе в зоопарке».

— Какая же это свобода, если они в зоопарке! — удивился Шарик.

— Они же ведь не в наручниках, — ответил Печкин. — Они просто так бегают.

— Для зоопарка нужно что-нибудь экзотическое, — сказал папа.

— У меня есть ещё предложение, — сказал Печкин. — Сибирские крокодилы.

— Это что такое?! — поразился профессор Сёмин. — Да таких крокодилов не бывает.

— У нас будут, — сказал Печкин. — Мы их из брёвен сделаем и покрасим.

— Брёвна мы вам дадим, — сказал Сундуков. — И краску дадим зелёную. У нас от сельсовета осталась.

— Так и запишем, — сказал папа. — Выстругать пять сибирских крокодилов и покрасить в зелёный цвет. Ответственный товарищ Сундуков.

— А я вам дам чертежи крокодилов, — сказал профессор Сёмин. — Я их из Африки привёз,

когда туда ездил язык слонов изучать.

— А что, — шепнул Матроскин Шарику. — Крокодилы всегда лежат как брёвна. Руками их трогать никто не захочет.

— В крайнем случае скажем, что это ископаемые, — шепнул в ответ Шарик.

— А вы что можете предложить? — спросил папа Шарика.

— Фотоателье. Фотографирование в обнимку с привидением. Фото с чучелом президента. Фото верхом на страусе.

— Неплохо, — сказал папа. — А где мы возьмём чучело президента?

— В этом я вам помогу, — сказала мама. — Я его из фанеры выпилю и раскрашу. Я это умею.

— А чем вы порадуете народ? — спросил папа Матроскина.

— Народными промыслами, — ответил кот. — Вышивка, резьба по дереву. Доеение коровы. Глубокий сон на сеновале.

— Неплохо, — сказал папа.

— А что вы сами предложите? — спросил Матроскин папу.

Папа задумался, а потом сказал:

— Катание-сафари на «Запорожце» по пересечённой местности в окружении волков и кабанов.

— Ух! — сказали все.

— Где ж нам взять столько волков и кабанов? — ахнула мама.

— Как где? — сказал глава администрации товарищ Сундуков-Васильев. — Да в краеведческом музее! У нас там в подвале десятки экземпляров чучел завалены.

На этом совещание по превращению Простоквашино в большой туристский центр было закончено.

— Ура! — сказал папа. — Кажется, все при деле. Можно начинать штурм.

Эпилог

Этим летом я захотел побывать в Простоквашине и узнать, что там нового.

Я легко доехал до города Простоквашинска и повернул к деревне.

На развилке стоял указатель: ПРОСТОКВАШИНО ДЕТСКИЙ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР 20 КМ

Около указателя стояли сотни машин, была огромная пробка. Во всех машинах сидели дети.

Так я и не сумел добраться до «Простоквашино».

Примечания

1

Далай-лама — титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете

(ред.).

2

Чапаев Василий Иванович (1887–1919) — герой гражданской войны. Анка-пулемётчица — его верная подруга и помощница

(ред.).

3

Хурал

(монг.) — народное собрание

(ред.).